

ЛЕОНТЬЕВА Г. А.

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ

ЛЕОНТЬЕВА Г. А.

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ
ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ
ХАБАРОВ

Книга для учащихся
старших классов

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1991

Рецензенты: Институт Дальнего Востока АН СССР;
доктор исторических наук *П. П. Епифанов*

Леонтьева Г. А.

Л147 Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров: Кн. для учащихся ст. классов.— М.: Просвещение, 1991.—144 с.— ISBN 5-09-001904-5

Книга посвящена выдающемуся русскому землепроходцу XVII в. Ерофею Павловичу Хабарову. Автор рассказывает о полной самоотверженной труде и героических делах жизни Хабарова, о его роли в освоении Сибири. В центре повествования — знаменитый поход Хабарова и его соратников на Амур в 1649—1653 гг., положивший начало заселению русскими людьми Приамурья. Автор опирается на многие неизвестные архивные документы, позволяющие по-новому осветить ряд вопросов биографии Хабарова и деятельности землепроходцев на Амуре.

Книга предназначена для учащихся старших классов, всех интересующихся историей.

Л $\frac{4306020600-332}{103(03)-91}$ 232—90

ББК 63.3(2)4

Учебное издание

Леонтьева Галина Александровна

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ

Зав. редакцией *А. И. Самсонов*

Редактор *В. В. Артемов*

Младший редактор *А. В. Тимофеев*

Художественный редактор *Ю. В. Булдаков*

Редактор карт *Н. И. Степанова*

Технические редакторы *Н. Н. Махова, Н. А. Васильева*

Корректоры *Т. С. Крылова, Л. Г. Новожилова*

ИБ № 12442

Сдано в набор 22.06.89. Подписано к печати 30.01.90. А 06318. Формат 60×90^{1/16}. Бум. офсет. № 2. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,0+0,25 форз. Усл. кр.-отг. 9,69. Уч.-изд. л. 10,49+0,42 форз. Тираж 130 000 экз. Заказ № 2176. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Госкомиздата РСФСР. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

МАНЯЩИЕ СЛУХИ О БОГАТСТВАХ НЕВЕДОМОЙ РЕКИ

Одним из важнейших событий российской истории конца XVI—XVII в. было включение в состав России Сибири. В предельно короткий срок, прошедший после похода Ермака, русские служилые люди, крестьяне, промышленники прошли всю Западную Сибирь, прочно закрепились в ее центральной части и продвинулись на восток северным путем из Мангазейского острога и южным — из Томского. С основанием в 1619 г. Енисейска под контролем российской администрации оказался бассейн реки Енисей. Отсюда шаг за шагом русские отряды стали осваивать Восточную Сибирь. В 1632 г. служилый человек Петр Бекетов, пройдя по Лене, поставил Ленский (Якутский) острог. В 1639 г. этот острог царским указом был объявлен центром Якутского воеводства, объединившего обширную территорию Восточной Сибири.

Из Якутска началось планомерное освоение земель, расположенных дальше на север, восток и юго-восток. Одновременно из Енисейска продолжалось движение к Байкалу и за Байкал. В 30-х гг. XVII в. в Енисейске и Якутске русские впервые услышали от местных жителей еще об одной огромной сибирской реке, которую витимские и алданские тунгусы называли Шилкой, а охотские тунгусы — Амуром. Как выяснилось позднее, различие названий объяснялось тем, что река на своем большом протяжении называлась местными жителями по-разному. Верхняя ее часть до впадения крупного левого притока Зеи называлась Шилкой, средняя — от Зеи до впадения правого притока Усури — Шунгалом, а нижняя — от Усури до моря — Амуром. (Согласно гипотезе, которую высказали Р. К. Маак, Л. И. Шренк, Л. С. Берг и др., слово «Амур» произошло от «Мамур», искаженного на-найского названия «Мангму», что значит «большая река». Русские из слова «Мамур» сделали «Амур».)

Сведения об этой реке были неясны и противоречивы, путей туда ни от Енисейска, ни от Якутска никто не знал. Но все говорившие о ней местные жители утверждали, что берега ее густо

заселены, окрестные леса изобилуют соболем, в горах имеются серебро и другие металлы, земли плодородны и удобны для пашни, а климат мягкий и теплый.

В суровых условиях Сибири подобные слухи вызывали огромный интерес у русских переселенцев. Заинтересовались ими и сибирские воеводы. Ведь согласно царским наказам воеводы должны были обеспечивать регулярное поступление в государственную казну мягкой рухляди. Так называли в XVII в. меха, и в первую очередь собольи.

В Сибири соболь поступал от русских промысловиков-охотников и от нерусского населения. Промысловики вносили его в казну из расчета 1/10 части добытой ими на промыслах пушнины. Нерусское население (ясачные люди) соболем платило налог — ясак. Погоня за мехами принимала тогда характер своеобразной соболиной горячки. Царская администрация, отправляя отряды служилых людей для прииска новых «землиц» и «ясачного сбора», всегда наказывала им выяснить, «какие там люди живут и чем кормятся... и ясак с себя где платят и буде платят ... то каким зверем: соболем или бобрами, или лисицами...».

Весь полученный в Сибири соболь присылался в Москву. Там соболиную казну ждали с большим нетерпением. Соболь был одной из важнейших статей государственного дохода и расхода. Его высоко ценили на рынках западноевропейских и восточных стран. В обмен на соболь из-за рубежа привозили ткани, драгоценные камни, золотые изделия, вина. Соболями одаривали властителей иностранных государств и их послов, поощряли за верную службу бояр и дворян и даже расплачивались с духовенством за молитвы о многолетнем здравии государя и его семьи.

Средством увеличения поступления соболя были поиск богатых пушных угодий и дальнейшее присоединение нерусского населения, еще не обложенного ясаком.

Не менее важной задачей для Сибири была организация местного земледелия. Приходя на новую землю, русские люди испытывали острую нужду в хлебе. Голод в XVII в. был их постоянным спутником. Источники сохранили немало свидетельств такого рода: «едим траву и коренье», «помираем голодной, томной смертью», «души свои скверним — всякую гадину и медвежатину едим», «живем с воды и с травы», «от трав и от коренья без хлеба оцинжали».

Сначала хлеб в Сибирь доставлялся из поморских городов европейской части страны. Но по мере продвижения русских людей в глубь сибирской территории их усилиями стало развиваться и местное хлебопашество. Освоение Восточной Сибири потребовало на первых порах переброски туда значительных партий хлеба из более обжитых западносибирских уездов. Хлеб доставлялся за тысячи верст. Его путь лежал через громадные сибирские реки, волоки, болотные топи, непроходимые леса. Поставки были трудными, дорогими и далеко не обеспечиваю-

щими местные нужды. Вот почему особой заботой администрации и рядового населения стал поиск подходящих для пашни мест и организация земледелия.

Большой интерес сибирские власти проявляли также к поискам полезных ископаемых. До конца XVII в. в России еще не были освоены собственные серебряные месторождения. Для чеканки монет правительство закупало в странах Западной Европы серебряные талеры, получившие в России название «ефимков». Их затем перчеканивали и получали свои монеты. Стремясь сократить громадные расходы по закупке серебра, правительство требовало от местных властей максимальных усилий по разведке благородных металлов и их добыче.

Земли, расположенные на неизвестной сибирской реке, согласно слухам, могли помочь решению всех перечисленных выше задач. Новые соболиные угодья открывали перспективу компенсировать уже уменьшившуюся к 30-м гг. XVII в. добычу соболя и вновь пополнить «мягким золотом» государственную казну. Тучные нивы нового района сулили обеспечить хлебом Забайкалье и Якутию. А добыча своего серебра в районе, даже очень отдаленном от центра, была более надежной и дешевой, чем его закупки у западноевропейских правителей и купцов.

Но сибирская администрация и сибирское население понимали, что прежде чем получить богатства, к ним нужно было открыть пути, преодолеть тысячи верст, обследовать новые земли и, наконец, вложить громадный труд в их закрепление и хозяйственное освоение. На выполнение этих задач были направлены усилия русских землепроходцев.

НАЧАЛО ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКИХ НА АМУР

Первые планомерные поиски путей на Амур и в район, получивший впоследствии название «Даурия» (русское название Забайкалья и частично Приамурья в бассейне рек Шилки, Аргуни, Зеи, Буреи, отчасти Сунгари и Уссури), начались примерно за 10 лет до похода туда Ерофея Павловича Хабарова. Их осуществляли выходившие из Енисейска и Якутска как правительственные отряды, так и действовавшие на свой страх и риск промышленники.

В 1638 г. из Енисейска для «прииску и проведывания новых земель неясчных людей» был послан казачий атаман Максим Перфильев, один из опытейших русских землепроходцев, уже неоднократно совершавший сложные путешествия по Восточной Сибири. На этот раз ему было поручено не только собрать сведения о землях, расположенных за Байкалом, но и попытаться разведать ближайшие водные подступы к Амуру.

Отправившись из Енисейска с отрядом в 36 человек уже знакомым ему путем по Ангаре, Перфильев перешел через Илимский волок и достиг ранее построенного Олекминского острожка, расположенного в устье правого притока Лены — Олекмы. Здесь же

он перезимовал и собрал сведения у тунгусского населения о возможных путях на Амур. Местные тунгусы сообщили ему, что таким путем является река Витим, один из притоков Лены, верховья которого близко подходят к водоразделу Амура. Весной 1639 г., когда вскрылись реки, Перфильев достиг устья Витима и поднялся по нему до устья реки Кутомалы, где его вновь застала зима. Весной следующего года он продолжил путь по Витиму и, дойдя до устья реки Цыпири (Цыпы), поднялся по ней до Большого Цыпирского порога. К этому времени у Перфильева кончились хлебные запасы. Трудная дорога по рекам против течения, многочисленные пороги, которые приходилось преодолевать волоком по берегу, измучили отряд. Перфильев принял решение вернуться назад. В устье Цыпири он встретил тунгусов, с которых собрал ясак — 74 соболя и получил от их шамана Комбайка кое-какие сведения, имеющие отношение к Амуру: где-то в устье Витима жил «...даурский князец Батога... в рубленых юртах... Скота и соболя у него много... Есть у него серебро. Он покупает его на соболя на Шилке-реке (Амуре.— Г.Л.) у князца Лавкая. На Шилке-реке живут многие даурские пашенные люди. Хлеб у них всякий... У князца Лавкая, на Усть-Уре... серебряная руда в горе... Из нее плавят серебро и продают они серебро на соболя, а соболя у них на Шилке-реке покупают китайские люди... А Шилка-река пала в Ламу. А Ламу де... называют морем»¹.

Поход Перфильева, с точки зрения администрации, оказался безрезультатным. Теперь енисейские воеводы решили искать путь в Приамурье не по притокам Лены, а со стороны озера Байкал. Об этой дороге, хотя и очень неопределенно, в Енисейске узнали от байкальских тунгусов и бурят. Те рассказывали, что дорога шла через Байкал на реку Баргузин, впадавшую в Байкал с восточной стороны, далее на Еравнинские озера, а оттуда — в реку Шилку.

Обследование этого пути было поручено отряду во главе со служилым человеком С. Скороходовым. В 1643 г. отряд переправился через Байкал, добрался до устья Баргузина, где погиб в столкновении с тунгусами.

Следующий этап, приблизивший землепроходцев к Приамурью со стороны Байкала, был связан с деятельностью отрядов служилых людей Василия Колесникова, Ивана Похабова и Ивана Галкина. В 1645—1647 гг. они установили в Забайкалье относительно мирные контакты с бурятами и тунгусами, а также с монголами. Последние вначале тоже стремились распространить свою власть на местное население Забайкалья. Но, встретив там русских и заинтересовавшись перспективами дипломатических и торговых связей с Россией, они, как правило, стали избегать серьезных столкновений с ними и не препятствовали присоединению к России забайкальских бурятов и тунгусов. Местное же население, в свою очередь, охотно принимало российское подданство в надежде получить защиту от набегов монголов.

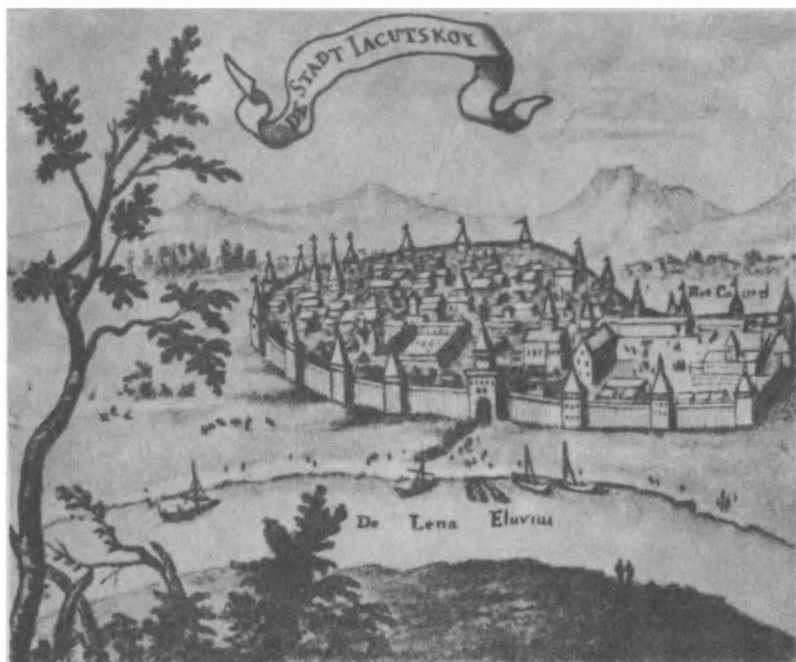
Отряд Колесникова численностью в 100 казаков вышел из Енисейска в Забайкалье, имея основной задачей «проведывание о серебряной руде и прииск новых земель». Переправившись через Байкал, он добрался до устья Селенги и встретился там с кочевавшими монголами и с «большими братскими людьми» (бурятами). Оказавшись на громадном расстоянии от русских поселений, Колесников не рискнул идти дальше. Он вернулся на северный берег Байкала и основал в устье Верхней Ангары Верхнеангарский острожек, предполагая совершать из него походы в Забайкалье. В 1645 г. он отправил из Верхнеангарска разведывательный отряд из четырех служилых людей, назначив старшим среди них казачьего десятника Константина Иванова сына Москвитинова. Им поручалось выяснить достоверность слухов о серебряной руде в Забайкалье и Монголии.

Преодолев тяжелый путь через Байкал, реку Баргузин и Баргузинские степи, смельчаки вышли в район Еравнинских озер. По пути казаки наткнулись на такие большие снега, что их пришлось «прорубать топорами». Не задерживаясь здесь, отряд повернул к Селенге, где находились кочевья «мунгальского большого князя» Турухан-Табуна. Этот князь имел в подчинении 20 тыс. «добрых детных и конных людей», молился в войлочной юрте (храме) золотым и серебряным изображениям буддийских божеств, был популярен среди своих соплеменников и богат. У него-то и рискнули казаки выяснить достоверность слухов о серебре. Турухан-Табун удовлетворил их интерес, рассказав, что серебра и золота в его земле нет и что серебряные и золотые вещи он покупает у китайских купцов. На прощание он подарил казакам немного золота и две серебряные чаши.

Отправленный Колесниковым из Верхоленска отряд Похабова продолжил обследование Забайкалья и выяснение вопроса о наличии полезных ископаемых. Дотошный Похабов не только побывал у Турухан-Табуна, но с его помощью добрался до Урги — ставки монгольского Цецен-хана. Он преподнес хану и главе монгольского духовенства Кутухте в подарок соболей и английское красное сукно «на платье». В свою очередь монголы дали подарки для царя и отправили с Похабовым послов в Москву. Цецен-хан подтвердил слова Турухан-Табуна о том, что серебро и золото в Монголии не добывают, а покупают в Китае. Похабов решил было рискнуть и отправиться в Китай, но Цецен-хан его туда не пустил.

В 1648 г. отрядом Галкина был основан Баргузинский острог, который стал ближайшим подступом к бассейну Верхнего Амура. И тем не менее, как ни стремились енисейские воеводы первыми выйти на Амур и известить об этом Москву, приоритет в этом все же принадлежит администрации вновь учрежденного в 1639 г. Якутского воеводства.

Первым воеводой в Якутию Сибирский приказ назначил Петра Петровича Головина. Воеводская служба в Сибири не считалась почетной. Некоторые из воевод назначались в Сибирь, попав в

Якутск. С гравюры из книги голландского путешественника Н. К. Витсена 1692 г.

немилость. Отправка в самый отдаленный уезд страны, каким был Якутский, рассматривалась современниками не иначе как почетная ссылка. Вернуть расположение царя можно было только показав служебное рвение. Оно же в условиях Сибири проявлялось в первую очередь в присоединении новых земель и сборе богатого ясака.

Вот почему, случайно встретив по дороге в Якутск возвращавшегося с Витима в Енисейск Перфильева, Головин досконально расспросил его об Амуре, Витимском пути и причине неудачи экспедиции. Максим Перфильев, убежденный в правильности Витимского подступа к Амуру, связывал основную неудачу своего похода с недостатком продовольствия и снаряжения. Головин получил у Перфильева письменный отчет об экспедиции и тотчас переслал его в Сибирский приказ.

Приезд Головина в Якутск почти совпал с возвращением еще одной экспедиции, также сообщившей сведения об Амуре. Землепроходец Иван Москвитин был послан в Якутию из томского гарнизона на временную, или, как тогда говорили, годовую службу. В 1639 г. с отрядом в составе 21 человека Москвитин отправился на «большое море-окиян по тунгусскому языку (по сообщениям тунгусов.— Г. Л.) на Ламу». К Охотскому морю казаки продвигались реками Леной, Алданом, Маей. Дойдя до речки Юдомы, они бросили тяжелый дощатник и сделали два легких струга.

Затем пришлось расстаться и со стругами. Взвалив на себя тяжелую поклажу, казаки преодолели хребет Джугджур и вышли к реке Улье, вниз по которой плыли уже на лодке. Достигнув моря, казаки немного западнее сегодняшнего Охотска поставили небольшое зимовье, а в устье реки Уды, впадающей в Охотское море, — Удский острожек. Отсюда они ходили вдоль Охотского побережья собирать ясак и охотиться на моржей. В одном из таких походов казаки дошли до Шантарских островов, населенных нивхами, и увидели на тех островах «многие дымы». Из-за своей малочисленности они не рискнули высадиться на берег. Но так как по пути их «изнял голод», то для пропитания они завернули в одну из речек. Здесь им повстречались тунгусы, которые сообщили, что за островами (Шантарскими) есть большая река Амур, впадающая в море. В ее устье и по островам живут натки, а выше по течению — «конные люди». Как выяснилось позже, конными людьми тунгусы называли дауров и дючеров, у которых было развито коневодство. Тунгусы говорили, что конные люди умели выращивать хлеб, в их хозяйстве в изобилии водились скот и домашняя птица, они добывали в горе серебряную руду, из которой плавил серебро. В доказательство слов о серебре две тунгусские женщины подарили Москвитину из своих украшений, когда-то выменянных у конных людей на собольи меха, по небольшому серебряному кружочку.

Перезимовав у тунгусов и собрав с них ясак в размере 12 сороков соболей (шкурки считали по 40 штук, связанных вместе), отряд Москвитина прежним путем вернулся в Якутск.

Сведения, сообщенные Перфильевым и Москвитиним, глубоко взволновали якутскую администрацию. Полученные с верховьев и низовьев Амура, расстояния между которыми составляли тысячи верст, они совпадали в главной своей сути: на Амуре были хлеб, соболь, серебро. Там проживало население и велся оживленный торговый обмен.

Энергично взявшись за дело, Головин разослал из Якутска несколько разведывательных отрядов. Одному из них, состоявшему из 50 человек, во главе с казачьим пятидесятником Максимом Васильевым и десятником Аксеном Аникиевым поручалось выяснить, нельзя ли добраться на Амур «сухим путем сверх Лены-реки» или же со стороны Байкала. Им же предписывалось по возможности собрать сведения об Амуре у бурят и кочующих за Байкалом тунгусов: «Шилка-река сколько от них далеча и Лавкай-князец, который живет на Шилке, сколь далеча от них живет, и серебряная руда на Шилке и медяная далеча ль от Лавкаява улуса, и какой хлеб на Шилке-реке родитца, и куды Шилка-река устьем впала»².

Итоги этой экспедиции неизвестны. Но нескольким казакам, посланным Головиным на речку Чаю, удалось получить от местных тунгусов подтверждение известий, привезенных Перфильевым о том, что «вверх Витима, за волоком живет князец Лавкай в рубленных юртах... и хлеб у него родится всякой». Тунгусы по-

казывали русским серебряные украшения, выменянные у дауров на соболь, а одна из тунгусских женщин за две нитки одекуя (бисера) отдала из своего мониста «серебряный круг в 10 алтын»³.

Серебряные кружочки из женских украшений, привезенные с верхнего и нижнего Амура, и казачьи отписки подтолкнули якутского воеводу к дальнейшим активным действиям. Головин не мешкая готовит экспедицию на Амур, во главе которой ставит письменного голову Еналея Бахтеярова.

Поскольку до 1641 г. более ближнего пути на Амур, чем Витимский, узнать так и не удалось, экспедиции пришлось идти к намеченной цели рекой Витимом, по которой два года назад безуспешно пытался пробиться Перфильев. Головин рассуждал так: Максим Перфильев вернулся с половины пути из-за нехватки хлеба, потому что из Енисейска до Витима пришлось добираться долгим путем и даже с двумя зимовками. Бахтеяров же шел к Витиму из Якутска, т. е. более коротким путем, и мог преодолеть его в одно лето или, на худой конец, с одной зимовкой.

В отряде Бахтеярова было 55 человек, считая четырех толмачей (переводчиков). Хлеб им дали из расчета на два года. Вооружение состояло из пушки и «к ней свинца для ядер на сорок зарядов».

О значении, которое Головин придавал этой экспедиции, говорил тот факт, что ее руководство он поручил письменному голове. Воевода был уверен в успехе затеянного дела и приказал отряду не просто собрать сведения, а положить начало русскому освоению нового края: «Послали мы (Бахтеярова. — Г. Л.) для ясачного сбора, прииска новых земель, серебряной, медной, свинцовой руды, хлебные пашни. И велели к Батоге и Лавкаю посылать тунгусов и служилых людей. И тех князьцов велели мы призывать под высокую царскую руку и ясак брать... А у серебряные руды острог поставить»⁴.

Бахтеяров поднялся по Витиму выше Перфильева. Как и предполагал воевода, хлебных запасов ему хватило. Но чем дальше шел отряд, тем путь становился все более непроходимым и трудным: приходилось преодолевать множество мелей, порогов, лесных завалов. Люди выбивались из сил, а конца пути не было видно. Тунгусы, которые изредка встречались в тех краях, пугали Бахтеярова рассказами о многочисленности дауров и о силе их князьцов. Взвесив все за и против, Бахтеяров отдал приказ о возвращении, ограничившись, как и его предшественники, сбором географических сведений. Он дал подробное описание Витима с указанием мелей, порогов и речек, впадающих в него. Взятый Бахтеяровым тунгусский шаман Лавага подтвердил прежние известия о богатстве Даурии и наличии там хлеба и серебряной руды. Новым для русских в рассказе Лаваги было упоминание о реке Зее, левом притоке Амура, про которую в Якутске еще никто не знал. «А на Зие-реке хлебных сидячих людей много, а вверх по Зие тунгусов много. И у тунгусов соболей много», — сообщил Лавага.

Новая неудача не заставила Головина отказаться от намеченных планов. Наоборот, поиски путей на Амур стали вестись еще более энергично. В Якутской приказной избе расспрашивали русских и нерусских людей, знающих что-либо об Амуре и путях к нему. Показания тщательно записывались подьячими, докладывались воеводе, сопоставлялись и обсуждались. Так прошло два года. И вот в 1643 г. одному из русских отрядов, собиравшихся с тунгусов в устье реки Алдана, встретился тунгусский шаман Томканей, который хорошо знал о существовании другого, более удобного, чем Витимский, пути в Даурию и на Амур. К тому же, как выяснилось, шаман знал об Амуре не понаслышке, а неоднократно бывал там сам. Томканей привезли в Якутск, где его лично расспрашивал воевода. Со слов тунгуса, на Амур можно было попасть правым притоком Лены рекой Алданом. Из Алдана нужно было идти Учуром и Гонамом до волока. С волока путь вел в Брянду, впадающую в Зею, а оттуда — в Амур. Томканей обнаружил хорошую осведомленность о племенах, живущих по реке Зее, и даже назвал имена «лучших людей» их улусов. Рассказ Томканей о Зее и ее населении, совпадавший с сообщением тунгуса Лаваги, был тщательно записан в воеводской избе. О нем вскоре известили Москву, а тунгуса наградили четырьмя аршинами «доброго сукна».

Таким образом, в 1643 г. якутская администрация имела об Амуре и путях к нему значительную информацию, которая не оставляла никакого сомнения в том, что приамурские земли могут стать источником продовольствия, пушнины, драгоценных металлов. И воевода Головин решил сделать еще одну попытку присоединения Приамурья к Российскому государству.

Как отмечает историк Б. П. Полевой, новая экспедиция на Амур во главе с письменным головой Василием Поярковым «готовилась в масштабах, совершенно необычных для малолюдного Якутского острога». В условиях якутской скудности воевода не пожалел снарядить экспедицию всем необходимым. Он выделил 6 дощаников, положил на их оснащение 4312 сажень парусины, 325 сажень веревок новых, 790 сажень веревок, бывших в употреблении (старых). На случай, если бы суда пришлось тянуть против течения, было отпущено 380 сажень бечев. Для починки имеющихся и постройки новых судов Поярков получил судовые инструменты, в том числе 3 долота, 12 напарей, 23 сверла, 6 оборотней, 4 скобели, 700 судовых скоб, 200 гвоздей⁵.

В отряде Пояркова было 112 служилых людей, 15 «охочих» промышленных людей, 2 целовальника, 2 толмача и 1 кузнец. Проводниками по Алдану и Гонаму должны были идти тунгусы Томканей и Лавага. Один из толмачей был в свое время в отряде Москвитина и хорошо знал путь от Охотского побережья до Якутска. Перед походом служилым людям выдали порох, свинец, 70 куяков, 10 панцирей, пищали и «пушечку железную, а к ней сто полуфунтовых ядер».

Специально для Пояркова в Якутске начали составлять наказную память — инструкцию. Однако с посылкой экспедиции так спешили, что память была вручена ему уже на Алдане нагнавшими его пятидесятниками Яковом Петровым и Петрикеем Мининым «с товарищи». Память вооружала Пояркова имеющейся в распоряжении якутской администрации информацией о путях на Амур и с Амура — Витимском, Алданском и вдоль Охотского побережья, сообщенной Перфильевым, Бахтеяровым, Москвитиним, Лавагой, Томканеем и др. В ней подробно указывались методы, с помощью которых следовало осуществлять присоединение новых земель. Прежде всего предполагалось «призывать даурских людей под государеву высокую руку» лаской и уговорами, чтобы они были «навек неотступно и ясак платили полной по вся годы». В случае сопротивления Поярков должен был смирять их «ратным обычаем, войною, безвестным приходом». Для закрепления русских в новом крае наказная память предлагала строить в стратегически важных и «пригожих» местах, в частности у месторождения серебряной руды, опорные пункты остроги: «...и пришед к серебряной руде, острог поставить и укрепиться всякими крепостями... и серебряные руды велеть при себе весом плавить... и серебро велеть беспрестанно плавить на государя».

Присоединение и хозяйственное освоение нового края не исключало необходимости его дальнейших географических разведок. На этот счет Пояркову были даны конкретные задания: «И на Зие-реке будучи ему, Василию, расспрашивать всяких иноземцев накрепко про сторонние реки падучие, которые в Зию-реку пали. Какие люди по тем сторонним рекам живут, сидячие ль, или кочевые. И хлеб у них и иная какая угода есть ли, и серебряная руда, и медная, и свинцовая по Зие-реке есть ли. И что хто иноземцов в распросе скажет, и то записывать имянно. И чертежи и роспись дороге своей и волоку и Зие и Шилке-реке, и падучим в них рекам, и угожьям прислать в Якутской острог вместе с ясачною казною»⁶.

Отряд Пояркова вышел из Якутска 15 июля 1643 г. Спустившись вниз по Лене до устья Алдана, он повернул в эту реку и начал подниматься вверх по ее течению. Суда пришлось тянуть бечевой, и это чрезвычайно замедляло движение отряда. Через 4 недели он достиг устья Учура, а еще через 10 дней — устья Гонама. Река Гонам была одной из самых опасных и бурных рек Сибири. Отряду Пояркова пришлось преодолеть множество порогов. Один порог был так высок, что при подъеме судно «заметало» водой и казенный свинец весом в 8 пудов был смыт в глубокое место. В течение нескольких часов пытались найти казаки его в ледяной пучине, но все усилия были напрасны. Здесь же на гонамских порогах Поярков потерял 2 дощаника, часть снаряжения и продовольствия.

Путь по Алдану, Учур, Гонаму оказался более трудным и долгим, чем это предполагали в Якутской приказной избе. Только

по Гонаму он продолжался в течение 5 недель. Начинались заморозки. Двигаться на судах становилось все труднее. До зимы отряд так и не смог достигнуть волока, ведущего в Приамурье. На Гонаме, не доходя реки Нюемки, Поярков поставил зимовье, где члены экспедиции отдохнули после тяжелой дороги. Через 2 недели было решено оставить с основными запасами вмерзшие в лед суда и идти дальше налегке, прихватив оружие и немного хлеба. За волоком Поярков надеялся сразу обложить ясаком местное население и получить у него необходимое продовольствие. Охрану судов и основной казны Поярков поручил 40 казакам во главе с пятидесятником Петрикеем Мининым, приказав им по последнему зимнему пути перейти с казной за волок на реку Брянду, впадающую в Зею, сделать новые суда и весной догонять его.

Основной отряд в количестве более 90 человек во главе с Поярковым двинулся дальше. Казаки впряглись в нарты и шли сначала по замерзшему Гонаму, а затем по Нюемке. С трудом перевалив Становой хребет, через 2 недели они достигли реки Брянды — притока Зеи. Здесь Пояркову стали попадаться тунгусы-скотоводы. Своего хлеба они не имели, а выменивали его на скот у дауров. Не останавливаясь в районе тунгусских кочевий, Поярков добрался до устья реки Умлекана, где впервые встретил дауров из рода князьца Доптыуля. В устье Умлекана решено было поставить зимовье и подождать оставшуюся на Гонаме казну. Здесь же Поярков предпринял первую попытку объясачивания дауров: князец Доптыуль был взят в аманаты (заложники) и с его рода собрали ясак.

Первоначально отношения с местным населением у Пояркова были дружественными. Известно, что 21 декабря 1643 г. к нему в зимовье в устье Умлекана приезжали «без опасения» даурский князец Бебра с племянником Даварей и дючерский князец Чинегга, которые привезли ясак. От них Пояркову удалось узнать о Даурии ценные сведения, частично опровергающие ходившие о ней слухи. Со слов Доптыуля выяснилось, что на Зее и Амуре серебра, меди, камок и кумачей нет и что дауры выменивают их на соболь у хана «Барбога». Князьцы Бебра и Чинегга поправили Доптыуля, сказав, что и «у хана Барбога серебро, медь, олово, кумачи не родятся», а обменивает он их в Китае. Те же князьцы жаловались Пояркову на «Барбога», который в иные годы приходит «с ордою», с многими пушками и огненным боем, грабит их улусы и угоняет пленных.

Показывая свое расположение к русским, дауры, жившие в устье Селимджи в городке Молдакичит, согласились дать казакам «для прокорма до весны» 40 кузовов круп и 10 голов крупного рогатого скота. За продовольствием Поярков отправил отряд во главе с пятидесятником Петровым. Но служилые люди решили потребовать большего. Приняв продовольствие, они захватили в аманаты двух князьцов Досия и Колпу и осадили Молдакичит. В ответ дауры сделали неожиданную вылазку, во время которой убили 9 казаков. Теснимые даурами, служилые отошли к юртам,

расположенным за пределами городка. Там они просидели в осаде трое суток. Только на четвертые сутки людям Пояркова под прикрытием ночной темноты удалось прорваться и уйти, бросив полученное продовольствие и скот. Через 10 дней они вернулись в устье Умлекана к зимовью Пояркова.

Ошибка Пояркова, который приказал Петрову «приводить под высокую государеву руку» местное население не только «ласкою, но и жесточью», имела для отряда тяжелые последствия. Зимовка 1643—1644 гг. в устье Умлекана — один из трагических эпизодов деятельности землепроходцев в Сибири. Отбиваясь от наседавших со всех сторон дауров, отряду пришлось пережить все ужасы голода. Люди питались «травой и кореньем». Некоторые из них, по словам очевидцев, «не хотя напрасно смертию помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли... И они, служилые люди, которые мертвых служилых и иноземцев ели, иные ожили, а иные померли»⁷. Всего в ту страшную зиму из 90 человек в отряде Пояркова от голода и болезней умерло 40 человек.

После вскрытия рек к Пояркову пришли суда, которые пятидесятник Минин и его казаки благополучно переволокли на Зею. Получив подкрепление и продовольствие, отряд пошел вниз по Зее. Поскольку в разгар весенних полевых работ местное население вышло в поле, казаки смогли беспрепятственно осмотреть некоторые из даурских городков. Все они имели башни и стены, были окружены рвами и валами. За городскими укреплениями размещались юрты для жилья и загоны для скота и конских табунов. В городках казаки взяли запасы хлеба, меха и некоторые другие предметы. В городке Балдачи их внимание привлекла медная посуда, которой, как им показалось, «было бес числа много».

Район, прилегающий к устью Зеи, где теперь находится Благовещенск, приглянулся Пояркову и его спутникам. Казаки насчитали здесь 6 культур: ячмень, овес, просо, гречу, горох, коноплю. В огородах у местных жителей росли огурцы, бобы, капуста, чеснок, а в садах — яблони, груши, орехи. «И рыбы у них в той Зее белуг и осетров и иной всякой много, а зверя соболя и иного всякого ж много», — писал впоследствии Поярков.

В этом благодатном крае Поярков решил было строить острог, из которого объясачивать дауров. Но предварительно он отправил 25 человек во главе с десятником Ильей Ермолиным разведать, далеко ли от устья Зеи до моря. Пройдя вниз по течению Амура, но так и не достигнув моря, разведчики через трое суток повернули назад. На обратном пути отряд подвергся неожиданному нападению дочеров. Только двум казакам удалось спастись. Они-то и принесли Пояркову весть о печальной участи товарищей.

С оставшимися людьми Поярков не рискнул строить острог в населенном месте и пошел вниз по Амуру. От устья Зеи отряд плыл «три недели дючерами». Про них Поярков рассказывал, что они «такие же сидячие и хлебные и скотные, что и дауры».

Гиляки. Медвежий праздник. Рисунок русского этнографа XIX в.

К осени 1644 г. ниже правого притока Амура реки Сунгари Поярков увидел земли натков (гольдов), а еще через несколько дней пути — земли гиляков (нивхов). В отличие от дауров и дючеров они не знали земледелия и жили рыбным промыслом и охотой: «Натки живут по Амуру по обе стороны улусами, ясаку никому не дают. . . А гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря по губам улусами, кормятся рыбой. Ясаку гиляки не платят»⁸.

В Гиляцкой земле Поярков поставил небольшое зимовье. Отношения с местными жителями установились мирные. Поярков и его товарищи бывали в жилищах гиляков и имели возможность наблюдать их быт. Гиляки жили зимой в деревянных рубленых юртах, а летом переселялись «в клетки безоконные», которые строились на сваях. Около юрт находились «вешала» для провесной рыбы и срубы, где кормили медведей. Медведь почитался у гиляков в качестве священного животного и выкармливался для общественного праздника, когда его убивали из луков на особой ритуальной площадке. Убедились русские и в многолюдности Гиляцкой земли.

Первоначально казаки не делали попыток обложить ясаком гиляков. Они выменивали у них дрова и вяленую рыбу на русские товары. Только по окончании зимовки казаки захватили в аманаты 3 гиляцких князьцов, собрали под них ясак, а самих князьцов взяли с собой в Якутск.

Весной 1645 г., когда вскрылся лед, Поярков принял решение о возвращении. К этому времени в его отряде осталось только 50 человек: 9 он потерял в стычках с даурами, 40 умерло с

голода и от болезней, 23 были убиты в Дючерской земле. Возвращаться прежним путем с небольшим отрядом он не рискнул: слишком хорошо помнили казаки гибель Ильи Ермолина и его товарищей. Да и идти на веслах измученным голодной зимозкой людям в половодье против течения Амура и его притоков было бы более чем безрассудно. И Поярков принял единственно правильное решение — возвращаться Охотским морем и далее маршрутом Ивана Москвитина.

Летом 1645 г., оставив в устье Амура свое зимовье, Поярков вышел в Охотское море. Плавание на речных судах, непригодных к плаванию по морю, было очень тяжелым и опасным. Много раз казаки попадали в шторм и туман, надолго теряли берег из вида, и тогда гибель казалась им неминуемой. К тому же у участников экспедиции не было хлеба, и это усугубляло их страдания. 12 недель добирались суда по бурному морю до устья реки Ульи. Неизвестно, нашел ли Поярков здесь зимовье Ивана Москвитина или поставил свое, но в устье Ульи он остался на третью зимовку. В мае 1646 г., поручив ясачий сбор с окрестных тунгусов 20 служилым и промышленным людям, Поярков пошел с остальными по маршруту Ивана Москвитина: вверх по реке Улье до волока, затем через волок по Юдоме в Майю, из нее — в Алдан и Лену. 12 июня 1646 г. отряд прибыл в Якутский острог.

Путешествие Василия Пояркова продолжалось 3 года. Из даурского похода он привез 3 гиляцких аманатов и ясак, состоявший из 497 соболей, 16 шуб, 7 напольников и 7 платев собольих. Поярков не смог закрепиться на Амуре. Главными итогами его похода были открытия Алданского пути, реки Зеи, средней (начиная от устья Зеи) и нижней (от реки Уссури до устья) частей Амура. Он подтвердил данные о плодородии Приамурья, собрал ценные сведения о населяющих его народах, их занятиях, торговых связях и отношениях с соседями. С политической точки зрения важнейшим результатом экспедиции Пояркова было установление факта, что амурское население не находилось в чьем-либо подданстве и могло быть призвано под власть российского царя.

В Якутске Поярков уже не застал воеводу Головина. Он отчитывался перед сменившими Головина воеводами В. Пушкиным и К. Супоневым. Поярков составил подробную отписку о своем путешествии и первые чертежи Алдана, Зеи и Амура с их подробным описанием. Один из экземпляров отписки и чертежей остался в Якутской приказной избе, а другой был захвачен Поярковым в Москву для предъявления в Сибирском приказе.

В период пребывания Пояркова на Амуре (1643—1646) поиски путей в Приамурье не прекращались. Их инициаторами стали промышленники — охотники на соболя. Именно им принадлежало открытие наиболее удобного, близкого и доступного со стороны Якутска Олекминского пути в Даурию.

В 1646 г. промышленник Григорий Вижевцев и его 6 товари-

щей, преодолев правый приток Лены Олекму, добрались до реки Тугирь (Тунгир). Здесь они поставили небольшое зимовье и стали охотиться в его окрестностях. Однажды промысловикам повстречались тунгусы. Тунгусы были одеты в кумачовые плащи и азямы, а к их платью «была пришивана камка». Женщины имели серебряные украшения. Тунгусы сказали, что они «те камни, серебро, платье» обменивают на соболь у даурского князья Лавкая. Лавкай жил на Амуре. Оказалось, что от реки Тугиря до Амура было рукой подать. Дорога шла через Тугирский волок, а далее по одной из двух речек — Урке или Амазару, спадающих с волока в Амур. Тунгусы заверяли, что от зимовья Вижевцева до Амура на оленях, нагруженных вьюками, можно дойти за 10 дней. Любопытный охотник сам проведаль этот путь, попав на Амур через Урку.

В середине 1648 г. на Тугирском волоке появилось зимовье промышленного человека Ивана Квашнина. С волока «своей чунницей» (тропой) он ходил по Амазару на Амур, где обменивал тунгусам, подвластным Лавкаю, одекуй (бисер) на соболей и предлагал им в подарки ножи и котлы.

В Якутске об Олекминском пути и Тугирском волоке впервые узнали от Григория Вижевцева. Приехав с промысла в мае 1647 г., он сообщил о своем открытии в приказной избе воеводам Супоневу и Пушкину. По его рассказу получалось, что удобный путь лежал совсем рядом. Воеводы были немало удивлены тем, что крупные правительственные отряды так и не могли найти путей к даурскому князю Лавкаю, о богатстве которого в Якутске ходили легенды, а простой промышленник на утлом суденышке разыскал дорогу и даже вступил с людьми, знающими Лавкаю, в общение!

В ответ на сомнения воевод о непроходимости Олекмы Вижевцев имел свои доводы. Да, Олекма порожиста. Но пороги можно преодолеть в небольших, подвижных судах, «лишь бы судовые снасти добрые были, да заводы и подчала и бечевки новые». «По Тугирю порогов нет, ход судовой доброй», — доказывал охотник. Из его рассказа следовало, что от Якутска по Лене и Олекме до реки Тугирь дорога занимала 14 недель, а от Тугиря через Тугирский волок — 10 дней. Значит, используя новый вариант пути, от Якутска до Амура можно было в среднем добраться за 4 месяца, т. е. за одно лето.

Рассказы Вижевцева о новом Олекминском пути вызвали в Якутске жаркие споры о его преимуществе. Для совета воеводы призвали Василия Пояркова. Поярков стал оспаривать выгоду Олекминского пути, доказывая, что по Алдану до Лавкая ближе, чем по Олекме. Продолжительность своего плавания до Амура Поярков объяснял его «поздним отпуском» Головиным, вследствие чего ему пришлось перенести голодную зимовку в устье реки Умлекана. Доказывая преимущества Алданской дороги, письменный голова категорически заявил: «Только теми реками нужный ход!»

Учитывая мнение Пояркова, воеводы Пушкин и Супонев не рискнули сразу отправить Олекминским путем большую экспедицию. Сведения Вижевцева нуждались в проверке. С этой целью из Якутска был послан разведывательный отряд во главе с пятидесятником казаков Василием Юрьевым и десятником Алексеем Оленем, которым было велено «в Даурскую землю идти и про ту Даурскую землю проведать подлинно»⁹.

Василий Юрьев с товарищами вышли из Якутска в конце мая — начале июня 1647 г. с расчетом успеть на Олекму до времени, «пока вода с больших порогов не ушла». В провожатых шел сам Вижевцев, который торопился на Тугирь к началу нового охотничьего сезона. Следуя Леной и Олекмой, отряд к осени 1647 г. благополучно добрался до реки Тугирь, где стояло зимовье Вижевцева. Здесь отряд разделился. Юрьев стал обследовать окрестности Тугиря, а тунгусского толмача Лариона Барабанщика вместе с казаками Ананием Воробьем, Иваном Осетром и Марком Васильевым послали проверить путь через Тугирский волок, найти там тунгусов и расспросить их о даурских людях и Лавкае.

Ларион Барабанщик и казаки поднялись вверх по Тугирю-реке и вышли на Тугирский волок, где уже стояло зимовье Квашнина. Маршрут их дальнейшего путешествия неизвестен. Но можно предположить, что в Амур с Тугирского волока Барабанщик с товарищами попали не по реке Урке. Очевидно, разведчики использовали второй вариант Тугирского волока, а именно реку Амазар. В пользу этого есть свидетельство, что шли они к Амуру «по чуннице Ивашки Квашнина». Квашнин же промышлял на Амазаре и первым выходил на Амур именно по этой реке.

Разведка Барабанщика на Амуре продолжалась «пол-четверти недели». В течение этого времени служилые люди обследовали берег реки и обнаружили там два плеса, плот, следы коней, которые вели вверх по Амуру. Встретив «даурские признаки», служилые люди вернулись к Юрьеву и Оленю на реку Тугирь, чтобы доложить им обо всем увиденном. Получив необходимые сведения, Юрьев и Олень со служилыми людьми вернулись в Якутск и доложили о ближайшей дороге на Амур.

Так в результате деятельности промышленных и служилых людей был открыт Олекминский путь в Даурию. Этим путем вскоре пройдет землепроходец Ерофей Павлович Хабаров, с именем которого связано первоначальное освоение Амура.

ОТКУДА МЫ ЗНАЕМ О ХАБАРОВЕ

Имя Ерофея Хабарова начинает встречаться в исторических документах с первой четверти XVII в. Но особенно большое число источников о Хабарове относится к периоду его знаменитого похода на Амур в 1649—1653 гг. Это не случайно. Экспе-

диция и ее руководитель сразу же привлекли внимание современников и не оставили их равнодушными. Подавляющая часть источников о Хабарове была написана в Сибири, а меньшая — в Москве, в Сибирском приказе. Источники отличаются большим разнообразием. Это указы и наказные памяти, отписки, распросные речи, челобитные, грамоты, судебные дела.

Документами, регламентирующими действия любого административного лица в России XVII в., были указы и наказные памяти. Их получали из Сибирского приказа воеводы, отправлявшиеся в Сибирь. Приехав на место службы, они, в свою очередь, составляли наказные памяти непосредственно для своих подчиненных, в том числе и для землепроходцев.

Во время даурского похода Ерофей Павлович получил три такие наказные памяти. Две из них были вручены ему якутским воеводой Дмитрием Франбековым, а третья — прибывшим из Якутска на Амур служилым человеком Третьяком Чечигиным. Памяти содержали подробные рекомендации о путевых маршрутах экспедиции, методах приведения местного населения в российское подданство, закреплении за Россией новых земель, установлении там ясачного режима. В наказных памятях оговаривались права и обязанности Хабарова по отношению к участникам похода. В них же воевода предписывал Хабарову постоянно держать его в курсе происходивших на Амуре дел и регулярно посылать о них подробные отчеты.

Обстоятельства складывались так, что Ерофей Павлович смог извещать администрацию о делах в Приамурье только раз в год, приурочивая отправку своих отчетов к началу лета. Именно тогда, после каждой очередной зимовки в низовьях Амура, экспедиция поднималась в его верховья, откуда посылать оказию в Якутск было ближе и сподручнее. Отчеты Хабарова, по терминологии того времени, назывались отписками.

Свои отписки с Амура Хабаров составлял очень обстоятельно, с учетом собственных наблюдений, донесений окружавших его людей, а также расспросов местных жителей. В них землепроходец подробно рассказывал о действиях отряда, сборе им ясака, отношениях с местным нерусским населением, уточнял старые и сообщал новые сведения о соседних с Амуром землях и населяющих их народах. Работая над составлением отписок, Ерофей Павлович советовался с близкими ему людьми. От очевидцев известно, что отписку, отправленную весной 1651 г. из Албазина, он обсудил с казачьим десятником Третьяком Чечигиным и промышленником Дружиной Поповым, а отписку с изложением обороны Ачанского острога — с казачьим есаулом Андреем Ивановым.

Обговорив с товарищами общее содержание отписок, Хабаров лично диктовал их войсковому писарю. Поэтому все они написаны как бы в едином стилевом ключе и каждая донесла до нас именно его живой и выразительный язык. Яркие речевые обороты, образные сравнения, используемые Хабаровым при составлении

донесений, характеризуют его как человека недюжинного ума, которому отнюдь не был чужд писательский дар. Так, например, рассказывая о трудном штурме одного из даурских городков, он образно писал: «А на поле стрел, как нива стоит насеяна». В другой отписке, доказывая властям большую значимость присоединенных им к России земель, он использовал масштабные сравнения вроде таких: «А будет тот Амур вторая Волга», или: «А против всей Сибири будет та земля (Приамурье.— Г. Л.) украшена и изобильна».

Но особенно удавались Ерофею Павловичу те части его отписок, где он рассказывал о ратных подвигах своих товарищей. Так, в одной из них он пишет: «И в те стены проломные стали скакать те люди богдоевы, и мы, казаки, прикатили тут на городое проломное место пушку большую медную, и почали ис пушки по богдойскому войску бити, и из мелково оружия учали стрелять из города и из иных пушек железных бити ж стали по них, богдойских людях. . . и они, богдои, от того нашего пушечного бою и от пролomu отшатились прочь, и в та поры выходили служилые и вольные охочие казаки 156 человек в куюках на выласку. . . И нападе на них, богдоев, страх великий. . . и покажися им сила наша несчетная, и все достальные богдоевы люди прочь от города и от нашего бою побежались врознь»¹⁰.

Из присланных Хабаровым с Амура отписок в подлиннике сохранились только вторая и третья. А о содержании первой мы узнаем лишь из ее пересказа в донесении якутского воеводы Францбекова, отправленном им в Сибирский приказ. Но администрация всегда стремилась знать о делах больше, чем сообщалось в отписках. Поэтому, в целях получения дополнительной информации или уточнения фактов, она нередко прибегала к опросам людей, что-либо знавших об Амуре, Хабарове и его экспедиции. Материалы таких расспросов, или расспросные речи очевидцев, составили еще одну группу очень интересных и ценных исторических источников о Ерофее Павловиче. Расспросные речи записывались в Сибирском приказе, приказных избах сибирских городов и даже на Амуре, непосредственно в отряде Хабарова. Их много, и они служат прекрасным материалом, дополняющим отписки Хабарова и позволяющим взглянуть на события глазами его товарищей и сослуживцев. Например, в 1652 г. все участники похода были опрошены прибывшим на Амур московским дворянином Д. Зиновьевым. Их расспросные речи, составившие целый свиток, содержали коллективное опровержение обвинений в жестоких действиях, якобы совершенных Хабаровым.

Ерофей Павлович прожил долгую жизнь. Он встречался с разными людьми, выполнял всевозможные поручения, много трудился. Человеку из народа, ему пришлось испытать несправедливость и грубый произвол властей. И тогда он не молчал, а выражал свой протест в челобитных — документах, содержащих просьбы и жалобы.

Его дважды разорил якутский воевода П. Головин, и дважды

Хабаров писал на него жалобы в Сибирский приказ. В них Ерофей Павлович доказал допущенную по отношению к нему несправедливость и добился указа о возмещении незаслуженно понесенных убытков. Возмущаясь действиями московского дворянина Зиновьева, Хабаров писал челобитные в Енисейске, Устюге Великом, Москве и через суд заставил московского дворянина вернуть часть присвоенного им имущества. Долгое время Хабарова жил в разлуке с семьей. О ее составе и судьбе мы также узнаем из его челобитных. Но особенно интересны и обстоятельны его просьбы об организации экспедиции в Даурию, а позже — о разрешении вернуться туда. Они рисуют главные вехи его похода и с полной очевидностью раскрывают в Хабарове патриота, не пожалевшего своих средств, сил и жизни для осуществления важного государственного дела. Однако поход и действия Хабарова вызвали не только положительные отзывы современников, но также и доносы. Жаловались те, кто так или иначе понес от него убытки, престиж кого он ущемил. Например, дьяк П. Стеншин, люто ненавидевший Хабарова и его покровителя воеводу Францбекова, написал донос, в котором постарался изобразить их деятельность только с отрицательной стороны. Стеншин добился своего: навлек сыск на Францбекова и спровоцировал жалобы на Хабарова. Когда-то этот оговор и донос заставили переживать и страдать Ерофея Павловича. Но в наше время критическое осмысление и использование материалов доноса позволяют опять-таки гораздо шире и многограннее осветить деятельность знаменитого землепроходца и увидеть трудности, которые ему приходилось преодолевать.

Не осталась безучастной к экспедиции и Москва. Из Сибирского приказа в Восточную Сибирь «наскоро» направлялись гонцы с грамотами о награждении участников похода, о производстве розыска злоупотреблений воеводской администрации, о пресечении побегов населения на Амур, о наборе ратных сил в Даурию.

Амурский поход, ставший главной вехой в судьбе Хабарова, занял не более 4 лет. До похода в Приамурье жизнь Ерофея Павловича в основном заполняли промыслы, земледелие и торговля, а по возвращении с Амура к этим занятиям добавилась еще и служба. Эти стороны биографии Хабарова восстанавливаются по таким документам, как отводные, вкладные, жалованные, проезжие памяти, судебные приговоры и др. Не будет преувеличением сказать, что ни один из сибирских землепроходцев XVII в. не оставил после себя такого множества разнообразных документов, как Хабаров. Сейчас они рассредоточены среди других архивных материалов. Но если бы кому-нибудь из исследователей предоставилась возможность собрать их вместе, то получился бы солидный документальный фонд землепроходца Ерофея Павловича Хабарова.

Когда и кем были выявлены эти документы? Какая литература написана о Хабарове?

Впервые значительные находки источников о Сибири были сделаны Г. Ф. Миллером в канцелярских архивах сибирских городов, куда он попал как участник второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. В течение 10 лет Миллер выявлял, копировал, а затем вывез в Петербург колоссальный фонд, получивший название «Портфелей Миллера». В нем оказались материалы об обследовании русскими земель по Амуру, экспедиции Хабарова и присоединении Приамурья. Опираясь на них, Миллер написал первую работу о Хабарове — «История о странах при реке Амуре лежащих, когда оные состояли при Российских владениях». Ее публикация появилась в 1757 г. в 5-м томе «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих», редактором которых был сам Миллер. Эти же материалы о Хабарове по сочинениям Миллера использовал И. Э. Фишер в своей «Сибирской истории», вышедшей в свет в 1774 г.

Что же касается источников о Хабарове, найденных Миллером в сибирских архивах, то ученым и широкому кругу читателей они стали известны только через 100 лет благодаря их публикации, предпринятой правительственными комиссиями, научными обществами и журналами. Первым целую серию документов об экспедиции Хабарова опубликовал в 1840 г. «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (т. 27, № 105). Начиная с 1842 г. эти же источники и ряд других материалов были опубликованы Археографической комиссией в «Актах исторических» (т. IV за 1842 г.) и в «Дополнениях к Актам историческим» (т. II за 1846 г., т. III за 1848 г., т. IV за 1851 г., т. V за 1853 г.).

Во второй половине XIX в. экспедиция Ерофея Павловича Хабарова получила освещение в фундаментальном труде С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», а также в работах других авторов.

В конце XIX в. в фонде Сибирского приказа архива Министерства юстиции историком-архивоведом Н. Н. Оглоблиным были обнаружены подлинники документов, копии с которых сделал в свое время Миллер, а также многие ранее неизвестные материалы о Хабарове. О своей находке Оглоблин сообщил историку Н. П. Чулкову. Последний на основе этих источников написал небольшую статью «Ерофей Павлович Хабаров — добытчик и прибыльщик XVII в.», опубликованную в журнале «Русский архив» за 1898 г. После революции к теме о Хабарове обратился известный советский историк С. В. Бахрушин, который написал популярную работу «Казачи на Амуре», вышедшую в 1925 г.

Нужно сказать, что в дореволюционной историографии и в исследованиях 20—30-х гг. XX в. акт присоединения Сибири и ее отдельных регионов, в том числе и Приамурья, трактовался как завоевание. Это было связано с тем, что историки еще очень слабо представляли себе хозяйственную сторону освоения русскими Сибири и их действительные отношения с аборигенами (местными

жителями). Они уделяли главное внимание действиям правительственных отрядов. А значение отдельных столкновений местных жителей с русским населением необоснованно преувеличивалось.

Начиная с 40—50-х гг. XX в. советские историки обратились к изучению промысловых, земледельческих, торгово-ремесленных занятий русского населения Сибири и его контактов с аборигенами. Благодаря работам С. В. Бахрушина, В. И. Шункова, А. П. Окладникова, В. А. Александрова, А. А. Преображенского, З. Я. Бояршиновой, Ф. Г. Сафронова, А. Н. Копылова, О. Н. Вилкова, Б. О. Долгих и др. раскрыт подлинный процесс присоединения Сибири. Главным содержанием этого процесса, выражаясь словами В. И. Ленина, стало освоение Сибири как «хозяйственной территории».

Указанное положение целиком относится к Приамурью, но с учетом того, что его присоединение и хозяйственное освоение, начатое экспедицией Ерофея Хабарова, происходило в сложной внешнеполитической обстановке. Анализ этой обстановки дан в работах П. И. Кабанова, В. С. Мясникова, Г. В. Мелихова, А. Л. Нарочницкого, В. А. Александрова и др. Ими доказано, что Приамурье никогда не было территорией Маньчжурии и тем более Китая, а вооруженные вторжения Цинской империи на Амур, уже включенный в состав России, носили ярко выраженный захватнический характер.

В последнее тридцатилетие изучению экспедиции Хабарова уделили внимание исследователи-географы Л. С. Берг, В. Н. Скалон, Н. П. Антипов, Д. М. Лебедев, И. П. Магидович. Они поставили ее в один ряд с другими выдающимися экспедициями того времени. Мангазейскому и послеамурскому периодам жизни Хабарова посвящены статьи М. И. Белова и Б. П. Полевого, написанные с учетом ранее неизвестных материалов. Отдельные эпизоды из жизни Хабарова на Лене содержатся в первом томе «Илимской пашни» В. Н. Шерстобоева. В 1982 г. в Хабаровске вышла небольшая работа Ф. Г. Сафронова «Ерофей Хабаров». Ее автор кратко изложил жизненный путь землепроходца и опубликовал несколько новых источников.

О Ерофее Павловиче Хабарове написано немало. Но одни работы сейчас устарели, другие недоступны широкому кругу читателей. Между тем архивы раскрывают все новые и новые документы о знаменитом землепроходце. Ряд таких документов послужило обнаружить автору настоящей книги. Среди них особенно внимания заслуживает послужной список «Амурского войска», составленный на Амуре в 1655 г. и содержащий перечень имен участников экспедиции Хабарова и продолжателя его дела — Степанова. В делах Сибирского приказа сохранился донос дьяка Стеншина на Хабарова. Кроме того, в фонде «Грамот Коллегии Экономии» выявлены подлинники трех документов, относящиеся к послеамурскому периоду жизни Хабарова. Копии двух из них, найденные в свое время в фонде Илимской приказной избы Шер-

стобоевым, так и не были целиком опубликованы. Публикация этих неизвестных и малоизвестных источников дополнит сведения о жизни и деятельности Ерофея Павловича Хабарова.

В УСТЮГЕ ВЕЛИКОМ И МАНГАЗЕЕ

Ерофей Павлович Хабаров родился в семье крестьянина. Дата его рождения точно не известна. В Большой Советской Энциклопедии назван «приблизительно» 1610 г. Советский исследователь-сибиревед Ф. Г. Сафронов полагает, что Хабаров родился между 1601 и 1605 гг. Представляется, что по крайней мере две из этих дат нуждаются в уточнении. Известно, что в 1629 г. Хабаров был на Таймырском полуострове, т. е. очень далеко от родительского дома. В это время он занимал должности таможенного целовальника и помощника ясачного сборщика. Если считать, что он родился в 1610 г., то для этих служб, связанных с большой материальной ответственностью, он был еще слишком молод. Одновременно, учитывая обычность, традиционность промысловых занятий крестьян Русского Севера в Сибири и деятельный склад натуры Хабарова, вряд ли можно согласиться и с тем, что впервые он попал на Таймыр и в Мангазею в возрасте 28 лет. Скорее всего во время пребывания в Мангазее и на Таймыре Ерофею Хабарову было 22—24 года и родился он, следовательно, где-то между 1605 и 1607 гг.

По вопросу о месте его рождения в исторической литературе долго не было единого мнения. Дореволюционный исследователь Н. П. Чулков писал, что Хабаров родился в Соли Вычегодской. Советский историк С. В. Бахрушин считал, что родиной Хабарова был Устюг Великий или область, лежащая вокруг него. Бахрушин опирался на слова самого Хабарова о том, что в Устюге Великом осталась его семья — «жена Василиса, дочь Наталья, внук, племянница и племянник», и на прозвище «устюжанин», данное Хабарову и его родному брату Никифору их современниками.

Не так давно вывод Бахрушина был подтвержден М. И. Беловым, которому по новым архивным документам удалось выяснить, что до своей первой поездки в Сибирь Ерофей Павлович какое-то время проживал в деревне Дмитриево Вотложенского стана Устюжского уезда. Эта деревня находилась в 80 км от Устюга Великого, на берегу реки Сухоны. Она-то, очевидно, и была местом рождения знаменитого землепроходца. Деревня эта существует и поныне в составе Нюксенского района Вологодской области.

Весьма вероятно, что юношеские годы Ерофея Хабарова проходили в Великом Устюге, который играл заметную роль в экономическом развитии России в XVII в. «Примерно» с XVII в. в России начался новый период ее истории, характеризовавшийся «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товар-

ным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹¹.

В орбиту складывающегося всероссийского рынка вовлекался и Великий Устюг. Этому способствовало и его выгодное географическое положение. Он находился в месте слияния рек Сухоны и Юга, где сходились пути, шедшие из Архангельска, Урала и Сибири. Через Архангельский порт он связывался со странами Западной Европы, реками и речками — с городами Поморья, а за его пределами — с Вологдой, Ярославлем, Костромой, Казанью. Процесс специализации местных рынков захватил и Устюг. В XVII в. он становится третьим по значению, после Вологды и Вятки, хлебным рынком страны. Только в 1633—1634 гг. из волостей Устюжского уезда по реке Югу было вывезено в другие районы страны 6500 четвертей хлеба. Особенно крупные партии устюжского хлеба отправлялись в Сибирь, снабжение которой вплоть до середины 80-х гг. XVII в. возлагалось на города Поморья и Русского Севера. Подобно Соли Вычегодской, Устюг поставлял в Сибирь и другие товары как собственного производства, так и привозные из других городов и из-за рубежа.

Для закупки в Устюге товаров «про сибирскую руку» воеводы «стольного сибирского града» Тобольска имели специальную статью денежного расхода в бюджете. Значительную роль играл Устюг Великий и в пушной торговле. Русские торговые люди, привозившие меха из Сибири, продавали их в Устюге торговцам-перекупщикам или провозили их дальше, в Архангельский порт.

Как и во всем Поморье, пашенные крестьяне Устюжского уезда жили земледелием, промыслами и торговлей. Соседство с бойким торгово-ремесленным центром стимулировало эти занятия. Немаловажным фактором было и то, что крестьяне Устюжского уезда были черносошными, т. е. государственными, или, как тогда говорили, «государевыми». В XVII в., вследствие многочисленных царских пожалований частным владельцам (помещикам, монастырям), земли, населенные черносошными крестьянами, сузились фактически до пределов территории Русского Севера и Поморья. Были объявлены «государевыми» и крестьяне присоединяемой Сибири.

В черносошных районах крестьяне несли повинности в пользу государства, не знали личной зависимости от помещика и сохраняли очень важные для развития социальной активности и хозяйственной инициативы права передачи тягла (всех повинностей) другому лицу, передвижения (изменения места жительства) и собственности на имущество.

Используя эти права и вовлекаясь в разностороннюю хозяйственную деятельность, наиболее сметливые и удачливые из поморских крестьян становились торговыми людьми и даже выбивались в купечество, переселяясь в города. Другие, оставляя насиженные места, становились промысловиками и уходили «за Камень» (Уральский хребет) в далекую Сибирь искать новые земли и богатые соболиные промыслы.

Решил попытать счастья и крестьянский сын Ерофей Хабаров. В молодые годы Хабарова самым выгодным районом промысла на соболей была Мангазея. Как отмечает М. И. Белов, вплоть до второй половины 30-х гг. XVII в. каждый рубль, вложенный в Мангазее, в случае удачи приносил охотнику-промысловнику 32 руб. чистого дохода.

В Устюге Великому о богатстве Мангазеи ходили легенды. Иначе как «златокипящей государевой вотчиной» ее не называли. Ерофею Хабарову доводилось слушать рассказы бывалых промысловиков о том, что соболиный сезон там длился с ноября по март, что ежегодно к его началу в Мангазее собиралось «с человек тысячу и болши». А затем все уходило на промысел. Мангазея пустела. В ней оставался только небольшой гарнизон, воевода с подьячими да местный поп в церквушке. Но зато весной снова начиналось оживление. С промыслов возвращались охотники с соболями. Распахивались двери таможни. Там собирали в государеву казну по одному соболю от десяти или деньги с неполных десятков. Местный воевода подсылал своих людей для тайной скупки у промысловиков «про свой воевоцкой обиход соболиной мягкой рухляди», а пронирливые торговые люди или их агенты-приказчики выменивали у изголодавшихся в тайге людей соболя на муку, крупы и «русские нужные товары». По весенней полой воде суда, нагруженные «мягким золотом», покидали Мангазею. Торговцы и промысловики возвращались в Европейскую Россию в надежде выгодно сбыть соболя, купить «русский товар», пополнить необходимые запасы и снаряжение и вновь повторить торгово-промысловый кругооборот. Навстречу им шли и шли новые партии охотников, торопившихся в Мангазею к началу очередного зимнего сезона.

Странствие в Мангазее было отнюдь не безопасным. Ежегодно промысловики не досчитывались своих товарищей, и на Устюг время от времени приходили печальные вести о погибших на долгом сибирском пути или на промыслах земляках.

Трудности начинались буквально за порогом дома. В Сибирь тогда ходили двумя основными путями. Один из них считался северным или, как его называли, «Чрезкаменным». Из Устюга он шел по Вычегде, Выми и их притокам, которыми попадали на волок. Он приводил к водоразделу Печоры. По Печоре шли вверх к западным склонам Северного Урала. Уральский хребет преодолевали волоком, используя олени и собачьи упряжки. Далее попадали в реку Сось, по которой достигали Оби. Обью шли до ее устья, далее заворачивали в Тазовскую губу и реку Таз. Здесь, в устье Мангазейки, и была Мангазея.

Второй путь, открытый позже, назывался Верхотурским. Из Европейской России он шел по Волге, Каме и ее притокам, а далее через Уральский хребет в реки Туру, Тобол, Иртыш, Обь, Тазовскую губу, реки Таз, Мангазейку.

Чрезкаменный путь был короче, но почти недоступен в зимнее время из-за буранов и ураганных ледяных ветров. Климатиче-

ские условия района, по которому пролегла Верхотурская дорога, были более умеренными и не препятствовали движению по ней в течение круглого года.

Павел Хабаров отпустил Ерофея на промысел не одного. С Ерофеем пошел его младший брат Никифор. Отец наказал сыновьям помогать друг другу в пути, Никифору слушать во всем Ерофея. Этот наказ родителя оба брата выполняли всю свою жизнь.

Не посоветовал отец Ерофею и Никифору идти Чрезкаменным путем. Слишком путь был опасен, а сыновья молоды. Да и любознательному «Ярке» хотелось увидеть не одну Мангазею. Верхотурская дорога приводила ко многим западносибирским городам. Она была оживленной. По ней ездили воеводы, торговые и промышленные люди. Ежегодно через верхотурскую таможенную в Сибирь проходило по несколько сотен «гулящих людей». В большинстве своем это были крестьянские и посадские дети, еще не приписанные к государственному тяглу. Были и беглые — крестьяне и горожане, уходившие в Сибирь в поисках воли и избавления от власти помещиков и царских воевод. Скрывая свое действительное положение «на Руси», они выдавали себя в Сибири за «гулящих», т. е. безтяглых, людей.

Братья Хабаровы сразу решили действовать самостоятельно и не стали наниматься в работу к богатым устюжским купцам, которые ежегодно вербовали ватаги на соболиные промыслы прямо в Устюге. Для покупки снаряжения Ерофей и Никифор заняли деньги, дав кабальные записи. Крестьянский мир (община) не чинил препятствий их уходу. Но не уменьшил он и объем крестьянского тягла, за выполнение которого отвечал отец.

Из дома Хабаровы вышли весной 1628 г. Об их пути до Мангазеи известно немного. Можно только догадываться, что из Верхотурья или из Тобольска они добирались в Мангазею с караваном дощаников, на которых шли мангазейские воеводы Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын. В Тобольске в помощь себе на соболином промысле братья наняли небольшую ватажку из 5 человек. Весьма вероятно, что за использование воеводского транспорта Ерофей и Никифор «работали» в пути «всякое судовое дело».

«Златокипящая государева вотчина» встретила новых воевод колокольным звоном. Население города вышло к воеводам с хлебом и солью. Вместе с толпой прибывших вошли в город и братья Хабаровы. Когда-то, еще в XVI в., на месте Мангазеи уже существовал небольшой промысловый городок. Затем в 1601 г. отряды служилых людей во главе с М. Шаховским, Д. Хрипуновым, В. Масальским и С. Пушкиным на высоком берегу реки Таз построили Мангазейскую крепость, которую обнесли частоколом. В 1607 г. Мангазею окружили рубленой острожной стеной, сгоревшей в 1619 г. В 1625 г. была построена новая крепость. К прибытию Хабаровых она имела форму, близкую к квадрату, со сторонами до 70 м. Стены имели четыре глухие и одну проезжую башни. Такой город можно было обойти по периметру за четверть часа. Самый большой дом внутри городских стен пред-

назначался для воевод. Здесь же рядом находились приказная изба и амбары для государевой соболиной казны, хлебных и соляных запасов. В углу городской стены располагался зеленый погреб с порохом и ядрами для пушек и пищалей.

Но главной достопримечательностью Мангазеи была та ее часть, которая лежала вне городских стен. Это был так называемый посад. На посаде жили служилые люди мангазейского гарнизона и промысловое население. Как показали раскопки Мангазеи, проводившиеся в 1968 г., площадь посада занимала около 10 тыс. м². Внутри посада было не менее 60—70 домов, в которых проживали как постоянные, так и временные жители.

В облике Мангазеи братья Хабаровы увидели много общего с родным Устюгом. И это было не случайно. Мангазею строили выходцы с Русского Севера. Дома стояли на высоком подклете. Наличники окон, крылечки украшались богатой резьбой по дереву, напоминавшей кружево. Крытые двory жилых домов и шатровые звонницы трех мангазейских церквей — Успенской, Василия Мангазейского и Желтоводской представляли образцы знаковой Хабаровым с детства архитектуры. Был в Мангазее и «свой святой» — Василий Мангазейский, поклониться которому приходили паломники из Сибири. Он считался покровителем промысловиков.

Но особенно большое впечатление у Ерофея и Никифора оставил Мангазейский гостиный двор. Он размещался на берегу реки Таз и фасадом смотрел на город. В гостинном дворе рядами тянулись торговые лавки и полки. Некоторые из лавок имели два этажа: нижний предназначался для торговли, верхний — для жилья. В подвальных помещениях лавок хранились товары.

Чем только не торговали в гостинном дворе этого заброшенного в далекую тундру северного городка! Здесь предлагали пушнину: меха соболей, песцов, лисец; продовольствие: хлеб, мясо, рыбу, соль, мед, вино, квас; металлические и деревянные изделия: котлы, ножи, сковородки, тарелки, рыболовные крючки, ложки; охотничье снаряжение и приспособления для ловли пушного зверя: капканы, ловушки, сети; средства передвижения: лодки, каюки, нарты, олени упряжки, лыжи.

Первой обязанностью любого приезжего было «явить себя», т. е. зарегистрировать свой проезд в приказной избе, которую часто называли съезжей избой. Этот порядок Хабаровы знали хорошо. В приказной избе местный подьячий записал в книгу их имена и прозвища, место, откуда пришли, и род занятия: «Ярофейко и Никифорко Хабаровы, устюжане, промышленные люди». Таким же образом переписали и участников их ватажки. Но вместо слова «промышленные» указали: «пришлые в наймех у Ярофейка и у Никифорка Хабаровых». Как промысловики братья заплатили в казну годовой промышленный оброк по 50 коп. каждый и получили об этом отписи, т. е. расписки у подьячего.

Вторым государственным учреждением, куда должен был заглянуть каждый приехавший с товаром человек, был таможен-

ный двор. Он находился рядом с торговой площадью недалеко от гостиного двора. Хабаровы пришли в Мангазею не с пустыми руками. Еще в Устье Великом они прихватили кое-какой товарец «про мангазейскую руку», рассчитывая обменять его у русских промысловиков и нерусского населения на собольи меха. С товара была взята его десятая стоимость. Очистившись перед казной, Ерофей с Никифором с помощью земляка-устюжанина устроились на ночлег в одном из жилых домов на посаде. В доме были две клетки, и спутники Хабаровых расположились здесь же. Отдых после тяжелого пути был недолгим — всего несколько дней. Охотничий азарт, молодой задор не дали долго засиживаться на месте, и Хабаровы отправились на промысел.

К великому разочарованию братьев, соболь под Мангазеей был уже в значительной мере выбит. Да и конкуренция на промыслах была велика. За хорошей охотой наиболее расторопные промысловики подавались дальше — в район Тунгуски, Енисея и Таймырского полуострова, или Пясиды, именуемого так по названию одной из его главных рек. С 30-х гг. XVII в. все большее значение промыслового центра приобрел Туруханский зимовье, стоящее между Мангазеей и новыми районами добычи соболя. Ко времени прибытия Хабаровых в Мангазею Туруханск стали называть «новой Мангазеей».

Добраться туда было нелегко. Но подвернулся удачный случай. Воеводе Палицыну срочно потребовался таможенный целовальник в дальнее Хетское зимовье. Смышленный, не боявшийся никакой работы Ерофей Хабаров обратил на себя внимание воеводы еще во время совместной поездки до Мангазеи. Теперь он решил доверить Хабарову сбор таможенных пошлин. Ерофей ухватился за предложение Палицына, поскольку плавание к месту «целовальничьей» службы обеспечивалось казенным транспортом. Весной 1629 г. во главе маленького отряда Е. Хабаров добрался до устья Енисея, оттуда морем дошел до устья Пясиды, далее волоком — до реки Хеты, где стояло Хетское зимовье. Здесь Ерофей стал таможенным целовальником и одновременно помощником ясачного сборщика. Как правило, таможенным целовальникам, тем более исполняющим службу такого рода впервые, из воеводской канцелярии давались наказные памяти. К сожалению, память Хабарову до нас не дошла. Но можно составить представление о круге его обязанностей.

На Таймыре дел у Ерофея было много. Он осуществлял контроль за тем, чтобы покупка торговыми людьми мехов соболя у нерусского населения не опережала сбор ясака и чтобы лучший соболь попадал в казну, а не в руки частных лиц. При таможенном досмотре Ерофею приходилось рассортировывать пушнину по сортам — «лучшую с лучшей, среднюю с средней, худую с худой» и брать с нее таможенную пошлину «от девяти десятым зверем». В случае утайки пушнины, денег, товара Хабаров вместе с таможенным сборщиком конфисковывали их в казну и взыскивали с нарушителей штрафа (протаможье).

Помогая ясачному сборщику, Ерофей ездил от стойбища к стойбищу, собирал ясак соболями, лисицами, песцами, оленьими «ролдугами». Для ясачных людей он возил государевы подарки: котлы, топоры, сукна, одекуй. Ясак делился на окладной и неокладной. Окладной ясак вносился переписанными и хорошо известными налогоплательщиками на основании поименных ясачных книг. Неокладной ясак сборщики получали с тех кочевых родов и племен, которые переписи не поддавались. Таковых на Таймыре было еще много. В поисках неокладных налогоплательщиков Хабарову пришлось исколесить значительную часть полуострова и тем самым принять участие в его географическом обследовании.

Весь таможенный и ясачный сбор вписывался в таможенные и ясачные книги с указанием имен плательщиков. Торговым, промышленным, ясачным людям выдавались расписки в получении у них пушнины, товара или денег. Работа таможенного целовальника и ясачного сборщика предполагала ведение документации.

Вероятно, что в Сибирь Ерофей пошел, владея началами чтения и письма. И это умение было сразу же оценено и использовано воеводской администрацией.

Как служебное лицо, связанное со сбором пошлины и ясака, Ерофей не имел права лично участвовать в промысле в качестве руководителя артели. Поэтому весь свой капитал он перевел на имя Никифора, который с ватагой промысловиков добывал пушнину в центральной части Таймыра. Места были новыми, неиспромышленными. Дело ладилось. С Таймыра Хабаровы возвращались с большой прибылью.

Приезд Ерофея в Мангазею совпал с распрей между воеводами Палицыным и Кокоревым. Мирская организация мангазейских промышленников потребовала от воевод прекратить рознь. Как отмечает историк В. А. Александров, эта позиция мангазейского мира объяснялась стремлением «обезопасить себя от воеводской анархии». Промысловики Мангазеи составили «одинашную запись», призвали к единению туруханских промышленников и приняли сторону воеводы Палицына, осадив Кокорева в Мангазейском остроге. Ерофей Хабаров был не из тех, кто в создавшейся тяжелой ситуации отсиделся бы в стороне или «побрел убегом» из Мангазеи в другие сибирские города. В разгоревшихся событиях он принял самое активное участие, встав, подобно большинству своих товарищей-промысловиков, на сторону воеводы Палицына. В какой-то мере этот выбор был сделан под влиянием личной обиды на Кокорева, который отобрал у Хабарова 17 соболей, а самого отдал на поруки. Находясь в гуще событий, Ерофей Павлович участвовал в написании челобитной на Кокорева и вызвался доставить ее в Москву. Этот поступок характеризовал Хабарова не просто социально активным, но и очень смелым человеком. Акт написания и подачи челобитной на воеводу, который был представителем царской

администрации в уезде, нередко расценивался властями как дерзость, мятеж и заканчивался наказанием челобитчиков батогами, кнутом или тюрьмой.

В январе 1631 г. Ерофей Хабаров подал челобитную мангазейского мира в Казанский приказ (он управлял Сибирью до 1637 г.). В ней Кокорев обвинялся в насильствах, нападках и разорении Мангазейской «землицы». Поскольку действия воеводы вызвали жалобы не только простого населения, но и серьезные нарекания администрации, челобитчик остался цел и невредим.

Уже по пути «на Русь» Хабаров замыслил после возвращения в Сибирь отправиться на Лену. Из каких источников узнал Хабаров об этой реке? Скорее всего, от промысловиков, приходивших в Мангазею, а может быть, и от воеводы Палицына, доверием которого он пользовался. Палицын развернул активную деятельность по выявлению и разведыванию новых, еще не обложенных ясаком земель, лежащих восточнее Енисея. Из рассказов промышленного человека П. Пянды ему стало известно о «великой реке Лене», на которую можно попасть из Мангазеи по рекам Енисею, Нижней Тунгуске и Чечуйскому волоку. О полученных сведениях Палицын написал подробную отписку в Москву и приложил к ней чертеж Лены и ее притоков, не забыв указать самое главное: «Вверх по Лене и по Ангаре и по Оке можно пашня завести; на Лене соболей много, и будет та Лена-река — другая Мангазея»¹².

Эта еще неиспромышленная и неизведанная «другая Мангазея» целиком завладела мыслями Ерофея Хабарова и пробудила в нем неодолимую мечту побывать там и попытать счастья.

Но сначала путь его лежал на родину — в Устюг Великий и Соль Вычегодскую. Вероятно, еще до поездки в Мангазею Ерофей Павлович женился. Жена Хабарова Василиса была родом из Соли Вычегодской. В отсутствие мужа Василиса не захотела жить в Устюге. Поэтому Ерофей Павлович купил для жены небольшой дом в Соли Вычегодской, где проживали ее родственники. Отправляясь второй раз в Сибирь, теперь уже на Лену, он рассчитывал вернуться в Соль Вычегодскую года через 2—3 и занял у местного купца денег для покупки товара «про сибирскую руку». Но получилось так, что судьба разлучила Хабарова с семьей на срок куда больший, чем он предполагал. Хабаров не смог к сроку вернуть долг и обеспечить регулярное внесение казенных податей. На долю его семьи выпали тяжкие испытания, о которых мы узнаем из его челобитной, написанной в 1645 г. в Якутске: «...женишко мое и детишко в долгах моих, что я займовал у Соли для своего промыслишку, стоят на правеже, и домишко мое разорилось, и твоей, государевы, подати мне ... у Соли платить нечем, разорилось до основания». В челобитной он просил отпустить его «к Руси, к Соли Вычегодской, к домишку своему, чтоб в государевых податях и в своих долгах расплатиться, а женишку свое и детишка с правежу от своих долгов свободить»¹³.

НА ВЕЛИКОЙ РЕКЕ ЛЕНЕ

По вопросу о времени приезда Ерофея Павловича Хабарова на Лену существуют разные мнения. Согласно одному из них, он прибыл на Лену не позже 1632 г., по другому — в 1638 г. Однако скорее всего это все-таки произошло в 1632 г. Вместе с Ерофеем туда пришли брат Никифор и племянник Артемий Петриловский. Можно вполне согласиться с мнением Ф. Г. Сафронова о том, что в первые несколько лет пребывания в Якутии Хабаров не имел постоянного места жительства. Занимаясь соболиным промыслом, он переходил с места на место в поисках богатых соболиных урочищ.

Охотился Хабаров с артелью — ватагой. Такое объединение обуславливалось необыкновенными трудностями быта, организации общих зимовок, а также необходимостью совместных усилий на охоте. Став к этому времени опытным и бывалым охотником, Ерофей Павлович был в артели «передовщиком».

Год промысловики делили на два сезона. Промысел начинался в октябре-ноябре и заканчивался в марте. Зимой мех соболя был наиболее красивым, пушистым и дорогим. В летнее время зверек линял, становился более светлым, качество меха ухудшалось. Непромысловый период охотники не теряли даром. Они подыскивали новые участки охоты, строили там зимовья, шили и чинили одежду и обувь, плели сети, охотились на сохатого, рыбачили, вялили, сушили рыбу и мясо, заготавливая их впрок. С начала промыслового сезона артель делилась на мелкие партии, которые разбредались по соболиным урочищам.

Орудиями лова в артели Хабарова, как и в подобных ей, были кулемы (ловушки давящего действия), в которых закреплялась приманка из мяса или рыбы. Использовались обметы — большие сети. В них соболь загонялся с помощью специально натасканных собак — сибирских лаек. Умели Хабаров и его товарищи, по примеру местных жителей, охотиться на соболя с луком и стрелами. В этом случае важно было не промахнуться, попасть зверьку в глаз, иначе можно было испортить ценную шкурку.

П. Н. Павлов, специально исследовавший пушной промысел Сибири, подсчитал, что для такого уезда, как Якутский, добыча одного охотника в обычный год могла составить до 60, а в наиболее благоприятный для промысла год — до 260 шкурок. Шкурка лучшего соболя, про которую говорили «мех живого соболя по земле волочится», оценивалась даже в Сибири в 20—30 руб. за штуку. Московская оценка была еще выше. Но обычная стоимость соболя в Якутии во время промысловой деятельности Хабарова составляла 1—2 руб. Доход рядового охотника, подражавшегося в артель, лишь в 1,5—2 раза превышал его затраты на промысел. Доходы организаторов артелей — передовщиков, которым рядовые охотники отдавали половину или две трети добычи, был выше примерно в 2—3 раза.

Ерофей Хабаров хорошо знал собольи урочища, повадки зверька, учил охотничьему искусству товарищей и ежегодно заканчивал сезон с большой выручкой. Удачная охота приносила большие доходы. Сначала Ерофей продавал пушнину приезжим купцам. Затем, накопив средств, к добытому соболу стал добавлять перекупной и все чаще совершать «отъезжие торги», поручая в свое отсутствие артель брату Никифору и племяннику Артемию. Сочетая промысел с торгом, он вывозил собольи шкурки подальше от места добычи, где они были дороже, а «русские товары» дешевле. Закупая эти товары на вырученные от промысла деньги, Хабаров продавал их в более восточных районах, где соболиный промысел был в разгаре. Такие торгово-промысловые циклы Ерофей Павлович совершал неоднократно, приумножая свое добро. Он все чаще стал себя называть не промышленным, а торговым человеком.

В момент прихода Хабарова на Лену Якутский край был обжит промысловиками еще очень слабо. Районы интенсивного соболиного промысла находились сравнительно недалеко. Поэтому Хабаров с артелью охотился на верхних притоках Лены: Куте, Киренге, Чечуе, Вилкое. Но богатая ленская сторона привлекала все больше и больше промышленных людей. Край обживался. «От стука топора, и от огня, и от дыма» соболь отходил в глубь тайги. Хабарову приходилось ходить на промысел все дальше и дальше, вниз по Лене и, возможно, на ее правые притоки Олекму и даже Алдан. Добывать пушнину становилось труднее. И Ерофей Павлович стал все чаще задумываться об изменении направления своей хозяйственной деятельности. Сметливый ум крестьянского сына подсказывал ему, что будущее края связано не столько с пушминой, сколько с хлебопашеством и разработкой его недр.

Странствуя по рекам и по тайге, Хабаров невольно приглядывался к земле. Он знал, что в районе Якутска «хлебной пашни не чаять», что земля там «и среди лета вся не растаивает». Зато южнее Якутска вверх по Лене, по Киренге и Куте, где климат был более теплым, лежали свободные от леса, освещенные солнцем земли — елани, как бы самой природой приготовленные для трудолюбивых крестьянских рук. Эти-то земли и приглянулись Хабарову.

Во время охоты любознательный помор попутно разведывал естественные богатства края. Делал это он не по государеву указу, а по своей инициативе. На родине Хабарова среди предприимчивых крестьян был широко развит соляной промысел. Многие крестьяне имели свои варницы и вели бойкую торговлю солью. Администрация Енисейска и Якутска еще ничего не знала о местах залегания соли на Лене и ее притоках, но принимала всяческие меры к их «подлинному высмотру». Ранее других удалось обнаружить соляные месторождения в устье Куты и в районе реки Вилюя Ерофею Хабарову. В будущем эти месторождения, наряду с Иркутским Усольем, станут обеспечивать солью всю Восточную Сибирь.

А пока в 1637 г. Ерофей Хабаров срочно отправился в Енисейск. Он вез с собой солидную партию мягкой рухляди для продажи и заветный туесок, в который насыпал для «опыту» и воеводского досмотра первую горсть вываренной им соли.

Поездка оказалась на редкость удачной. Меха удалось выгодно продать. Вырученных денег хватило на покупку товаров, привезенных «с Руси», и хлеба «енисейской пахоты». Но самым радостным было дозволение енисейского воеводы ему, промышленному и торговому человеку Ерофею Хабарову, в устье реки Куты «в угожем порозжем месте пашню завести» да на Усть-Куты построить варницу, «в которой соль варить безпереводно», «чтоб тамочным жителям в хлебе и в соли недостатка не было». Оговорили стороны и казенный интерес: каждый десятый сноп хлеба и каждый пятый пуд соли торговый человек Ерофей Хабаров должен был отдавать в казну на государя.

25 мая 1638 г. по первой полой воде Хабаров вышел из Енисейска. В проезжей памяти, выданной на его имя из Енисейской приказной избы и заверенной по всем правилам «печатной Земли Сибирския Енисейского острогу», указывалось, что с ним из Енисейска пошло 27 человек. Это были гулящие люди, нанятые Хабаровым на соболиный и рыбный промыслы, а также для работы на пашне. Каждый из них, согласно заведенному порядку, заплатил перед отъездом «гулящий оброк на нынешней 146 (1638) год по осми алтын по две денги с человека». С Ерофеем пошел товар: 2 тыс. пудов хлеба, 300 сажень сетей неводных, 2 пуда меди в слитках, 100 аршин сукон сермяжных, 27 кафтанов бархатных. Весь товар оценивался в 1504 руб. За товар Ерофей Павлович обещал заплатить «десятую отъезжую пошлину мягкой рухлядью сполна ... когда будет промысел». А пока внес в енисейскую казну «печатные ... по деньге с рубля». Самую весомую часть поклажи Ерофея Павловича составил хлеб. Его везли на Лену для продажи, снабжении промысловой артели, а главное — в посев на новой земле. Хабаров задумал создать многоотраслевое хозяйство, в котором бы промыслы сочетались с хлебопашеством.

Весьма примечательно, что отъезд Хабарова с артелью на Лену в 1638 г. совпал с отправкой туда же одного из опытейших землепроходцев Максима Перфильева, о котором шла речь выше. Он шел в район Лены и ее правого притока Витима «для проведывания новых земель». Можно предположить, что путь до Ленского волока и Лены Хабаров и Перфильев проделали вместе. Заинтересованный в численном увеличении своего отряда, состоявшего из 36 служилых людей, Перфильев вполне мог взять в попутчики бывалых промышленных людей.

Остаток лета и зиму 1639 г. Хабаров был занят налаживанием своего хозяйства. Согласно установленному в Сибири порядку, каждый крестьянин-новопоселенец получал из казны участок земли, на котором заводил «собинную» (свою) пашню. За пользование этим участком он был обязан обрабатывать «на государя» казенную десятинную пашню. Эта работа была не

чем иным, как барщиной. Только, в отличие от европейской части страны, в Сибири в роли помещика выступало не частное лицо, а государство. Для становления впервые заводимого хозяйства крестьянин-новопоселенец получал из казны безвозмездную помощь («подмогу»), состоящую из небольшой денежной суммы, семенного хлеба, сельскохозяйственного инвентаря и скота. Хозяйство на несколько лет освобождалось от податей в пользу государства.

Хабаров пришел в Сибирь как промышленный человек. Торгуя пушниной, в конце 30-х и 40-х гг. XVII в. он стал торговым человеком. В условиях острой нехватки хлеба в Сибири было широко распространено обращение к хлебопашеству некрестьянского населения: служилых, торговых, промышленных и гулящих людей. Получая участки земли, они могли рассчитывать на беспроцентную ссуду, которая по истечении определенного срока подлежала обязательному возвращению в казну.

Ерофей Павлович был уже человеком состоятельным. Он не использовал своего права на получение казенной ссуды. И вспоминая спустя 10 лет об этом периоде своей жизни, он писал в челобитной на имя царя: «Устроил я (пашню. — Г. Л.) своими пожитками, а не твоею, государь, казною». Пашня, распаханная и засеянная в 1640 г. в устье реки Куты по инициативе и на средства Ерофея Хабарова, положила начало земледелию в Ангаро-Илимско-Ленском районе. Здесь же дала первую соль основанная Хабаровым соляная варница. Подчеркивая через 3 года свой приоритет в развитии местного земледельческого очага и добычи соли, он с нескрываемой гордостью писал: «А опричь меня... никто заводу пашенного и варнишного (здесь. — Г. Л.) не заваживал».

Земледелие в устье реки Куты Ерофей Хабаров начал с опытного сева сразу нескольких культур: ржи, овса, ячменя, гороха. В неизвестных для русских людей погодно-климатических условиях ему, пашенному опытовщику, необходимо было выяснить урожайность и возможность вызревания каждой из культур. Опыт удался. Для Ленского района Хабаровым была установлена прибыльность ржи по сравнению с другими видами злаков. С изумлением смотрел местный приказчик на ржаные десятины Хабарова. Он сметил, что урожай с них составил не менее 1300 пудов ржи. В голодном и пока еще малохлебном Ленско-Илимском районе это было целым богатством. Поскольку для Хабарова как торгового человека земледелие не являлось, с точки зрения администрации, главным занятием, его обязали вносить десятый сноп с урожая, взяв в казну «по опыту его десятой — сто тридцать пуд»¹⁴. К весне 1641 г. Ерофей Павлович поднял «наемными работниками» около 30 десятин.

Местное хлебопашество, возможность которого для данного района была доказана Хабаровым, со временем снимало необходимость трудных поставок хлеба в Якутию из более обжитых районов Сибири. С момента заведения пашни промышленный и

торговый человек Ерофей Хабаров стал называться «старый опытовщик». Первый сев Хабарова явился лишь началом «беспрерывного опыта» крестьян Илимского воеводства, из которого, как писал исследователь илимской пашни В. Н. Шерстобоев, «выросли основы местной агротехники».

Здесь же в своем хозяйстве, недалеко от соляной варницы и пашни, Хабаров построил мельницу, где обмолачивал свой урожай. Теперь любой приезжавший в Якутию промысловик или купец мог заглянуть на заимку Хабарова и купить там зерно, муку и соль. Торговля хлебом и солью приносила немалый доход. Соболиный и рыбный промыслы умножали добро Ерофея Павловича.

До 1639 г. земли, расположенные по Илим и Лене, считались частью Енисейского уезда. В 1639 г. они выделились в отдельное Якутское воеводство, управление которым поручалось воеводе Петру Головину «с товарищи».

В обязанность Головина входило не только проведение новых, не обложенных ясаком земель, что он и делал, но и заведение государевой десятинной пашни, способной обеспечить казенные нужды нового уезда. В наказе, выданном Головину, на этот счет говорилось: «Велено высмотреть того накрепко, мочно ли на Лене-реке... пашня завести и пашенных крестьян устроить, чтоб на ленских служилых людей... хлеба напаять ленскими крестьяны, а ис Тобольска... хлеба не посылать. Да будет по их (воеводскому.— Г. Л.) высмотру на Лене-реке в каких местах пашня устроить мочно, угожие места есть, и им велено в пашню строити охочих людей и о том отписати к государю к Москве»¹⁵.

Воевода прибыл в Якутск в 1641 г. По пути к месту службы он имел возможность осмотреть пашни, заведенные Хабаровым. От зоркого воеводского глаза не укрылись крепкие амбары, доверху набитые хлебом, из которых воевода на казенные нужды занял 3000 пудов зерна, а ехавший с ним торговый человек Иван Сверчков — 600 пудов ржаной муки. Следуя к Якутску и по прибытии туда, Головин организовал поиск свободных от леса, пригодных под пашню мест, разослав с этой целью отряды служилых людей. Он лично «досматривал и смечал елани между Усть-Кутой и Олекмой». Но пока шла разведка новых мест и продолжалась казенная переписка о присылке для их заселения пашенных крестьян, время шло, занятый у Хабарова хлеб был съеден, а дело с заведением казенной пашни не продвинулось вперед. Тогда Головин, к чему-то придравшись, отписал у Хабарова «на государя» его пашню в устье реки Куты, Усолье с двором и варницей, причинив ему тем самым убыток в 500 руб.

На конфискованной у Хабарова распаханной земле воевода стал внедрять государеву казенную пашню. Так как крестьян-охотников для работы на ней не нашлось, Головин, в виде временной меры, посадил на пашню «из найма» служилых людей из якутского гарнизона М. Максимова, М. Константинова, С. Ро-

дионова, М. Никитина, А. Кириллова. Каждый из них обязывался пахать по 3 десятины и получил в «подмогу» по 2 лошади, 2 сошника, 2 серпа, 2 косы, 2 хомута, а для сева «государевы семена». Пашня давала хороший урожай. Не ошибся в выборе земли «старый опытовщик» Хабаров! В 1645 г. с каждой из ее 15 десятин было собрано по 148 пудов. В 1650 г. все 5 человек служилых людей распоряжением Сибирского приказа были оставлены на пашне навсегда, т. е. превратились в государевых пашенных крестьян. Так взятые в казну посева Хабарова послужили началом казенной пашни на реке Лене.

Конфискация воеводой земли и хозяйства не прошла для Хабарова бесследно. Как он писал позже, «... от воеводы Петра Головина налоги разорился и одолжал великими долги». Но Хабаров решил не бросать начатого им перспективного пашенного дела. Он приискал новые «угожие» земли, которые лежали на Киренге. Чтобы поднять большой массив, требовались рабочие руки. Как и в 1638 г., он набрал рабочих людей в Енисейске. 10 февраля 1641 г. Хабаров послал туда своего поверенного Семена Максимова сына Подболоцкого «для промышленных людей на реку Лену»¹⁶. Руками промышленников Ерофей Павлович планировал распахать пашню, произвести весенний сев, осенью собрать урожай, а зимой отправить их на соболиный промысел в тайгу с братом Никифором.

В 1641 г. в устье Киренги зазеленела новая нива. Свое владение землей Хабаров оформил специальным документом — «данной» или «отводной». В ней писалось о выделении Хабарову «на Великой реке Лене, на Усть-Киренги земель под двор, и под гумно, и под огород и под пашню. И пашню ему пахать. И под скотинные выпуски отгородить ему на тех землях непахотные места, смотря по своей мочи и скоту».

Вручая Хабарову «даную за своею рукою» (подписью), воевода Головин очень хотел, чтобы Хабаров взял на себя обработку одной десятины «государевой пашни». Казенная барщина сковала бы промысловую инициативу Хабарова, поставила его в большую зависимость от воеводской администрации. Воевода предложил ему, как бы из добрых побуждений, «ссуду против промышленного человека Пантелейка Плотника — тридцать рублей на лошадь и на сошники, и на серпы, и на косу не в отдачу... а также льготу на год». Хабаров понял уловку и с достоинством ответил: «Так пахать не уметь!» (т. е. не умею, не хочу)¹⁷.

Как промысловому и торговому человеку ему было важно сохранить за собой право владения землей не за выполнение казенной барщины, а за внесение хлебного оброка. Он снова поднял пашню только на свои средства, так и не прибегнув к казенной помощи: «пахал... тою пашню, наймующи... своими крошишками (крохами. — Г. Л.), для заводу, и распахал шестьдесят десятин... И кляченка и наймитов наймовал самую дорогою ценою», — писал он в дальнейшем. Согласно сибирским окладным нормам, которые для отдаленной Лены были еще льготными,

с каждой десятины распаханной земли Ерофей Павлович ежегодно должен был отдавать в казну десятый сноп.

Тогда же по Хабарову была взята поручная запись. Она писалась от лица поручителей и приведена в доносе на Хабарова его недругом дьяком П. Стеншиным. В ней, в частности, говорилось: «И никуда ему (Хабарову. — Г. Л.) ис той пашни не сотти и не збежать, и той пашни впусте не покинуть, и того тягла не оставить, и зерню (азартная игра в кости. — Г. Л.), и карты не играть, и никаким воровством не воровать, и не пить, и не бражничать». В случае самовольного ухода Хабарова с пашни с его поручителей в пользу казны бралась пеня, или штраф, «что государь укажет».

Пашенное хозяйство Ерофея Павловича на Киренге по тому времени было богатым. Оно снабжало хлебом не только промысловиков, но и казну. Чуть ли не на второй год существования киренгской пашни Хабаров смог одолжить якутской казне 900 четвертей ржаной муки. Снова была построена мельница. Там обмолачивалось зерно «про свой обиход и для сторонних людей». Продолжал Ерофей Павлович заниматься соболиным промыслом. Отправлял в тайгу артели покрученников. В фонде Якутской приказной избы сохранилось несколько документов, доказывающих, что Хабаров в этот период практиковал выдачу продовольствия и денежных ссуд промысловикам и торговцам, попадавшим в затруднительное материальное положение.

Но если у Ерофея Хабарова пашня ладилась, то у воеводы Петра Головина дела с ней обстояли более чем скромно. И воевода снова решил пополнить казенный доход за счет хозяйства «старого опытовщика». По указанию воеводы сразу же, без льготного года, с первого урожая, полученного Хабаровым на Киренге, была взята не десятая, а пятая часть урожая, или, как выразился в челобитье Хабаров: «воевода Петр Головин взял с тое моей распашной пашнишке пятую лучшую десятину». Протест Хабарова повлек за собой конфискацию в пользу казны его пашни и заселение ее крестьянскими семьями.

Поступки Головина историки нередко объясняют дурным характером и личной неприязнью воеводы к Хабарову. С одной стороны, это так. Сибирские воеводы обладали полномочиями более широкими, чем их коллеги из европейской части страны. Не случайно им рекомендовалось управлять уездами не только по «наказу», но и «по своему высмотру» и даже «как бог вразумит». Вдали от центра они чувствовали себя полновластными государями своих уездов. Тот же Головин цинично заявлял окружающим: «Правда моя в Сибири как солнце на небесах сияет».

Однако расправу с Хабаровым можно связывать не только с личными качествами воеводы-самодура. Хабаров вносил с пашни десятый сноп, т. е. натуральный налог. Он был переселенцем с Русского Севера, где десятинной государевой пашни не существовало, и стремился сохранить и утвердить на новом месте традиции родины — продуктовую ренту. Сибирская же админист-

рация считала, что «десятичная пашня оброка прибыльнее», и препятствовала распространению оброка. Поступок Головина можно рассматривать как борьбу администрации с более прогрессивной формой налогового обложения, за принудительное насаждение казенной барщины.

Действуя по своей «воеводской правде», уже после конфискации пашни, Головин потребовал, чтобы Хабаров помог своими деньгами пустой якутской казне. Хабаров это сделать отказался. На этой почве в Якутске произошло его столкновение с Головиным. За дерзость и «невежливые слова» в адрес воеводы Хабаров был брошен в тюрьму. Находясь там, он написал обстоятельную жалобу на воеводу, которую закончил горькими словами: «Впредь... тое пашнишки заводить нечем. Воевода Петр Головин... разорил до конца».

Казалось бы, незаслуженно обиженного и потерпевшего материальные убытки Хабарова не было основания держать в тюрьме. Но у Головина вскоре нашелся повод задержать там Хабарова на два с половиной года. Попытка Головина повысить налоговое обложение нерусского населения вызвала крупное восстание якутов. Они осадили Якутский острог, где находились воевода и его администрация. Восстание было жестоко подавлено. Головин обвинил в подстрекательстве к нему не только русских промышленников, но даже и своих ближайших помощников — воеводу М. Глебова, письменного голову Е. Бахтеярова и дьяка В. Филатова. Взаимные обвинения администрации разожгли обычную в Сибири воеводскую смуту. В обострившейся обстановке более 100 русских людей было брошено в тюрьму. В причастности к «изменному делу» обвинили и Хабарова. Из тюрьмы он вторично написал челобитную, в которой рассказал о «мучительствах» и разорении его Головиным: о дважды конфискованной пашне, отнятой соляной варнице, о несправедливой замене десятого снопа пятым, об аресте и заточении в тюрьму. В заключение он просил отпустить его в Соль Вычегодскую к семье, «чтоб женишко свое и детишка с правезу освободить... и в государевых податях и долгах расплатиться». «В свое место» на время отъезда «у пашнишки» он просил оставить «братишку своего родного Микифорку Хабарова».

Челобитная Хабарова, как доказательство одной из «вин» Головина, была привезена и передана в Сибирский приказ сторонниками противостоящей воеводе группировки. Их же старанием она попала в руки дьяка Сибирского приказа Григория Протопопова, а затем доложена судье приказа боярину Никите Ивановичу Одоевскому. Из Москвы в Якутск пришел ответ. Поскольку Головина сместили, ответ был адресован сменившим его воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу. Им предлагалось выяснить «допряма» и отписать в Москву «не замотчав», «... сколь давно и при котором воеводе ему, Ерофейку, та земля... дана из десятого ль или пятого снопа, и на сколько лет, и что у него с тое земли и иных каких оброков велено имать, и будет ему,

Ерофейку, та земля дана из десятова снопа, и для чего Петр Головин у него, Ерофейка, с тое земли взял пятой сноп, а не десятой, и для чего у него те землю и варницу взял... и его, Ерофейка, в Якуцком остроге держал и к Руси не отпускал?»

Как видно из документа, вопросов у Сибирского приказа возникло много. Новые воеводы исполнили поручение. Допросили Ерофея Павловича, свидетелей и отправили в Москву подробную отписку. Через 2 года пришел ответ. Сибирский приказ признал действия Головина неправильными и предложил воеводам Супоневу и Пушкину выдать Хабарову из казны 500 руб. в счет тех убытков, которые он имел при конфискации усть-куцкой пашни, варницы и мельницы. Но казна в Якутске была пуста. И, сославшись на это, воеводы денег Хабарову за понесенные убытки так и не выплатили.

Пока челобитная Хабарова и воеводские отписки шли в Москву, а царские грамоты — из Москвы, прошло несколько лет. За это время Хабаров вышел из тюрьмы, вернулся на Киренгу и снова начал кипучую деятельность.

Натура Ерофея Хабарова была такова, что куда бы он ни пришел и за какое бы дело ни взялся, он всегда и во всем был пионером. Он первым из местных жителей распахан пашню и доказал перспективность земледелия на Лене, первым нашел соль и организовал ее добычу. Теперь он решил принести в Восточную Сибирь практику, широко распространенную в родном Поморье, — самому организовать сельское поселение и стать слободчиком. В середине XVII в. такие сельские поселения — слободы уже имелись в Западной Сибири. А в целом по Сибири их насчитывалось около 20. Государство было вынуждено мириться с созданием слобод на частные средства, поскольку само не могло обеспечить всех переселенцев.

Слободу Хабаров наметил создать на реке Киренге, подальше от административного надзора, где якутские воеводы «пашенных мест не дозирали». Как слободчик он брал на себя инициативу «кликать» всех желающих, обеспечивать их за свой счет ссудой и подмогой — деньгами, скотом, инвентарем. Поскольку слободы организовывались не на государственные, а на частные средства, господствующей рентой в них был оброк, натуральный и даже денежный. Вероятно, создаваемая Хабаровым слобода привлекла много желающих. Люди шли в надежде облегчить свое положение. Да и сам слободчик Хабаров, в прошлом крестьянский сын, был ближе к крестьянам, нежели представитель воеводской администрации — приказчик, обычно управляющий ими на государственной десятинной пашне.

В исторической литературе отмечено, что «деятельность слободчиков была одним из проявлений вольной народной колонизации», а сибирские воеводы пытались сковать и ослабить их инициативу. Такие действия администрации предпринимались и против Ерофея Хабарова. В одном из документов рассказывается о том, как воеводы Пушкин и Супонев попытались по-

селить на землю Хабарова 3 ссыльных людей. Из этой затеи ничего не вышло. Теперь Хабаров уже не был таким простаком, как раньше. Он оградил себя от посягательств администрации царской грамотой, дающей ему право лично набирать людей в слободу. Ссылаясь на этот документ, Ерофей «учинился силен» и решительно выпроводил с заимки посланного к нему с наказной памятью от воевод служилого человека. Воеводы Пушкин и Супонев вместе с дьяком Стеншиным затаили злобу на независимого слободчика и стали затевать против него «дело». Служилому человеку, с которым повздорил Хабаров, посоветовали подать жалобу. В приказную избу вызвали промышленников, бывших свидетелями столкновения, подробно допросили их и составили протокол допроса. Дело могло бы принять нежелательный для Хабарова оборот. Но, очевидно, он мог предъявить грамоту и оправдаться, в противном случае мы бы снова увидели его в тюрьме, а не на заимке. После этого случая Хабаров стал себя вести более осмотрительно, не давая администрации повода для каких-либо нежелательных действий против себя: с киренгской пашни регулярно шел хлебный оброк, а с добытого в тайге соболя — десятая таможенная пошлина.

Описанные события по времени совпали с возвращением экспедиции Пояркова и поиском промысловиками более удобных подступов к Даурии. Слухи о богатстве нового края, несомненно, дошли и до Хабарова. Он был осведомлен об экспедициях Перфильева, Бахтеярова и Пояркова и о путях, которыми они добивались на Амур. Но сам попытать удачи на Амуре до поры до времени не решался. На это были свои причины. Ему три раза пришлось поправлять свое разоренное хозяйство, и наличных денег у него было недостаточно. Чтобы снарядить в отдаленные и малоизвестные места большую экспедицию, Хабарову был нужен денежный кредит и возможность получения из казны снаряжения. Но у Хабарова не сложились отношения с администрацией, которая притесняла его как слободчика. Особенно возненавидел его дьяк Стеншин за независимый нрав, удачливость и прямоту. В сложившейся ситуации всякую мысль об экспедиции приходилось откладывать до более подходящего момента.

И вот в 1648 г., по указанию Сибирского приказа, на смену воеводам Пушкину и Супоневу был послан в Якутск на воеводство Дмитрий Андреевич Францбеков. Дьяка Стеншина заменил дьяк Осип Степанов.

Францбеков был по происхождению ливонским немцем (Фаренсбах). Он крестился в православие и до поездки в Якутию лет 20 служил на российской службе. Не имея влиятельных родственников и капитала, Дмитрий Андреевич надеялся разбогатеть в Сибири, а затем, вернувшись в Москву, получить продвижение по службе.

Согласно заведенному порядку, воевода перед отправкой на службу знакомился с делами своего уезда. В Сибирском приказе Францбеков внимательно изучил документы своих предшествен-

ников, в том числе и отписки воеводы Петра Головина об экспедициях на Амур. Там же Францбекову был вручен воеводский наказ, содержащий подробный перечень его обязанностей по месту службы, одной из которых являлось обследование и присоединение новых земель. Одновременно новый воевода был предупрежден, что особых ассигнований на организацию экспедиций выделено не будет. Сибирский приказ ссылался на остроту финансового положения в стране и оскудение государственной казны. Эти заявления были отнюдь не голословными.

Главные прямые налоги, за счет которых должен был пополняться государственный бюджет — ямские и стрелецкие деньги, — ежегодно не добирались. Недоимки росли катастрофически. Тогда правительство прибегло к иному средству. В 1646 г., отменив сбор ямских и стрелецких денег, оно ввело налог на соль в размере 2 гривен (20 коп.) с пуда соли. Правительство полагало, что население не сможет отказаться от одного из продуктов первой необходимости — соли и купит ее по любой цене. Однако введение соляного налога не дало желаемого эффекта. Народ был теперь не в состоянии покупать соль. Потребление ее резко сократилось. Это имело плачевные последствия. Горы рыбы и икры гнили на промыслах. Материальное положение горожан и крестьян ухудшалось. Правительство было вынуждено отказаться от соляного налога, вернуться к ямским и стрелецким деньгам, потребовав их уплаты за 1646, 1647 и 1648 гг. Возмущенный народ в 1648 г. поднялся на восстание в Москве и других городах.

Финансовые трудности усугубились и вследствие обострения внешнеполитической обстановки. В 1648 г. началась освободительная борьба украинского и белорусского народов. Богдан Хмельницкий обратился к Москве с просьбой о помощи. Россия стала готовиться к войне с Речью Посполитой. Нужда в деньгах возросла еще больше.

В такой обстановке уезжал Дмитрий Францбеков из Москвы воеводой в самый отдаленный в то время Якутский уезд.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Весной 1649 г. новый воевода добрался до Илимска, где остановился на некоторое время перед тем как продолжить свой путь. Здесь, в Илимской приказной избе, в марте произошла первая встреча Ерофея Павловича Хабарова с Дмитрием Андреевичем Францбековым. С большим интересом познакомился воевода с Хабаровым. Ведь именно с ним местные жители связывали начало хлебопашества и соляного дела на Лене. Не ускользнуло от внимания воеводы уважение к Хабарову людей, которые говорили о нем как об опытнейшем и удачливом передовщике, знатке здешних мест, неоднократно возглавлявшем в тайге промысловые партии.

Расспросил Францбеков и брата Ерофея Никифора о его занятиях. Выяснилось, что тот был ближайшим помощником Ерофея и в хозяйстве, и в тайге. В приказной избе услышал Францбеков рассказ очевидцев о том, как в прошлом году вернувшийся из тайги Никифор с риском для жизни спас из затопляемого половодьем «государева амбара» всю казенную соль¹⁸.

Ерофей Хабаров попытался заинтересовать воеводу посылкой экспедиции на Амур. Он с увлечением поведал воеводе рассказы промысловиков о Даурии, ее землях, соболиных богатствах. Подтвердил слухи о наличии в Приамурье серебряной руды. Не преминул он подчеркнуть, что ранее посланные на Амур правительственные экспедиции «прямого пути туда не узнали», так как ходили Витимом и Алданом, а нужно было идти Олекмой. «Только по Олекме самый ближний путь!» — убежденно говорил Хабаров. В рассуждениях Хабарова: «а будет де государевым счастьем под государеву царскую высокую руку приведут Лавкая и Ватогу или иных каких захребетных неясчных людей, и государю де в ясачном сборе будет прибыль большая!» — чувствовался не просто личный интерес промысловика, но и государственный подход к освоению новых земель в Даурии и на Амуре.

Присматриваясь к Хабарову, воевода все больше и больше убеждался в том, что этот отважный и умный человек сможет организовать большое дело, в котором выгодно совместятся и личные его, Францбекова, и государственные интересы.

Идея экспедиции пришлась воеводе по душе. Но ее организацию за казенный счет он считал делом абсолютно нереальным. Все упиралось в материальные средства. Бюджет Якутского уезда, как и любого из сибирских уездов, состоял из трех частей: денежной, хлебной, соляной. Его приход строился на основе местных сборов денег, хлеба, соли. Но Якутский уезд только начал заселяться, и его местные доходы были еще очень малы. Они никак не восполняли расходов. Каждый год заканчивался с громадным дефицитом. Чтобы его снизить, требовалась ежегодная помощь за счет централизованного снабжения. Однако Москва не могла в скором времени увеличить дополнительные ассигнования на якутские нужды. Якутским служилым людям систематически не доплачивалось жалование. Приказная изба была завалена их челобитными с жалобами на безденежье, бескормицу, скудость, тяжесть службы. Долг казны служилым людям исчислялся тысячами рублей и четвертей хлеба.

Жесткая экономия казенных средств отражалась на численном составе служилых людей. К приезду Францбекова якутский гарнизон состоял не более чем из 360 человек служилых казаков. Они ежегодно рассылались по острожкам и ясачным зимовьям, разбросанным на сотни и тысячи верст: на Охоту, Индигирку, Ковыму (Колыму), Яну, Новый Почир, Алазею, Хрому, Оленек, Маю, Алдан, Виллой и другие реки и речки. Выделить хотя бы небольшую часть служилых людей для новой экспедиции значило сократить их число на других службах. А это было невоз-

можно, потому что даже для охраны Якутска оставалось не более 10 человек.

В такой обстановке осторожный Францбеков не рискнул финансировать экспедицию казенными средствами, а ее участников государевым жалованием. Ему хорошо было известно, что Москву не удовлетворили итоги экспедиции Бахтеярова и Пояркова. Были затрачены большие средства, имелись потери служилых людей, а выгода, с точки зрения Сибирского приказа, была ничтожной. Еще раз рисковать и бросать последние крохи из якутской казны на новую экспедицию Францбеков не решился. Что прошло безнаказанно для влиятельного в Москве Петра Головина, учинившего посылкой Бахтеярова и Пояркова «немалую поруку государевой казне», то для никому не известного иноземца на российской службе Дмитрия Францбекова могло иметь самые плачевные последствия.

Поэтому когда 6 марта 1649 г. в Илимской приказной избе Ерофей Павлович Хабаров подал воеводе челобитную с просьбой отпустить его на Амур с экспедицией «без государева жалования», Францбеков сразу же ухватился за это предложение. Нужно отдать должное новому воеводе. Он не был похож на своих коллег, привыкших действовать по старинке и шаблону. Его не смутило, что во главе отряда встанет не служилый человек, а промысловик и земледелец. Францбеков ценил в Хабарове не его звание и чин, а деловые качества — практический ум, смекалку, авторитет среди товарищей. Не могли не учитываться и материальные возможности Хабарова.

По официальной версии, все средства в организацию экспедиции вкладывались только Хабаровым. В одной из наиболее ранних отписок, посланных 29 марта 1649 г. Францбековым на имя царя Алексея Михайловича, этот момент оговаривался следующим образом: «Бил челом тебе, великому государю, а в Илимском остроге в съезжей избе... подал челобитную за своею рукою старый опытовщик Ерошка Павлов сын Хабаров. Чтб ты его пожаловал, велел ему служилых и промышленных и охочих людей, которые похотят без твоего, государева, жалованья со 150 человек, или сколько может, прибрать. А на подмогу... тем промышленным людям хотел готовить Ерошка свои хлебные запасы и суды и судовые снасти, и порох, и свинец, и пищали»¹⁹. В более поздней отписке Францбекова в Москву в 1650 г. финансирование экспедиции также связывалось только с Хабаровым: «В Дауры пошли служилые, промышленные охочие люди... с деньгами и хлебными запасами, с судами, с ружьями, с зельем, со свинцом. Ссужал и давал он, Ярофей»²⁰.

Таким образом, по своей организации экспедиция с самого начала носила частный характер, ее снабжение осуществлял Ерофей Хабаров. У него, несомненно, были деньги. Но для широко задуманного дела их было явно недостаточно. Со временем Хабаров стал занимать большие суммы у Францбекова, который открыл ему кредит в расчете поживиться за счет экспедиции.

Правда, в 1649 г. долг Хабарова Францбекову был еще небольшим. Дмитрий Андреевич только ехал на воеводство, и его кошель был пуст. В тот период наиболее действенно его помощь Хабарову проявилась не в денежных субсидиях, а в предоставлении землепроходцу возможности беспрепятственного приобретения из государственной казны средств передвижения — речных судов-дощаников и военного снаряжения: пороха, свинца, пищалей, куяков. Какая-то часть этого снаряжения была куплена Хабаровым за наличные деньги, а какая-то получена им в долг под кабальную запись с условием обязательного возвращения по окончании похода стоимости полученного. Поэтому Хабаров с самого начала экспедиции считал ее снаряжение не государственной, а своей собственностью, заявляя об этом участникам похода: «Купил я ту казну государеву, и мне свои долги государю заплатить нужно. Разве вы за меня ему заплатите?»

Приобретение предметов из казны не считалось нарушением закона. Но такая крупная закупка казенного имущества, сделанная частным лицом и обеспечивающая целую экспедицию, была в Сибири на протяжении XVII в. единственной. В 1649 г. Ерофей Хабаров вложил в «дело» максимальное количество своих наличных денег.

Начиная с 1650 г. Францбеков стал одалживать Хабарову уже большие денежные суммы. В том году долг землепроходца воеводе составил 2900 руб. Тогда же стало ясно, что поход продлится не один год. Ерофей Павлович был вынужден дать распоряжение брату Никифору о передаче деревни, двора и имущества в устье Киренги во временное пользование пашенному крестьянину Панфилу Яковлеву. Никифор же в качестве рядового казака был взят на амурскую службу. Во время приезда в 1650 г. в Якутск Ерофей Павлович переделал свое завещание, ранее составленное на имя Никифора, в пользу воеводы Францбекова. В нем оговаривалось, что в случае смерти Хабарова наследником его имущества становится Францбеков. Завещание Хабарова воевода хранил в своих бумагах²¹.

Уже к 1651 г., судя по документам, найденным позже при обыске в доме Францбекова, Хабаров был должен воеводе-ростовщнику более 7000 руб., т. е. огромную по тем временам сумму. Деньги Францбеков давал под большой процент или «рост», который составлял не менее 50% от выданной суммы. Заем на любую сумму в XVII в., как правило, оформлялся специальным документом, называемым кабальной записью или кабалой. Невозвращение даже части долга грозило Хабарову закабалением и потерей независимости. Ссужая Хабарова личными деньгами, Францбеков усматривал в задуманном деле выгоды для самого себя. Недаром торговые гости Кирилл Босой и Василий Федотов говорили в Сибирском приказе, что «послал Францбеков Хабарова из доли, что добудет, в том с ним и поделится»²². Хабаров был не единственным должником Францбекова.

Из какого источника воевода мог иметь деньги менее чем

через год после своего прибытия в Якутск? Известно, что воеводы сосредоточивали в своем уезде всю власть. Это открывало возможность громадных злоупотреблений и поборов. Поборы начинались с момента приезда воеводы в уезд: население знакомилось с воеводой и подносило ему «в почесть» ценные подарки. Одаривался воевода в праздники и дни рождения. Он наживался на незаконной торговле в ясачных волостях, нелегальном винокурении и пивоварении, на грабеже населения. В момент приезда Дмитрия Францбекова в Якутск сумма взяток, бравшихся воеводами с каждого ясачного сборщика, колебалась от 6 до 300 руб., а то и больше. Поэтому сколотить капитал даже на одних взятках было делом нескольких месяцев.

Комплектование и снаряжение экспедиции Хабарова проходило в Илимске. В 30—40-х гг. приток русского населения в Восточную Сибирь был уже достаточно заметным. К этому времени, по подсчетам историка Александрова, в Якутии вместе со служилыми людьми ежегодно находилось до 4—5 тыс. русских промышленников и торговцев. Весной многие из них приходили с промыслов, стекаясь в хлебные, «сытые» места, какими становились реки Кута, Киренга и другие районы верхней Лены. По просьбе Хабарова Францбеков 17 марта 1649 г. послал из Илимска памяти на устье Куты пятидесятнику Ивану Щуке и на Чечуйский волок и Киренгу приказчику Семену Чуфарину с приказанием «кликать служилых, промышленных и охочих людей, желающих пойти с Ярофейком на государевых непослушников по Олекме и Тугирю, и по Шилке рекам без государева жалования. А которые промышленные и служилые люди учнут проситься итти с ним, Ярофейком, без государева жалования, и те б люди приходили... челобития приносили и имена свои записывали».

Ерофея Павловича Хабарова знали в тех местах многие, и желающих попасть в его отряд было немало. Но в экспедицию выбирали людей молодых, здоровых, знающих не только промысел, но также судовое, плотницкое и кузнечное дело.

Поскольку экспедиция снаряжалась на частные средства, в основе ее организации лежал принцип старинной русской покруты. «Покрученников он, Ярко, крутил», — говорили очевидцы тех событий. Поэтому между Хабаровым и большинством участников его похода сложились отношения как между частным предпринимателем-промышленником и его покрученниками.

Покрученником считался человек, поднявшийся на промысел за счет средств нанявшего его хозяина. Наем на покруту скреплялся договором, или покрутной записью. К сожалению, ни одной покрутной записи экспедиции Хабарова целиком обнаружить пока не удалось. Может быть, эти записи вообще не сохранились, поскольку по исполнению они уничтожались. Не случайно среди архивных документов они — большая редкость.

Как правило, договор между покрученником и хозяином составлялся на три года. Точно такой же срок оговаривался в покрут-

ных записях Хабаровым, который позже писал, что «поднял он 70 человек на три года своими животами».

Покрученники должны были промыслять «соболь, лисицы, бобры и разсомах и песцы и всякого промышленного зверя, горного и водяного». По условию покруты, хозяину с промысла доставалось $2/3$, а покрученнику — $1/3$ добычи. Из жалобы торговых людей Матвея Ворыпаева и Степана Самойлова, обвинявших Хабарова в переманивании их покрученников и присвоении им соболей, следует, что этого же условия придерживался и Хабаров. Разница состояла лишь в том, что в богатом зверем районе охотники из его отряда брали только соболей, а до росомах и песцов руки у них не доходили: «Промысел у Ярофея был на всякую ужину по 2 сорока по 4 соболя. И нам довелось у тех ужин наших покрученников на 12 человек 16 сороков 32 соболя», — писали торговые люди. Таким образом, каждый из покрученников от добытых им 84 соболей оставлял себе 28 соболей, или $1/3$, а 56 соболей, или $2/3$, отдавал Хабарову. Вся же добытая промысловиками партия составила 1008 соболей. Из них Хабаров получал 672, а покрученники — 336 соболей²³.

Покрутная запись предусматривала не только добычу пушнины для хозяина, но и всякую работу на него. Особенно тяжелой считалась работа, связанная с обслуживанием речных судов. Ее объем зависел от отдаленности промыслов и трудности подступа к ним судовым ходом. Поскольку весь путь экспедиции лежал по рекам, в покрутных записях ее участников подробно расписывался маршрут и характер «судовой работы»: на больших реках делать и чинить дощаники, а на малых — лодки, барки, плоты и «запас в них плавить, и на веслах и бечевниках ходить и всякую судовую работу робить без послушания, как хозяин велит».

Особо оговаривались условия переброски грузов, своих и хозяйских, через волоки и в обход порогов: на лыжах, нартах, оленьих упряжках, а на худой конец и на собственной спине.

Каковы были обязанности Хабарова как хозяина покрученников? Согласно традициям, сложившимся при вербовке промысловых артелей, любой хозяин предоставлял их участникам либо деньги для приобретения всего необходимого, либо в натуре снаряжение и продовольственный запас. Ерофей Павлович предпочитал второй вариант.

Прежде всего нужно было одеть людей. Каждый покрученник получал от него «платье ношебное», т. е. для повседневной носки, кроме того, «платье, каково к промыслу годитца», т. е. специально сшитую для промысла одежду, и, наконец, «спальное платье, шубу да постелю на дву человек», иными словами, спальный меховой мешок, рассчитанный на двух охотников. По окончании срока покруты промысловики имели право оставлять у себя только первую часть «гардероба». Спальный мешок возвращался хозяину.

Предоставленное Хабаровым покрученникам снаряжение (про-

мышленный завод) включало орудия охоты и рыбной ловли: сети горные (обметы) для поимки соболей на тот случай, если зверьки укрылись в дупле или норе; сети водяные или неводные для лова рыбы; кулемы, или ловушки, для пушного зверя; ножи, котлы, а также топоры для рубки дров, строительства жилья и судовых поделок. Снабдил Хабаров людей пищалями, порохом, свинцом.

Продовольственное обеспечение было также заботой хозяина. Каждый покрученник получил от Ерофея Павловича «запас», или сухой паек, без которого на промысел в тайгу не ходили: муку, крупу, сухари и соль. Паек был индивидуальным. Что же касается добытых в пути и на промысле зверей и рыбы, то, согласно покрутной записи, они поступали в общий котел артели: «А што в естественном промысле (промысле на еду) бог даст зверя или рыбы, и... от хозяина или от приказщика ево и от товарищев... своево паю и жеребья не выделять, исти (есть) вместе...»

Во что обошлось Хабарову снаряжение каждого покрученника? Как правило, стоимость снаряжения покрученников в Сибири колебалась от 20 до 40 руб. В пределах этой суммы обходился подъем покрученника и Хабарову, правда, без учета стоимости судов и оружия, которые он выкупал из казны. Хотя в отписке Францбекова на имя царя сообщалось, что все участники экспедиции шли «на Ярких подъемах», в ее составе тем не менее оказались не только покрученники, но и некоторые промышленные охочие люди, снарядившиеся на собственные средства (своеужинники). Впоследствии они писали: «Мы, государь, холопы твои, многие на своих подъемах, а не на Ярковых, служили тебе своими головами в Даурской земле без твоего государева жалования с воды и с травы»²⁴. Хабаров был заинтересован в численном увеличении экспедиции и охотно принимал таких людей.

Некоторые своеужинники вербовали себе покрученников и с ними присоединялись к экспедиции Хабарова. Например, сольвычегодский промышленный человек Дружина Попов, заняв деньги у Францбекова и «должаючись великими долгами», нанял 9 покрученников, обеспечив их необходимыми в походе «хлебными запасами, оружием, порохом, свинцом и всякими служилыми заводами»²⁵.

Таким образом, первоначально отряд Хабарова состоял из добровольцев-промышленников, вступивших в него на положении своеужинников и покрученников. Своеужинники, независимые материально от Хабарова, да и сам Хабаров получили кредит у Францбекова и других лиц. Эти деньги они вложили в вербовку покрученников. Получилось так, что отряд состоял из людей, опутанных кабальными записями, ростовщическими ссудами, долговыми обязательствами. Из всех участников похода наибольшие долги имел его организатор Ерофей Павлович Хабаров.

Так как воеводам Сибири категорически запрещалось участие

в промыслах, торговле и ростовщических операциях, Францбеков старательно умалчивал о том, что вкладывал в «дело» деньги, а Хабарова и других участников экспедиции опутал кабальными долгами. Но он не скрывал от Сибирского приказа, что отряд, снаряженный и возглавленный Хабаровым, состоял из промышленников.

К середине XVII в. администрация Сибири и Москвы убедилась в большой пользе от привлечения промышленников в качестве добровольных помощников служилых людей. В Сибири вошло в практику, что промышленники присоединялись к правительственным отрядам в количестве, нередко их превышающем, и делали со служилыми людьми общее дело: исследовали новые земли, строили остроги, защищали местное население, помогали собирать с него ясак. Выгода от объединения усилий служилых и промышленников была настолько очевидной, что Сибирский приказ даже стал рекомендовать воеводам отдельных уездов, в целях безопасности, не отпускать без промысловиков в дальние походы небольшие отряды служилых людей, чтобы государеву делу «порухи... а служилым людям на таких дальних службах урону не было».

Промышленники не только действовали вместе со служилыми людьми, но нередко приходили на новые земли и начинали их освоение еще задолго до появления там правительственных отрядов. Экспедиция Хабарова была проявлением такой практики, правда, в масштабах более крупных и по своим задачам и по объему. Поэтому Хабаров настоял на том, чтобы экспедиции был придан официальный характер, а ему вручена наказная память, наподобие тех, которые составлялись руководителям правительственных отрядов Перфильеву, Бекетову, Пояркову.

Наличие наказной памяти превращало промысловую ватагу в отряд, выполняющий задание администрации. Да и Ерофей Павлович приобретал уже иной общественный статус. Из главы промышленников и хозяина покрученников он становился приказным человеком, т. е. представителем власти, облеченным широкими полномочиями и на вновь присоединяемой территории, и в отношении своих товарищей.

Наказная память определяла главную цель экспедиции как «проведывание новых земель неясачных людей и приведение их под высокую государеву руку». В ней содержались подробные указания о способах привлечения народов Приамурья в российское подданство. Придя в Даурию, Ерофей Павлович должен был испробовать сначала мирные методы: «говорить с ними ласково и смиренно, чтобы они были под государевой высокой рукою, в вечном ясачном холопстве, навеки неотступны и ясак бы они... с себя давали». В случае отказа местных жителей признать власть царя и платить ясак Хабарову давалось право оказывать на них военный нажим «ратным обычаем, войною, безвестным приходом и, смотря по тамошней мере, всякими мерами промыслять над иноземцами».

Принявшим российское подданство народам предлагалось «жить на прежних своих кочевьях без боязни» и гарантировалась защита от внешних врагов. В свою очередь нерусские народы давали клятву верности царю, или, как тогда говорили, «приводились к шерти по их вере». Смысл клятвы сводился к тому, чтобы «им быть... под государевою высокою рукою навеки неотступно, в прямом ясачном холопстве».

С населения, принявшего российское подданство, Хабаров должен был собирать ясак, ассортимент которого перечислялся в наказной памяти: шубы собольи, ожерелья, пластины собольи, наполники собольи, лисицы черные, черно-бурые, бурые, красные, шубы горностаевые, бобры, выдры, серебро, золото, драгоценные камни. В качестве мер, гарантирующих поступление этого добра, предлагалось брать из числа наиболее знатных ясачных людей аманатов (заложников), «под которых бы ясак давали».

Чтобы закрепиться на новой территории, Хабаров должен был в стратегически важных местах строить укрепленные остроги, используя их как сторожевые посты, опорные пункты для сбора ясака и дальнейших разведок Приамурья: «Дошед Олеко-рекою и по Тугирю-реке до волоку или до Шилки, домышляючи государю, где пригоже, острог поставить. И укрепить велеть тот острожек всякими крепостями накрепко, чтобы в том острожке, будучи для государева ясачного сбора, от прихода немирных ясачных людей (жить.— Г. Л.) бесстрашно и без боязни. И ходить ему, Ярофейку, с охочими служилыми людьми из того острожка в походы на Лавкая и на Батугу и на иных неясачных захребетных людей».

Не преминули составители наказной памяти еще раз напомнить Хабарову о необходимости сбора географических сведений и данных о местных народах («много ли по тем рекам людей живет и какие люди»), а также о составлении чертежей рек и речек²⁶.

Сопоставление наказной памяти Хабарову и инструкции Пояркову показывает, что, хотя одна из них адресовывалась промышленнику, а другая — служилому человеку, в обеих ставилась одна и та же задача: присоединение и освоение Приамурья.

АМУРСКАЯ ЗЕМЛЯ

Что же представляла собой эта земля, на попытки обследования которой уже было затрачено немало сил и средств и которая теперь привлекла внимание новых энтузиастов — Ерофея Павловича Хабарова и его товарищей?

Согласно терминологии русских источников, на территории Приамурья выделялись земли Даурская, Дючерская, Натская и Гиляцкая, названные так по именам населявших их народов.

Дауры проживали ниже слияния рек Шилки и Аргуни по бе-

регам Амура до устья Зеи, в среднем и нижнем течении Зеи и по ее левому притоку Селемдже. Ниже дауров по среднему Амуру и его правому притоку реке Сунгари жили дючеры. Еще ниже дючеров, начиная от реки Дондона, жили натки, предки современных нанайцев. Часть натков, граничащих с гиляками, русские называли ачанами, а населенную ими территорию «Ачанской землицей». Устье Амура, Сахалин и острова Амурского лимана заселяли гиляки (нивхи). С западной стороны к Приамурью примыкали Забайкальские земли, населенные бурятами и тунгусами. Кочевья тунгусов занимали левые притоки Амура, соприкасаясь с поселениями дауров и дючеров.

Амурское население говорило на разных языках. Монголо-язычные племена дауров соседствовали с тунгусоязычными дючерами.

Народы, населяющие Приамурье, по общему мнению советских историков, к приходу русских еще не имели государственности. Они находились на разных стадиях разложения общинного строя. Во главе общин стояли старейшины, которых русские называли «князьцами». Из даурских князьцов до прихода на Амур Хабаров был известен Лавкай, проживавший в районе верхнего Амура. Дауры и дючеры знали простейшие формы земледелия и несколько земледельческих культур, в том числе рожь и овес. Но, по мнению советского историка-аграрника

Дауры. С гравюры из книги Н. К. Витсена 1692 г.

В. И. Шункова, амурское земледелие «значительно отставало от русского и по степени своего распространения, и по уровню техники». В хозяйствах дауров и дючеров разводился мясо-молочный скот и лошади. Все народы Приамурья занимались рыболовством. У таких из них, как натки, ачаны, гиляки, оно составляло основу хозяйства. Для перевозки грузов и людей гиляки использовали собачьи упряжки. В некоторых из их улусов было до 500—1000 собак.

Народы Приамурья торговали между собой и имели тесные торговые связи с соседними тунгусами. Дауры и дючеры были знакомы с маньчжурскими и китайскими купцами, привозившими на Амур китайские товары, и вели посредническую торговлю, доставляя разноцветные китайские ткани и серебряные украшения тунгусам, наткам и гилякам в обмен на соболей и скот. Познакомились дауры и с русскими промысловиками, которые обменивали у них на соболей котлы, ножи, топоры и бисер.

Долгое время бассейн Амура, удаленный от российских и китайских владений, являлся «ничейной территорией». Между тем в 1616 г. в южной части Северо-Восточного Китая было образовано Маньчжурское государство, во главе которого встал Нурхаци, объявивший себя императором. Начиная с 20-х гг. XVII в. маньчжуры предпринимают агрессию против Китая, в котором правила династия Мин. В 1621 г. они захватили город Мукден и объявили его своей столицей. Затем стали совершать набеги на северную территорию Китая и южные районы Монголии. Разгромив одно из крупнейших монгольских княжеств, маньчжурский император Абахай, преемник Нурхаци, присвоил себе титул богдыхана, т. е. «великого хана», и распространил на территорию Южной Монголии маньчжурскую военно-административную систему.

Продолжительная война с Китаем требовала постоянного пополнения взрослого мужского населения. Источником такого пополнения маньчжуры избрали отдаленные племена северо-востока и Приамурья. Их набеги на эти земли особенно усилились во время правления Абахая.

Основная цель маньчжуров во время этих походов заключалась не в захвате земель и расширении территории Маньчжурии, а в угоне пленных, в том числе женщин и детей. Пленных мужчин маньчжуры использовали в качестве вспомогательной военной силы в составе своего восьмизнаменного (состоящего из восьми полков) войска. Набеги сопровождались истреблением части местного населения. Крупный советский китаевед Г. В. Мелихов приводит в качестве примера один из таких набегов маньчжуров на нанайское племя учжалов (1633), во время которого было убито 338 человек, уведено в плен 700 мужчин, женщин и детей, захвачено 373 лошади, 102 головы крупного рогатого скота, 78 шкурок соболя и большое количество других мехов.

Местное население оказывало решительное сопротивление

грабителям. Однако более высокая военная организация и уровень военной техники обуславливали победу цинских войск, и маньчжурам удавалось захватывать богатую добычу и пленных.

Временами народы Приамурья и Приморья прибегали к нехитрым дипломатическим приемам, чтобы сдерживать набеги. Некоторые из них отправляли посольства к цинскому двору, привозили богатые подарки в виде мехов и продуктов, откупаясь тем самым от грабителей. Но приезды посольств были эпизодическими, и набеги повторялись. Народы Приамурья и Приморья к середине 40-х гг. XVII в. не являлись вассалами или подданными Маньчжурского государства, но были объектом его агрессии.

В 40-е гг. XVII в., к приходу на Амур Пояркова, а затем Хабарова, маньчжуры утратили к Амуру интерес и прекратили набеги. В этот период их связи с Приамурьем были настолько потеряны, что в маньчжурских источниках нет никаких сведений о появлении русских экспедиций на Амуре. В это время все внимание маньчжуров было обращено на захват территории Внутреннего Китая, куда они вторглись в 1644 г. Захватив Пекин и свергнув династию Мин, они установили власть маньчжурской династии Цин. Дальнейшие события покажут, что захватническая политика Цинского государства «угрожала самому существованию народов Дальнего Востока и выдвигала объективную необходимость их защиты и спасения»²⁷.

НАЧАЛО ПОХОДА

Из Илимска экспедиция Хабарова отправилась весной 1649 г. в двух небольших дощаниках, нагруженных продовольствием и снаряжением. Каждый из них вмещал не более 30 человек. До Олекмы шли вместе с воеводой Дмитрием Францбековым. Недалеко от ее устья встретили возвращавшихся с Тугиры и Тугирского волока Юрьева и Оленя, разведавших Олекминский путь. Сведения, сообщенные ими, еще раз укрепили Хабарова в правильности выбранного им маршрута.

Олекминский путь на Амур был не из легких. Отряду приходилось «с великою нужною» преодолевать многочисленные пороги. «В порогах снасти рвало, слопцы ломало, людей ушибало», — вспоминали очевидцы похода. На стремнинах суда тянули бечевою. Изредка на берегу встречались одинокие жилища тунгусов-скотоводов. Они вносили ясак скотом, и за их счет Хабаров пополнял запас продовольствия. Попадались отдельные ватаги русских промысловиков, которые, как правило, присоединялись к отряду.

Ссылаясь на отписку воеводы Францбекова, в которой говорится, что Хабаров набрал 70 человек, многие исследователи считают, что он отправился именно с этим числом людей. На основе архивных документов выясняется, что при выходе из

Илимска численность отряда была меньшей. По словам промышленного человека И. Сидельникова, «на Олекме-реке в 157 году (1649) с Яркой семидесяти человек не было»²⁸. Этой численности отряд достиг лишь по пути в Даурию, за счет вливавшихся в него промышленников. Так, торговый человек Матвей Ворыпаев в своем челобитье указывал, что на Олекме в 1649 г. «приставали к Ярофею своеужинники Ивашка Баженов Сальников, Федька Важенин, Тренка и Калинка Зырекины» и др. Там же к Хабарову присоединилось еще 6 человек, возвращавшихся с соболиных промыслов. Аналогичные факты имели место и на реке Тугирь. Только в результате этого пополнения по инициативе самих промысловиков отряд Хабарова вырос к приходу на Амур в солидную партию, насчитывающую 70 человек, о чем воеводе Францбекову стало известно только в мае 1650 г. со слов Хабарова.

Зима застала экспедицию в устье Тугирия. Здесь в надежном месте поставили зимовье, чтобы передохнуть и подготовиться к пешему пути. Описание этого зимовья не сохранилось. Но поскольку постройки такого рода были преимущественно однотипными, об их внешнем виде можно судить, взяв за образец Бабаковское зимовье, построенное вскоре на реке Зее. Оно представляло собой рубленую избу «с нагородью», т. е. боевой надстройкой, или «верхним боем». К избе «впавал» пристраивались сени «прирубные», также имевшие сверху небольшую пристройку — башенку для стрельбы. Площадь избы могла составлять 20—25 м². Поскольку отряд Хабарова к приходу на Тугирский волок насчитывал не менее 70 человек, можно предположить, что поставленное зимовье имело несколько изб. Отношения с тунгусами, проживавшими по реке Тугирь и Тугирскому волоку, были мирными. И Хабаров, экономя время, не стал отдавать распоряжение о строительстве вокруг зимовья острожной стены, которая была поставлена лишь после 1650 г.

19 января 1650 г. Хабаров оставил Тугирское зимовье и двинулся дальше. Лодки тянули на нартах. Перевалив отроги Олекминского становика, отряд вышел к истокам реки Урки (Уры) и через 10 дней дошел до Амура, попав во владения даурского князья Лавкая.

Первый обнаруженный экспедицией даурский городок оказался пустым. Люди по неизвестной причине его покинули. С большим интересом Хабаров и его товарищи рассматривали этот необычный городок, невольно сравнивая его с сооружениями такого же рода в Сибири.

Этот городок был построен «не русским обычаем». Он представлял собой крепость в 20 саженой вдоль и 14 саженой поперек. Стены городка были сделаны из жердей, а щели между ними с обеих сторон замазаны глиной. «Крепость тот городок от стрелы, а из пищали его можно прострелить на обе стороны», — пришел к заключению Хабаров. В крепости было пять башен, а вокруг шел ров «глубиной в рост небольшого человека». Под всеми башнями имелись тайники — подлазы, ведущие к воде.

Хабаров не остался в городке, а двинулся дальше вниз по Амуру в надежде догнать беглецов. Вскоре русские достигли второго городка, похожего как две капли воды на первый, но и в нем не было ни души: «городок стоит пуст».

Хабаров двинулся к третьему по счету городку, который также оказался покинутым его обитателями. Устав от неизвестности и тяжелого пути, Ерофей Павлович решил здесь остановиться для отдыха. Согласно воеводской наказной памяти, он действовал «с опаской и осторожно» и выставил по башням караулы. Вскоре один из сторожей заметил пятерых всадников, которые остановились недалеко от городка. Хабаров вместе с тунгусским толмачом Логинком вышел к ним навстречу и спросил, кто они такие. Старший по возрасту из всадников назвался Лавкаем. Указывая на остальных, он отрекомендовал их как братьев Шилгиня, Гильдигу и зятя Албазу. Пятый оказался холопом (рабом). Задал аналогичный вопрос и Лавкай. Хабаров назвался промышленником и торговым человеком и попытался узнать причину бегства Лавкая и его людей. Выяснилось, что за несколько недель до прихода Хабарова у Лавкая побывал промышленный человек Иван Квашнин. Он-то и предупредил дауров о скором приходе русских, причем описал его в самых мрачных красках: «идут пятьсот человек, а после де тех людей идут иные многие люди, которые всех вас побьют и животы ваши пограбят, а жен и детей в полон возьмут». Хабаров тогда еще не знал, что именно такими жестокостями всегда сопровождалась набег маньчжуров и, наученные горьким опытом, дауры старались избежать встречи с любыми пришельцами. Ерофей Павлович постарался разубедить Лавкаю, сказав ему, что Квашнин всего лишь покрученник Ивана Беляши Ярославца, что он распустил ложный слух и ему верить нельзя. Он же, Хабаров, послан от московского государя к даурам с предложением «мирно, без драки» уговорить их принять российское подданство и платить «неотступно и постоянно» ясак. Взамен за верность и постоянство Лавкаю и его улусным людям гарантировалась спокойная жизнь на прежнем месте и защита от врагов, если таковые объявятся. Лавкай ответил уклончиво: «За ясаком де мы не стоим»,— вероятно, решив присмотреться к пришельцам. Всадники ускакали.

Тогда Хабаров, не теряя времени, бросился по их следу, чтобы догнать улус Лавкая и еще раз убедить его вернуться в городки, жить спокойно и платить ясак. Через день пути отряд подошел к четвертому городку, который также оказался пустым. От него русские шли ночь и до полудня следующего дня, но, придя в пятый городок, так и не застали в нем дауров. Лишь в одной из «светлиц» они встретили женщину по имени Моголчак, назвавшуюся сестрой Лавкая и женой князьца Шилгиня. Так же как и Лавкай, она сказала, что уход дауров связан с предупреждением Ивана Квашнина. Моголчак сообщила сведения, до некоторой степени вскрывающие отношения между даурскими князьцами и их соседями. По ее словам, улус Лавкая был самым боль-

шим, а Лавкай «лучшим» из даурских князьцов, признанным главой своих братьев. Лавкай «со всеми своими улусными людьми с женами и с детьми, и с животы» ушел на 2500 лошадах в улусы Шильгиней и Гильдиги еще за 3 недели до прихода русских и теперь все три князьца, располагая тысячным отрядом всадников, находятся «вскопе». Она показала, что некто князь Богдой собирал с даурских князьцов соболей, приходя к ним «с огненным боем». Во время одного из набегов ее взяли в плен. Уводили Моголчак очень далеко, и жила она «в городе с каменными стенами и башнями». В городе были пушки, а у воинов — пищали, сабли, луки и всякое другое оружие. Сам Богдой имел роскошный дом, в котором она хоть и не бывала, но слышала, что в нем есть серебряные и золотые казенки (комнаты), что угощения на стол подают на серебряных и золотых блюдах. В городе есть лавки, из которых приезжие богатые купцы продают «узорочные товары»³⁰. Из плена Моголчак выкупили брат и муж.

Старая даурка вспоминала один из тех набегов, которые предпринимались маньчжурскими феодалами до 40-х гг. XVII в.

Ознакомившись с оборонительными сооружениями дауров и выяснив их численность, Хабаров пришел к выводу, что догонять тысячный отряд всадников 70 пешим людям было более чем безрассудно. Лавкай скорее всего принял отряд Хабарова за разведку, подобную той, которую посылали маньчжуры перед очередным набегом. Горстке пришельцев невозможно было закрепиться в новой земле, брать крепости и «приводить их под высокую государеву руку». В этой и других подобных ситуациях Хабаров всегда проявлял важные для руководителя и военачальника качества: трезвый ум, предусмотрительность, умение взвесить и ясно представить соотношение сил своих и противника. Сейчас перед ним стоял выбор: либо вернуться с отрядом на Тугирь и Олекму и оставить задуманное дело, либо его продолжать. Он предпочел второе.

Отойдя ближе к реке Урке и Тугирскому волоку в первый Лавкаев городок, Хабаров оставил там 52 человека во главе с Дружиной Поповым, а сам, «взяв даурский хлеб для показу» и соболей, с небольшим отрядом пошел в начале марта 1650 г. в Якутск.

В отсутствие Хабарова Лавкаев городок стал опорным пунктом засевших там русских промышленников. Весенний и летний сезон был ими использован для сбора ясака. С этой целью они ходили из городка в 12 походов и призывали дауров принять российское подданство. Первым из даурских князьцов 8 июня 1650 г. прислал ясак в 120 соболей брат Лавкай князец Шилгиней, жена и младший сын которого были захвачены промышленниками и теперь сидели в аманатах. Вернулся в оставшиеся незанятыми 4 городка и князец Лавкай. Он также отправил ясак — 12 соболей и шубу соболю. Пришел ясак от князьца Албазы. Всего с момента ухода Хабарова в Якутск его товарищи собрали в качестве ясака 4 сорока соболей и шубу соболю из 28 пластин.

До 1 сентября русские жили в Лавкаевом городке, а затем, «за хлебной скудостью», покинули его и двинулись к расположенному недалеко даурскому городку, принадлежавшему зятю Шилгина князю Албазе. Улус Албазы был многолюдным. В нем насчитывалось до 300—400 человек. Хабаровцы потребовали там уплаты ясака. Но Албаза, учитывая малолюдство русского отряда, в котором было всего 52 человека, наотрез отказался платить его. Сидевшая в аманатах жена Шилгина предупредила русских, что Албаза их всех хочет перебить. Тогда русские решили упредить это выступление. Недалеко от Албазина на расстоянии лучного стрельбища, они поставили острожек из одной избы и сделали в нем четыре бойницы. Затем соорудили щит на колесах для защиты от вражеских стрел. Оставив несколько человек в острожке для прикрытия тыла, они стали приступать к городку, двигая перед собой щит и прячась за ним. Дауры посылали в их сторону град стрел. На приступе хабаровцы потеряли 4 человек и вынуждены были отступить. «И силы нашей не стало, чтобы городок взять», — сообщали очевидцы. На поднявшийся шум из соседних улусов стали прибывать дауры, и осаждающие превратились в осажденных. Им пришлось отсиживаться в острожке, ведя круговую оборону. Тяжесть положения усугублялась тем, что запасы продовольствия подошли к концу и промышленники начали голодать. Дважды, первый раз из Лавкаева городка, второй из-под Албазина, они посылали своих людей навстречу Хабарову с просьбой поспешить в Даурию.

В ЯКУТСК — ЗА ПОМОЩЬЮ

Хабаров прибыл в Якутск 26 мая 1650 г. и доложил Францбекову о вновь открытом крае. Желая заручиться и в дальнейшем его помощью и стремясь привлечь в экспедицию как можно больше людей, Хабаров всячески расхваливал новые земли. Он рассказывал про обширные луга, тучные амурские земли, на которых «родится шесть хлебов: ячмень и овес, и просо, и горох, и гречуха, и семя конопляное». Высказал Хабаров уверенность и в том, что с присоединением Даурии Восточная Сибирь будет обеспечена даурским хлебом, правда, при условии ее заселения русскими хлебопашцами: «заведутся тут в Даурской земле пашни, и ... будет прибыль большая, и в Якуцкой ... острог хлеба присылать будет не надобно (из Енисейска. — Г. Л.), потому что де... с Амура-реки через волок на Тугирь-реку, в новой острожке переходу толко со сто верст, а водяным путем из того Тугирского острожку на низ Тугирем-рекою и Олекмою и Леною до Якуцкого острогу поплаву на низ только две недели».

Рассказывал Хабаров, что «по Великой реке Амуру леса темные и большие есть, что соболя и всякого зверя в них много и что амурские соболя лучше ленских». А в Амуре «осетров и всякой рыбы много», и по ее обилию Амур не уступает Волге.

Не забыл Хабаров повторить в съезжей избе и рассказ даурки Моголчак про князя Богдоя, который жил в далеком «рубленном городе», совершал набеги и брал пленных на Амуре³¹. Неясные сведения, полученные от местного населения о южных соседях, скорее воспринимаемые как слухи, не давали основания сибирской администрации предполагать о подчинении Приамурья какому-нибудь государству. Тем более что ни Хабаров, ни его предшественник на Амуре Поярков не видели там каких-либо следов государственности: гарнизонов, администрации, сборщиков налогов и т. д. Сообщение же о набегах соседей, захвате ими заложников не смутило российскую администрацию. Ей было хорошо известно, что до вхождения в состав Российского государства многие народы, проживавшие в южных районах Сибири, подвергались нападениям калмыков, киргизов, монголов. И отрядам русских служилых людей на протяжении XVII в. приходилось неоднократно защищать от этих набегов население Сибири.

По докладу Хабарова Даурия рисовалась сказочно богатой страной, которая «против всей Сибири будет украшена и изобильна». Просьбу о необходимости посылки в Даурию помощи Хабаров подкреплял чертежами Олекминского пути (рек Олекмы, Тугиря, Урки и Тугирского волока), верхней части Амура и Лавкаевых крепостей, заметив при этом, что «такие крепости не такими людьми имать» и что «тех городов ему засесть было некем»³².

Выяснив, что присоединение и освоение Даурии могло принести реальную пользу казне и ему лично, воевода Францбеков отпустил с Хабаровым на Амур 20 человек служилых людей во главе с казачьим десятником Третьяком Ермолиным сыном Чечиным. Из якутской казны служилым выдали 3 пушки — одну медную и две железные, а также порох и свинец.

Позаботился Хабаров и о своих товарищах. На 12 из них он составил послужной список с подробным описанием их службы на Амуре и добился от воеводы их поверстания в служилые казаки. Францбеков исполнил просьбу землепроходца и сообщил об этом в Сибирский приказ в своей отписке: «По расспросу приказного человека Хабарова, которые промышленные люди с ним были, велели их за их службу и впредь для даурской твоей, государь, службы, поверстать в березовской оклад... 12 человек». Факт зачисления в службу промышленников из отряда Хабарова позволяет утверждать, что в период с 1650 по 1652 г. с Хабаровым в Даурии было не 20, как принято считать, а 33 служилых человека.

Вступление служилых людей в состав экспедиции дало возможность воеводе Францбекову именовать последнюю в официальных документах «войском», иногда «полком», участников экспедиции «полчанами» и еще раз подтвердить за Ерофеем Хабаровым звание «приказного человека». Отныне Ерофей Павлович как служилый человек стал называть себя «холопом государевым». Служилые люди, зачисленные в его отряд, обеспечива-

лись жалованьем за счет казны. Оклад включал деньги, хлеб и соль. Каждому из них полагалось в год 5 руб., 5 четвертей ржи и 1,5 пуда соли.

По существующему положению в связи с отправкой на «дальнюю службу» жалованье выдавалось вперед, на следующий год, а иногда и на два. Поскольку в якутской казне хлеба не было, «чтобы от хлебной скудости служба не стала», Францбеков принудил нескольких торговых людей продать хлеб по казенной цене — по полтине за пуд, несмотря на то, что на якутском рынке в 1650 г. пуд муки ржаной стоил рубль. Часть этого хлеба была выдана в жалованье. Остальной хлеб купил Хабаров, который снова взял на себя обеспечение добровольцев, привлеченных в его отряд слухами о богатстве Даурской земли.

К моменту выхода из Якутска с ним было, кроме 33 служилых, 105 «охочих людей». Учитывая опыт первого похода, Францбеков официально разрешил Хабарову сверх якутского набора принимать в отряд всех желающих присоединиться к нему в пути. Только на Олекме таких оказалось 20 человек. Из них 12 пошли с Ерофеем Павловичем как его покрученники, а 8 человек — как покрученники торгового человека из Соли Вычегодской Павла Бизимова и промышленного человека из Мезени Петра Савельева³³.

В своей челобитной на имя царя в 1667 г. Хабаров писал, что в 1650 г. ему удалось набрать дополнительно к имеющимся в Даурии людям еще 117 человек «вольных охочих людей», которых он одел, обул, вооружил и обеспечил продовольствием. Благодаря содействию воеводы Францбекова, как и год назад, Хабаров получил из казны в качестве ссуды судовые снасти, холсты для парусов и на одежду, сукна, котлы, топоры, косы, серпы, пищали, порох, свинец — всего стоимостью в 4857 руб. 2 алтына. Часть этой суммы Хабаров внес в казну сразу, а остальную должен был заплатить по окончании похода. Тогда же, летом 1650 г., Хабаров занял у Францбекова 2900 руб., дав воеводе новую долговую запись с обещанием вернуть ему сверх занятой у него суммы еще 50% годовых.

Чтобы как-то расплатиться с Францбековым, придя в Даурию, Хабаров начал распродавать участникам экспедиции пищали, свинец, сукна, косы, топоры, серпы по очень дорогой цене и, по свидетельству очевидцев, «покрученников своих в долг втянул большой и кабалы имал на свое имя. А имал кабалы в пищалях, да в порохе, да в свинце рублей по 60 и по 70, а которые лучше — те по 80, и все войско у него в долгу, а не в долгу человек с 30»³⁴.

Перед отправкой на Амур Хабарову была вручена новая наказная память, в которой намечался дальнейший план действий русских в Даурии. В качестве форпоста продвижения русских в Приамурье назывался уже не Тугирский острожек, расположенный на подступах к Амуру, а находившийся непосредственно на Амуре Лавкаев городок. Его предлагалось «укрепить накрепко», «огненной бой, пушки на башнях поставить». Из городка

посылать сборщиков ясака к князю Лавкаю и другим князьям, среди которых названы Гильдига и Шилгиней, ставшие известными в Якутске со слов Хабарова.

Как и в первой наказной памяти, Хабарову предписывалось призывать в российское подданство «иноземцев» мирными средствами, или, как тогда говорили, «ласкою», устанавливать для них размер ясака «не в тягость и не в налог, а по их мочи», т. е. по возможности, чтобы ясачным людям жить под властью русского царя в безопасности, «стоятельно и прочно». На худой конец, в случае неповиновения и вооруженного сопротивления, рекомендовалось иное средство — военный нажим.

Наказная память 1650 г. интересна еще и тем, что Францбеков поручил Хабарову привести в российское подданство и князя Богдою. Ни якутская администрация, ни Сибирский приказ тогда еще не располагали данными о территориальном распространении власти Цинской династии и полагали, что «Богдой» — правитель, правда, более сильный, чем Лавкай, Шилгиней и им подобные.

Поэтому в наказной памяти предусматривалась отправка Хабаровым к «Богдою» посланников из числа служилых людей и возможность приема Хабаровым посланцев от «Богдоя». При переговорах Хабарову рекомендовалось разъяснять мирную цель его прихода на Амур — «не для бою, а для призыву» населения в российское подданство. Обращаясь к посланцам «Богдоя», следовало говорить о том, что царь Алексей Михайлович милостив и не только не обидит тех, кто примет его подданство и будет ему непротивен, а, напротив, покажет новым подданным свою милость и щедро их одарит³⁵.

В Якутской приказной избе под руководством Францбекова прошел Ерофей Павлович обучение началам дипломатического этикета. В разговоре с иностранцами он должен был прежде всего «оберегать государское именование», т. е. царский титул, устное и тем более письменное искажение которого или прописка (пропуск) в котором в те времена жестоко наказывались, вплоть до смертной казни. Хабаров попросил записать полное именование титула в данной ему наказной памяти. Цитируем запись целиком: «Бога, в Троице славимаго, милостию мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец, владимирский и московский и новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский, государь псковский, великий князь иверский, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Нижнего Новгорода Низовския земли, рязанский, ростовский и ярославский, белозерский и удорский и обдорский, кондийский и всея Северныя страны повелитель, Иверския земли карталинских и грузинских царей, Кабардинския земли черкасских и горских князей, и иных многих государств государь и обладатель».

Для передачи «Богдою» с Хабаровым была послана грамота, текст которой составил Францбеков.

Рассказ Хабарова о первом его походе в Даурию был подробно записан в Якутской приказной избе. Но он дошел до нас не в изложении самого Хабарова, который передавал события живым языком землепроходца, а будучи отредактированным в воеводской канцелярии либо дьяком Степановым, либо воеводой Францбековым. В таком виде он был включен в состав отписки Францбекова и Степанова, отправленной в Москву весной 1650 г. вместе с известием об организации экспедиции.

Редактируя и подправляя отписки Хабарова, Францбеков полагал, что чем больше трудностей экспедиции будет описано, тем выше ее деятельность будет оценена в Москве. Воевода был кровно заинтересован в этом. Поэтому и в первой и в последующих его отписках были допущены искажения ряда фактов, приведшие к неправильной характеристике действий землепроходцев и самого Хабарова некоторыми историками.

Опровержение современниками и очевидцами искажений в отписках воеводы началось уже во время пребывания Хабарова на Амуре. Например, в первой отписке Францбекова в Москву было написано, что даурка Моголчак не хотела добровольно давать показания и ее пытали («жгли огнем»). Факт этой жестокости был опровергнут даже недругом Хабарова и Францбекова дьяком Стеншиным, который, имея в виду этот конкретный случай, сообщил в Сибирский приказ, что Францбеков писал в отписке «чего там и не было». Пытку Моголчак отрицали в расспросных речах около 70 очевидцев, прямо заявивших, что «то писано ложно». Моголчак показания давала «своею охотой», т. е. добровольно, и «ее не пытали»³⁶.

В Сибирский приказ отписка Францбекова о взятии Хабаровым 5 даурских городков пришла через год, в 1651 г. На нее сразу же обратили внимание и передали в руки главе приказа боярину кн. А. Н. Трубецкому. Алексей Никитич Трубецкой играл тогда заметную роль при дворе Алексея Михайловича. По словам иностранцев, он был третьим человеком после царя и его родственника и «дядьки» Б. И. Морозова. С 1646 г. Трубецкой в течение 20 лет возглавлял два важнейших в стране приказа — Казанский дворец и Сибирский. Исследователь русско-китайских отношений В. С. Мясников считал Трубецкого «творцом восточной политики Москвы», имея в виду организацию им посольства в Китай и китайского торгового дела в 50-х гг. XVII в.

Трубецкой очень заинтересовался отпиской о присоединении новых земель в Даурии. Правда, его интерес пока не связывался со взаимоотношениями России и Китая, потому что российская дипломатия в Москве и сибирская администрация не связывали имя «Богдоя», промелькнувшее в отписке Францбекова, с Цинским и тем более Китайским государством. Трубецкой спешил с докладом к царю по другой причине. В 1651 г. двор Алексея Михайловича все еще жил неприятным впечатлением от новгородского и псковского восстаний, и доклад об успехах в Приамурье пришелся бы как нельзя кстати. Трубецкой не ошибся.

Деятельность Хабарова и его полчан на Амуре получила одобрение правительства. «Царь указал и бояре приговорили» сказать им милостивое царское слово. Досталась похвала и руководителю Сибирского приказа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДАУРИЮ. ЗИМОВКА В АЛБАЗИНЕ

Из Якутска в Даурию Хабаров выступил 9 июля 1650 г. и пошел старым маршрутом — реками Леной, Олекмой, Тугирем, далее Тугирским волоком до Укача, из Укача — в Урку, с Урки в Амур. Хотя Хабаров пробыл в Якутске немногим больше месяца, он очень торопился, так как на Амуре он отсутствовал уже более четырех месяцев. Его беспокоила судьба оставшихся в Лавкаевом городке товарищей. Чтобы двигаться быстрее, он оставил на Олекме дощаники, пушки, пищали, порох и 40 участников экспедиции во главе со служилыми людьми Степаном Поляковым и Минулаем Юрьевым, а сам налегке поспешил на Амур. Но в Лавкаевом городке товарищей не было. Он застал их под Албазином в выстроенном ими острожке, осажденном даурами.

Появление многочисленного вооруженного отряда быстро решило исход борьбы: не приняв боя, дауры оставили Албазин и отошли вниз по Амuru. Однако в отписке Францбекова царю, написанной в мае 1651 г., после получения отписки от Хабарова, утверждается, что взятие Албазина сопровождалось кровопролитием и людскими потерями среди дауров: «даурские люди... с ними бой поставили, и бились... с ними с половины дня до вечера, и на том... бою их, даурских людей, многих побили, а у него, Ярофея, в полку ни одного человека до смерти не убили, только де... переранили двадцать человек»³⁷.

Содержание этой отписки искажало действительность, ибо из расспросных речей участников похода позже выяснилось, что с появлением Хабарова никакого столкновения под Албазином не было. Вот как рассказывает об этом эпизоде служилый человек Иван Седельников: «И пришел к Албазину Ярко Хабаров. И увидел Албаза государевых людей и из Албазина побежал, городок покинув. И они с Яркой в Албазин вошли»³⁸.

Заняв Албазин, Хабаров послал в погоню за даурами охочих промышленных людей во главе с Третьяком Чечигиным и Дунаем Трофимовым. Преследователи догнали дауров у городка князьца Атуя на следующее утро. Но дауры, завидев русских, зажгли город, «пометались на коней» и ушли вниз по Амuru, бросив стадо в 117 голов, которое Чечигин пригнал в Албазин. Здесь также не было столкновения с даурами: «боя у нас не было и даурских людей не побили, а взяли скота 117 животных, а государевых людей ни один человек не был ранен»³⁹. Отписка же Францбекова опять искажала факты, утверждая, что преследовавшие дауров полчане Хабарова «тех даурских людей постигли

и с ними... бой учинили... и на том бою много даурских людей побили,... а у них, у служилых людей, на том бою переранили девять человек»⁴⁰.

Зиму 1650—1651 гг. Хабаров решил провести в Албазине. Последний представлял собой небольшую крепость, построенную так же, как Лавкаев городок. Внутри Албазина было 8 больших юрт (по другим сведениям — 11), в которых и разместились люди Хабарова. В складах городка нашли большие запасы хлеба.

Пребывание Хабарова в Албазине продолжалось более 7 месяцев. Это время Хабаров использовал для разных дел. На первом месте было изучение нового края, знакомство с местным населением, приведение его в российское подданство и сбор ясака. Хабаров совершил два похода на нартах по Амуру — 24 ноября и 18 декабря. Иногда для сбора ясака он рассылал небольшие партии в улусы. Одна из них в составе служилого человека Третьяка Чечигина, есаула Василия Полякова, толмача Константина Иванова и 10 человек промышленников зимой 1651 г. побывала у дауров, живших на реке Ширилке (Шилке). Это был первый выход русских на Шилку со стороны Амура. Как сообщили казаки, они побывали в 5 юртах и убедили их обитателей «на роте, без боя» принять российское подданство, платить ясак «по вся годы» и дать аманатов. Дауры обещали склонить своего князьца Десаула, а тунгусы своего князьца Гантимура признать власть царя. Побывали полчаны Хабарова в улусах Лавкая, Албазы, Шилгинея и взяли аманатов.

Вероятно, в зимнее время на самой короткой дороге через Тугирский волок, «где с Олекмы переходить русским людям пешею ногой сухим путем только два дня», был построен Тугирский острожек. Его строителями стали 20 промышленников, нанятых Хабаровым «на свои подъемы и проторы». Из Тугирского острожка началось объясачивание окрестных тунгусов. Здесь же Ерофей Павлович планировал завести пашню и поселить не менее 20 человек пашенных крестьян.

Но самым главным занятием зимнего периода был соболиный промысел. Соболя и другого пушного зверя здесь водилось много. Документы почти не сообщают нам о промысловой деятельности экспедиции. На это были свои причины. Интерес к промыслу скрывался воеводой, который присваивал часть десятой пошлины с соболей, добытых промысловиками, и всех соболей, присланных в счет долга Хабаровым. Охотие промышленные люди из отряда Хабарова также почти не упоминали о своих промыслах. Все они надеялись, что за даурскую службу будут пожалованы «государевым жалованьем» и станут не просто вольными охотими людьми, а служилыми казаками. Стараясь не подчеркивать свою материальную заинтересованность в промыслах, они прямо говорили, что пришли на Амур «не для своей бездельной корысти», а для службы. Бездельная корысть в понимании людей того времени связывалась с личным обогащением и игнорированием государственного интереса.

И тем не менее о начале промыслового освоения Амура экспедицией Хабарова можно говорить уже с зимы 1649—1650 гг. Летом 1650 г. промышленный человек Ворыпаев, жалуюсь в своем челобитье на Хабарова, сообщал, что его промысловики добыли 1009 соболей, из которых $\frac{2}{3}$ взял себе Хабаров. Эти соболи, вероятно, входили в состав той партии мягкой рухляди, которую Хабаров в 1650 г. прихватил в Якутск в счет своего долга. Только держа соболиные шкурки в руках и любуясь ими, Францбеков мог согласиться с мнением Хабарова, что «амурский соболь ленского лучше», и сообщить об этом с полной ответственностью в Сибирский приказ.

Через год, учитывая промысловое значение Амура, Францбеков включил в наказную память Хабарову пункт о том, чтобы Ерофей Павлович, будучи на Амуре, заказывал накрепко даурским князьям Лавкаю, Гильдиге, Шилгинею всячески оберегать русских промышленных и торговых людей, «а грабить, побивать, ничем теснить и изобижать их не велеть». Немного позже он напоминал Хабарову о необходимости сбора с добытых соболей таможенной пошлины: «Да ему же, Ерофеем Павловичу Хабарову, в новой Даурской земле, которые служилые и охочие... люди упромышляют по досугу промышленная мягкия рухляди соболей, и у тех людей с промысла имать государева 10 пошлина, от 9 соболей десятым лутчим соболем. Да те соболи записывать в книги именно. Да те десятинные соболи присылать в Якутской острог к воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову да к дьяку к Осипу Степанову за своею печатью».

Всю зиму 1650—1651 гг. полчаны Хабарова занимались соболиным промыслом и сбором сведений о Даурской земле. Только по окончании охотничьего сезона в марте-апреле они собрались все вместе в Албазине. Работы было много. Рассортировывали добытые соболя меха, покрученники расплачивались с Хабаровым, а тот, в свою очередь, думал о выполнении кабальных обязательств перед воеводой-ростовщиком. Кроме того, Хабаров начал готовить подробный служебный отчет о зимовке в Албазине, в котором постарался изложить сведения, полученные им от местных жителей, о верхней, средней и нижней частях Амура, а также свои впечатления об этой реке.

От дауров и тунгусов он узнал, что, кроме Лавкая, Шилгина и Гильдиги, ниже по Амуру проживали своими родами князья Атуй, Банбулай, Янкорей, Лотодий, Толга, Омутей и другие, а выше Албазина, в районе реки Шилки — неясачный князь Гантимур-Улан, которому подчинялись «многие большие тунгусские роды», в том числе шарадувы, нелюды, дулакагири. Шурин Гантимура Тыгичей заверил Хабарова в том, что Гантимур готов принять российское подданство и что он «с русскими людьми драться не станет и ясак... с себя и с улусных людей (станет.— Г. Л.) платить»⁴¹.

Это сообщение соответствовало действительности. Сыгравший заметную роль в политических событиях Приамурья во второй

половине XVII в. Гантимур-Улан действительно вступил в российское подданство вскоре после того, как на Шилке появились русские отряды, пришедшие туда из Енисейска. В 1651 г. он впервые совершенно добровольно заплатил ясак — 73 соболя и 3 лисицы ясачному сборщику Якуну Сафонову⁴². В дальнейшем, как пишет В. А. Александров, «ни в каком упорстве и шатости замечен не был и пользовался доверием русской администрации настолько, что с него не требовали аманатов».

Уточнил Хабаров и сведения Пояркова о натках и гиляках, которые жили в низовьях Амура, «у моря и на море по губам и островам», об их занятиях и торговых связях. Натки и гиляки были независимы и ясака никому не платили. Торговать ездили к даурам и дючерам, а также на далекую реку Наун к Шамшакану, которому возили «добрую рыбу и птиц: кур, гусей, лебедей».

Из рассказов дауров и тунгусов Хабаров вновь и вновь убеждался в богатстве Даурии полезными ископаемыми: железом, оловом, свинцом, серебром и др. Местные жители уверяли, что добираться от Албазина к месту добычи свинца и серебра, которыми особенно интересовался Хабаров, было недолго: «сухим путем через гору конем ехать две недели», а другим путем «с Шилки-реки к той серебряной горе ехать конем семь дней».

Как покажет будущее, эти сведения оказались абсолютно правильными. В 70-х гг. XVII в. русские положили начало опытной добыче в Приамурье свинца, олова и серебра, на основе которых на рубеже XVII—XVIII вв. начали действовать знаменитые Нерчинские рудники. В 70-х же гг. XVII в. в Забайкалье в районе Теленбинского озера, там, где был поставлен Теленбинский острог, русские рудоплавщики организовали железный промысел и выплавку «самого доброго уклада». В 80-х гг. в районе рек Зеи и Селемджи также началась разработка железной руды.

Во время зимовки в Албазине Хабаров опроверг данные, ранее полученные им и его предшественником Поярковым о хане Богдое (Барбое). Оказалось, что Богдоя как реального исторического лица нет, а есть «земля Богдойская». В этой земле, согласно одним сведениям, правил Алан Батур Хан, согласно другим — Шамшакан, который «воюет Никанскую землю» — Китай. Долгое время русские считали, что это два человека, один из которых подчинялся другому. Советские историки полагают, что «Шамшакан» — скорее всего маньчжурский император Шуньчжи, который боролся за упрочение своего владычества в Китае, а «Алан Батур Хан» — искажение одного из его титулов, означающего «правящий, храбрый и благородный государь».

По слухам, Шамшакан жил в очень богатой стране. Одной из ее достопримечательностей были богатые серебряные рудники. Хабарову рассказывали, что их «днем и ночью, беспрестанно, по переменам» охраняла хорошо вооруженная стража. По законам той страны руду разрешалось добывать каждому при условии уплаты Шамшакану части добычи. Самовольная, беспощадная, выплавка серебра беспощадно преследовалась.

Кроме серебра в стране Шамшакана добывали золото, драгоценные камни, цветные краски и жемчуг. Местные умельцы владели секретом нанесения красками богатых узоров и «разновитых цветов» на шелке, атласе, бархате, камке, кумаче и других тканях. Искусным мастерам было по плечу изготовление редких по красоте ювелирных изделий и всяких «узорочий».

Но Шамшакан славился не только как обладатель «узорочий» и искусных мастеров. На Амуре о нем говорили и как о завоевателе. По словам даурских князьцов, он был им «страшен и грозен», потому что присылал на Амур своих воинов с «огненным и лучным боем», с саблями и копьями. Войска появлялись всегда с Нона-реки, расположенной в далекой «Богдойской земле». Там у Шамшакана был город с каменными стенами, башнями и домами. Город охранялся сильным гарнизоном, вооруженным пушками и ружьями. Так Хабаров первым из русских получил более точные сведения о Маньчжурии, называемой местным населением «Богдойской землей», и городе Нингуте, построенном маньчжурами на одном из притоков Сунгари — реке Науе.

Пройдя Сибирь с запада на восток, Хабаров первым из русских людей понял, что река Амур — это естественный рубеж России на ее крайнем юго-востоке, что этот рубеж нужно было сохранить для России и оберегать, «не щадя живота своего». Непосредственно познакомившись с обстановкой в Приамурье, Ерофей Павлович увидел, что к его освоению нужно подключить силы куда более значительные, чем те, которыми располагало Якутское воеводство. Эти мысли он высказал в своей отписке от 25 марта 1651 г., в которой прямо просил воеводу Францбекова обратиться за помощью в Москву. По мнению Хабарова, для прочного закрепления в Приамурье, строительства там сети острогов и острожков, обороны амурского рубежа требовалось не менее 6 тыс. служилых людей.

Как «старый опытовщик» и хлебопашец, Хабаров был глубоко уверен в том, что приамурские «степные, пахотные, добрые, хлебородные земли, черностью. . . в человеческий пояс», будут давать высокие урожаи и обеспечат не только Приамурье, но и всю Якутию хлебом.

Он просил воеводу прислать на Амур крестьян, для начала даже из числа ссыльных людей. Их первую партию Хабаров намеревался поселить на пашне за свой счет в районе Тугирского волока и Лавкаева городка. Эти крестьяне должны были обеспечить продовольствием район, через который, как полагал Хабаров, в самом ближайшем будущем на Амур устремится волна добровольных переселенцев.

Уверенный в большом будущем Приамурья не только для Сибири, но и для всей России, он закончил отписку словами: «И государьским счастьем тою Даурскою землею обовладать будет мочно и под государьскую высокую руку привести. И та новая Даурская земля будет государю второе Сибирское царство и впредь будет та Даурская земля прочна и постоянна»⁴³.

25 марта 1651 г. Хабаров отправил из Албазина ясак и отписку с приложением расспросных речей дауров. С оказией шли Дружина Попов, Артемий Петриловский и Третьяк Чечигин. Состав посыльных был не случаен. Чечигин, как служилый человек, выполнял официальную миссию — доставлял отписку и ясак, Артемий Петриловский, племянник Хабарова и его поверенный в делах, вез воеводе-ростовщику соболей. Дружина Попов — тоже должник Францбекова — ехал с ним расплачиваться и просить о поверстке в службу. Посланные благополучно добрались до Якутска, и воевода стал собирать очередную посылку в Москву.

Соболиную казну вместе с отпиской Францбекова и образцами хлеба «даурской пахоты» повез в Москву Дружина Васильев сын Попов. Он был первым из очевидцев событий на Амуре, попавшим в столицу. В Сибирском приказе Дружину расспрашивал дьяк Григорий Протопопов. Ему же подал Дружина «перечневую роспись» своим службам и челобитную о поверстании в служилые казаки. Просьба была удовлетворена.

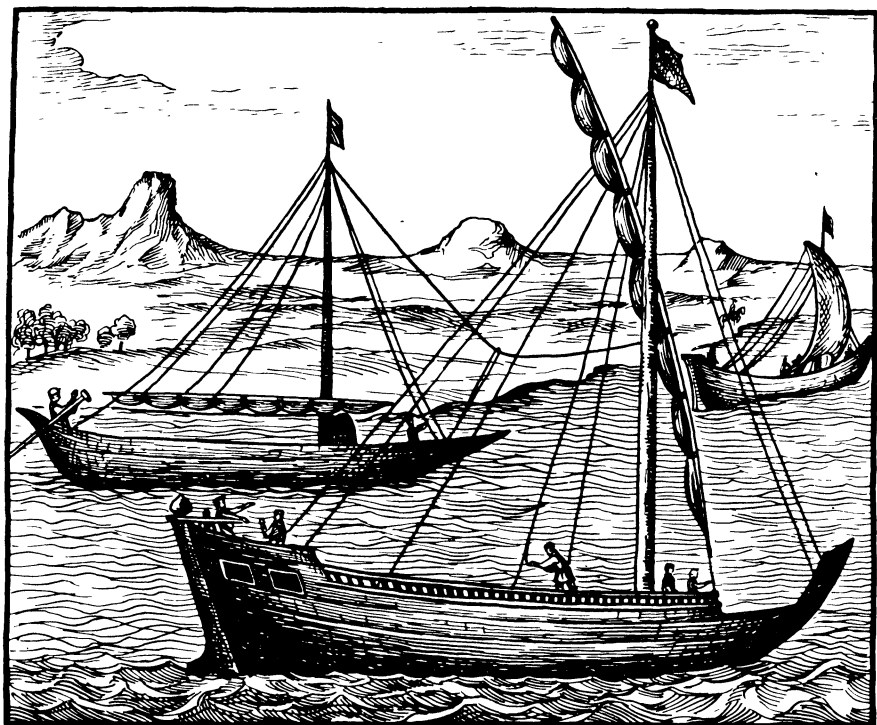
После отправки соболиной казны в Москву в Якутске спешно начали комплектовать в помощь Хабарову новый отряд. Так как деятельность Хабарова на Амуре приобрела важное политическое значение, Францбеков стал действовать смелее. Он включил в состав пополнения 30 служилых казаков и дополнительно еще 107 промысленных охочих людей.

Приказными новой партии были назначены десятник казаков Чечигин и племянник Хабарова промышленный человек Петриловский. С ними в Даурию шли личный поверенный Францбекова в его финансовых делах Ананий Урусланов, а для ведения войскового делопроизводства подьячий Богдан Габышев. Так как из отписки Хабарова в Якутске стало известно, что «Богдоя» как реального лица не было, а была «земля Богдойская», в которой правил Шамшакан, Францбеков вручил Чечигину для передачи царю Шамшакану грамоту с предложением принять российское подданство. С отрядом была послана казна — 90 пудов пороха, 30 пудов свинца и небольшой продовольственный запас.

ПРОДОЛЖЕНИЕ АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Между тем Хабаров, не дожидаясь подкрепления, сделал большие и малые суда и починив старые ленские струги, 2 июня 1651 г. оставил Албазин и двинулся вниз по Амуру призывать его население в подданство России и собирать ясак.

В многочисленных наказах сибирским воеводам и наказных памятях служилым людям на протяжении всего XVII в. постоянно подчеркивалась необходимость мирным путем приводить местное население в российское подданство, ясак брать с них «как мочно, чтоб им было не в тягость, и тем бы их наперво не ожесточить и от государевы царские высокие руки не отринуть, а в государеве казне в ясачном сборе учинить прибыль».

Русские парусные суда в Сибири. С гравюры XVII в.

Однако местная племенная знать не желала отдавать в пользу царя даже часть своих доходов. Многие племена оказали сопротивление пришельцам.

На следующий день по выходе из Албазина Хабаров подошел к городку даурского князья Досаула. Но Досаул еще до прихода русских сжег свой городок. «Дым пустил, — говорили полчане, — лише всего осталось две юртишка».

От одной из даурских женщин, встреченных по пути, выяснилось, что дауры из рода князья Досаула по его приказу теперь живут улусами.

Тогда, повернув обратно и пройдя мимо Албазина, Хабаров через два-три дня «о закате солнца» подошел к городку, принадлежавшему даурским князьям Гойгудару, Олгемзе, Лотодию. Увидев приближающиеся струги, князцы вместе с конными улусными людьми попытались помешать высадке казаков на берег («не стали их к берегу припускать»), осыпав градом стрел.

Однако после нескольких выстрелов казаков дауры «с берега отъехали» в городки. Казаки же «наскоре из стругов своих пометались на берег» и устремились следом за ними.

Их глазам открылось довольно сложное укрепление. Гайгударов городок состоял из трех частей, или из трех городков, каж-

дый из которых мог самостоятельно держать оборону. Все городки были отстроены заново. Нижняя часть их стен была основательно обсыпана землею, а верхняя — обмазана глиной. Высокие подлазы, через которые могли проезжать конные воины, заменяли ворота. Городки окружались двойным кольцом рвов глубиной в печатную сажень (216 см). Под стенами к рвам также шли подлазы. Внутри укреплений были вырыты глубокие ямы, где прятались женщины, дети и скот. Общая территория, занимаемая городками, составляла не менее полудесятины.

По сведениям, полученным от населения, сюда из разных даурских улусов собрались многочисленные защитники. Сами же улусы по приказанию даурских князьцов были сожжены. В городе были и «богдойские люди», но перед началом штурма они «отъехали в поле далече» и, не вмешиваясь в сражение, наблюдали за его ходом со стороны. «И в кои поры у нас драка была, и те богдоевы люди по полю все ездили и бою нашего з дауры смотрели, а к нам, казаком, не стреляли», — сообщал в отписке Хабаров.

Как выяснилось позже, «богдоевы люди» приезжали к даурским князьцам для торговли. Гайгудар было попытался взять их «в город к себе на пособь», т. е. в помощь, но те наотрез ему отказали. На переговоры с Гайгударом и его братьями Ерофей Павлович послал служилого человека толмача Константина Иванова, через которого передал предложение не устраивать кровопролития, сложить оружие, принять подданство царю и «без драки давать ясак по своей мочи». Взамен верности и постоянства русские обещали даурам защиту «от иных орд, кто им будет силен»⁴⁵.

Однако князьцы воспротивились мирному предложению Хабарова, и он был вынужден отдать приказ о начале осады городка. В отписке к воеводе Францбекову Хабаров эти события обрисовал так: «Казаки крепь учинили большую. . . пушкам и стали бить по башням. И из мелкого оружия, из мушкетов, из пищалей били по городу». В ответ на казаков обрушился град стрел, которые летели в их сторону «беспрестанно», и, по образному выражению Хабарова, «настреляли дауры из города в поле стрел, как нива стоит насеяна».

После того как пушечными ядрами, наконец, удалось пробить стену одной из башен, служилые люди «в кукях и за щитами, боронясь от стрел», овладели первым нижним городком. Штурм второго городка продолжался до полудня следующего дня и также кончился победой русских. Труднее всего пришлось со взятием третьего городка, где, по словам Хабарова, собрались самые «свирепые» дауры и где «драка была съемная и копейная», т. е. рукопашная схватка.

Сражение окончилось победой Хабарова. В его руки попала большая добыча, среди которой были скот и кони. Упрямство даурских князьцов дорого обошлось их рядовым соплеменникам. Среди них были убитые и раненые. Имелись потери и у русских.

По одним сведениям, получили ранения 70, по другим — 45 человек.

На следующий день наблюдатели сражения — «богдоевы люди» — прислали в Гайгударов городок к Хабарову своего посланца «человека богдойского». Пришелец был одет в камчатое платье и соболий малахай. Говорил он по-маньчжурски. Беседа была долгой, поскольку маньчжурского языка никто из русских не знал. Но в конце концов с помощью женщин-даурок и жестов Хабаров понял основной смысл беседы. Посланец уверял, что у его правителя имеются дружеские намерения в отношении русских и что он хочет с ними договориться: «царь Шамшакан нам с вами драться не велел, наш царь Шамшакан велел нам с вами, с казаками, свидеться честно». Поскольку большая часть разговора осталась «не растолмаченной» (не переведенной), Хабаров и его товарищи усмотрели в словах посланника желание какого-то Шамшакана не только жить с русскими в мире, но, может быть, и принять подданство России. С честью выполнив дипломатическую миссию, Хабаров, в свою очередь, заверил «богдойца» в миролюбивых намерениях царя, щедро наделил его государевыми подарками и отпустил «честно в свою Богдойскую землю».

В Гайгударовом городке Хабаров прожил 6—7 недель. Отсюда он посылал к даурским князьям Досаулу, Банбулаю, Шилгинею, Албазе дауров, взятых в плен, и через них вновь и вновь передавал их соплеменникам предложение принять российское подданство.

25 августа, поставив на суда коней, Хабаров поплыл вниз по Амуру к городку Банбулая. Городок был пустым. Дауры переселились в улусы. Вокруг городка стоял несжатый хлеб и осыпался. Запасы хлеба, взятого в Албазине, подошли к концу, и промышленники, желающие жать хлеб, стали покупать у Хабарова косы и серпы, приобретенные им, в свою очередь, в Якутске из казны. Воспользовавшись спросом на орудия труда, Хабаров продавал им серп по одному рублю, а косу по два рубля, т. е. очень дорого.

Целую неделю потратил Хабаров, чтобы найти улусных людей Банбулая и взять с них ясак. Разъезжая по округе, полчаны выяснили наличие больших улусов в районе реки Зеи, которая впадала в Амур с левой стороны. Дауры рассказывали им, что против устья Зеи стоял улус князьца Кокурея, а ниже его располагался город, который ставился усилиями даурских людей и в котором жили князья Туронча, Толга и Омутей. Он был последней крепостью, «которая крепила всю Даурскую землю».

Посоветовавшись с полчанами, Хабаров решил оставить Банбулаев городок и через двое суток плавания добрался до устья Зеи. Так был достигнут пункт, от которого начал свое путешествие по Амуру Василий Поярков. В Кокуреевом улусе казаки насчитали 24 юрты, но людей не встретили. Не останавливаясь здесь, они погребли вверх по Зее и, пройдя мимо трех

улусов, вскоре завидели большой город. Он был хорошо укреплен: обнесен двойным рядом стен, окружен тремя рвами в 3 сажени глубины и 4 сажени ширины каждый. Издали это сооружение казалось неприступным.

Хабаров отправил в легких стругах небольшой отряд. Бешумно пристав к берегу, он незаметно подошел к городку. Людей в городке было мало, сопротивления никто не оказал, и разведчики без труда им овладели. Хозяева городка — даурские князья Толга, Туронча, Омутей — в это время были на пиру в улусе, расположенном буквально в двух шагах, на расстоянии «перестрела». Только через какое-то время дауры увидели казаков, поднявшихся на городские стены и башни. Среди дауров началась паника. Один из князьцов — Омутей вскочил на коня и вместе со своими родичами пустился наутек в сторону ближайшего леса. Остальные также стали разбегаться. Увидя это, хабаровцы, которые были пешими, пренебрегая опасностью быть перебитыми численно превосходящими силами, бросились из городка к улусу, чтобы как-то задержать дауров. Они окружили Толгу и Турончу «с братьями, женами и детьми» и отрезали им путь к бегству.

В это время, наскоро подгребя к берегу, подоспели большие суда с основными силами. Казаки спешно сели на коней, которых «с судов похватали», и постарались вернуть дауров. Кроме Толги и Турончи, сопротивления в улусе не оказал никто. Оба князьца заперлись в юрте и отказывались сдаться, стреляя из луков в каждого, кто делал попытку к ним приблизиться.

Тогда Хабаров через переводчика обратился к ним с предложением прекратить сопротивление во избежание ненужного кровопролития, принять подданство России и платить ясак. Князьцы посоветовались между собой и со словами «за ясаком де нам что стоять, лише де бы было постоянно, мы де ясак дадим» вышли из юрты и сдались на милость победителей. Они тут же послали своего человека к Омутею с приказанием вернуться. Тот вскоре приехал и привел с собой 300 конных и пеших воинов.

Всех пленников разоружили и ввели в город. Здесь состоялась церемония присяги российскому царю — сначала князьцы Туронча, Толга, Омутей, за ними — «лучшие люди улуса» Балуня, Янай, Евлогой, а затем «все их люди, весь род шертовали (присягали — *Г. Л.*) по их обычаю». В обеспечение регулярной уплаты ясака Туронча, Толга, Омутей и «трое лучших улусных мужиков» сели в аманаты. В этот же день из улусов поступил ясак — 60 соболей.

По законам того времени, дауры должны были выкупить пленных. Особенно высокая цена полагалась за жен и дочерей князьцов: «по сороку рублей и по штидесяти, а за иную... по сту рублей». Конечно, российских денег у князьцов не было. Взамен денег давались товары. Но выкуп пленных мог обострить вроде бы налаживающиеся отношения. Ерофей Павлович и его товарищи, посоветовавшись между собой, решили «порадеть государю». Для пользы дела, установления более доверительных и

дружелюбных отношений, «постоянства и утверждения земли» они пренебрегли своей выгодой и «своими зипунами», освободили всех пленных без выкупа и велели им жить на их прежних кочевьях без боязни. Согласились казаки с просьбой дауров отложить уплату полного ясака до осени, т. е. до начала охотничьего сезона.

Казаки мечтали закончить, наконец, свои странствия, обосноваться постоянно. Некоторые стали подумывать о заведении пашни, радовались своевременному приобретению у Хабарова сельскохозяйственных орудий. Иные мечтали о домашнем очаге, женитьбе на молодых даурках, обзаведении семьями.

Учитывая, что Толгин городок был хорошо защищен, здесь имелся хлеб, а население согласилось платить ясак и приняло присягу, Хабаров решил избрать его местом зимовки. Он приказал полчанам нарубить четыре башни и поставить на них пушки, а внутри города отстроить аманатский двор. Местное население свободно проходило в город, общалось с казаками, имело возможность часто видеть аманатов. Русские также бывали в юртах, занимаясь обменом товаров на меха. Установились доброжелательные взаимоотношения. Жизнь входила в свою колею. «Они (дауры. — Г. Л.) жили в тех своих улусах у города с нами за один человек, и корм нам привозили, и они к нам в город приходили беспрестанно и мы к ним тоже ходили», — писал в отписке Хабаров.

Но случилось неожиданное. 3 сентября 1651 г. один из казаков — Константин Иванов во время посещения юрт почувствовал странные приготовления и необычное возбуждение среди дауров. Неожиданно на него напали несколько человек и попытались связать. Чудом вырвавшись из их рук, Иванов с криком побежал к городу. В тот же момент весь улус пришел в движение. Дауры, выбежав из юрт, «на кони свои посели все» и вместе с женщинами и детьми оставили улус. При расспросе аманаты отрицали какую-нибудь причастность к измене, оправдываясь тем, что они «сидели в городе», а у улусных людей была «своя дума». Дерзко держался лишь Толга: «отсеките нам головы, раз уж мы вам на смерть попались». Однако Хабаров не собирался казнить аманатов. Он все надеялся, что дауры одумаются и вернуться.

Через 4 дня после бегства улуса Ерофей Павлович принял твердое решение не оставаться на зимовку в районе, где можно было ждать любой неожиданности.

Нужно было искать для зимовки новое место, а времени до конца навигации оставалось совсем немного. Хабаров торопился и 7 сентября 1651 г. отдал приказ о движении отряда вниз по Амуру. Через 4 дня он пришел к месту, где Амур пробивается между двумя хребтами. От устья Буреи началась земля, населенная «гогулями» (гогулами). «Горы невеликие тянулись два дня да ночь». Население было довольно густым. Небольшие юрты гогулов то и дело попадались на берегу. Гогулы сообщили Хабарову о том, что с устья Сунгари начнется земля дючеров.

Дючеры жили крупными улусами — по 60—80 юрт в каждом. Место у дючеров «пахотное и скотное», писал Хабаровов. Правда, земледелие у них было развито слабее, чем у дауров, зато скотоводство и рыбная ловля занимали ведущее место в хозяйстве. «Дючерами» Хабаровов плыл 7 дней, почти нигде не приставая к берегу. Левобережье реки здесь было низменным, кое-где заболоченным и неподходящим для поселения. А на правый, горный берег Хабаровов высадиться не решился.

После дючеров начались земли ачан. С этого места и до моря пошли места непашенные, скота также не было видно. Но то тут то там сновали лодки с рыбаками. «А живут все рыбою», — заметили между собой землепроходцы. 29 сентября хабаровцы наконец увидели на левом берегу Амура «на камени» (утесе) «улус велик гораздо».

ЗИМОВКА В АЧАНСКОМ ОСТРОГЕ

Это место сразу было признано всеми подходящим для зимовки. Под утесом проходила протока, в которую, как в бухту, завели дощаники. До заморозков оставалось совсем немного. Казаки дружно взялись за работу и в несколько дней построили Ачанский город: стены, две сторожевые, одну проезжую башни. Внутри поставили несколько изб для жилья. Вокруг выкопали глубокий ров, за которым насыпали земляной вал. Так как городок был небольшим и все участники похода не могли в нем разместиться, под его стенами было поставлено еще несколько изб.

Место Ачанского городка Хабарова было установлено лишь в 1946 г. экспедицией Хабаровского педагогического института под руководством кандидата исторических наук Н. И. Рябова. Городок находился на мысе Джары, в 3 км от села Троицкого, на территории нынешнего Нанайского района⁴⁶.

Нужно было подумать о запасе продовольствия на зиму. 5 октября хабаровцы «оснастили два судна, парусы вверх поставили» и отправили 100 человек ближе к устью Амура «для прокорму по рыбу». Там казаки часть рыбы выловили «крюками железными», т. е. баграми, а часть выменяли на русские товары у местного населения.

«Ачанская земляца» была заселена густо. Улусы были многлюдными. Ачанцы подсмотрели, что с Хабаровым осталась только половина отряда. 8 октября на утренней заре к Ачанскому городку со стороны Амура подошли большие раскрашенные струги, каждый из которых вмещал по 50—60 человек. Выйдя из засады («из прикрыта напустили»), флотилия незаметно причалила к берегу. Ачанский лазутчик бесшумно снял часового Никифора Ермолаева, дежурившего в ту ночь на сторожевой башне. По знаку ачане и дючеры беспрепятственно высадились на берег и подползли к городку. Неприятель был обнаружен только тогда, когда стал поджигать со всех сторон городские стены. Казаки

забили тревогу, спешно одели куяки и бросились защищать свой городок и тушить пожар. По команде Хабарова 70 человек сразу же предприняли отчаянную вылазку, а 36 обороняли городовые стены, стреляя из пушек и мелкого ружья. Неравный бой, со слов Ерофея Павловича, длился «часа с два боевых». Городок удалось отстоять. Казаки бросились преследовать нападающих. Последние, видя, что дело проиграно, спешно «побросались в струги» и ушли вверх по Амуру. Из расспроса пленных выяснилось, что к городку приступили 800 человек ачан и дючеров, объединивших свои силы⁴⁷.

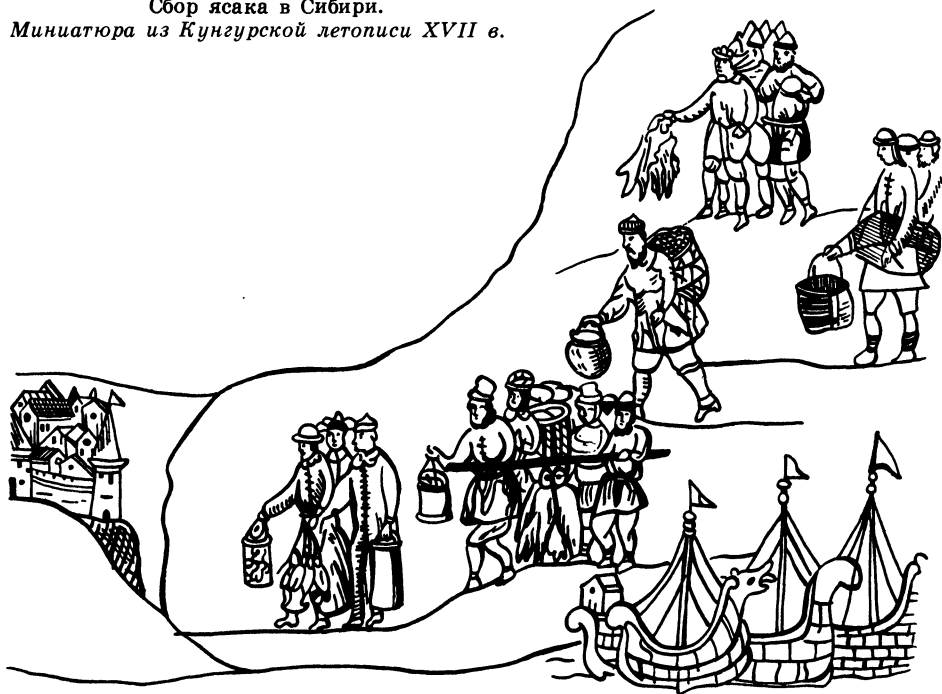
На следующий день подоспели казаки, ходившие за рыбой. Внезапное нападение послужило должным уроком. Ачанский городок «накрепко укрепили», а ночные караулы усилили, оставляя теперь дежурить по несколько человек.

Главным занятием полчан Хабарова во время зимовки в Ачанском городке были сбор ясака, охота на соболя и рыбный промысел. Хлеб кончился уже к зиме, и рыба заняла главное место в рационе хабаровцев. Всю зиму «свою голову той рыбой кормили», сообщал в отписке Хабаров.

28 ноября 1651 г. из Ачанского городка Хабаров посылал казаков в большой ачанский улус князьца Жакшура для «призыва ачан под высокую государеву руку» и сбора ясака. В улусе Жак-

Сбор ясака в Сибири.

Миниатюра из Кунгурской летописи XVII в.

шура были взяты аманаты, в том числе и его сын, и получен ясак — 2 сорока соболей. Поход занял 3 дня.

Несколько позже был предпринят более дальний поход в улус дочерского князца Нечиги. В отряде было 95 человек. По приказу Хабарова их возглавили Степан Поляков и Дунай Трофимов. Нечига дал в аманаты трех своих братьев и прислал ясак — 5 сороков соболей.

Хабаров контролировал всю окрестную территорию. Постепенно отношения с ачанами налаживались.

Зима оставалась позади, когда 24 марта 1652 г. Ачанскому городку вновь пришлось испытать нападение, на этот раз маньчжурских войск. Каковы же были причины, побудившие маньчжуров совершить тысячеверстный поход и вооруженное вторжение в Приамурье, где уже были русские? На этот вопрос дан исчерпывающий ответ в работах советских историков.

Главная причина цинской агрессии заключалась именно в том, что маньчжуры узнали об успешной деятельности русских на Амуре. До маньчжуров доходили сведения, что русские начали хозяйственное освоение Амура — промыслы соболей и рыбные, что они усиленно ведут разведку полезных ископаемых, а в будущем намерены начать их разработку, что русские поставили на Амуре свои первые острожки и хотели всерьез заняться земледельческим освоением Приамурья.

Тревожило их и то, что политика России в Приамурье привлекала местное население. Большинство князьцов соглашалось платить ясак. «За ясаком де дело не станет, было бы постоянство», — часто приходилось слышать Хабарову и его товарищам. Эвенкийские и даурские вожди Гантимур, Туйдухонь, Бойгонь приняли российское подданство, подавая этим самым пример другим племенам и народам, населявшим не только левобережный, но и правобережный Амур. Маньчжуры понимали, что принятие в российское подданство народов Приамурья навсегда положит конец их набегам в этом регионе, грабежу, безнаказанному захвату и угону пленных.

Маньчжуры начали захват Внутреннего Китая в 1644 г. Эта акция могла и провалиться. В таком случае единственным тылом для династии Цин стала бы территория собственно Маньчжурии, где можно было бы укрепиться, отсидеться и собраться с новыми силами для продолжения захватнических войн. Но территория Маньчжурии в условиях войны с китайским народом, с точки зрения цинов, была уже мала. Тыл нужно было расширить за счет более отдаленных от Китая территорий. И такой территорией было Приамурье.

Маньчжурское войско вышло из Нингуты. Отныне этот город, как отмечает Г. В. Мелихов, стал играть для маньчжуров роль «ключевого пункта на переднем крае борьбы против русской колонизации Амура». В войске было более 2 тыс. человек. Почти половину из них составляли «сведенцы» — даурские и тунгусские люди, еще ранее насильственно угнанные в Маньчжурию.

Так как на каждого из двух всадников приходилось по 3 лошади, путь от Нингуты до Ачанского острога войско преодолело, почти нигде не останавливаясь, за 3 месяца. Общее командование осуществлял фудутун (военный наместник) Хайсэ. Его помощником был Сифу, которого русские источники называют Иси-неем.

Вооружение войска состояло из холодного и огнестрельного оружия: сабель, пик, куяков, 6 пушек, 30 пищалей, 12 петард. Последние представляли собой глиняные сосуды, набитые порохом. В каждую из петард было положено по пуду пороха. Их подкладывали под городские стены и башни и взрывали.

Замысел маньчжуров состоял в том, чтобы внезапным ударом отрезать казаков, которые находились в избах вне городских стен, уничтожить их, а затем расправиться или взять в плен защитников города. 24 марта на утренней заре маньчжурам удалось бесшумно приблизиться к Ачанскому острожку и окружить его. Первым увидел врагов казачий есаул Андрей Иванов, который поднял тревогу, закричав: «Братцы казаки! Ставайте наскоре и оболакайтесь в куяки крепкие!» В этот момент, по словам Хабарова, «сверх Амура-реки славные ударила сила и ис прикрыта на город на Ачанской, на нас, казаков, сила богдойская, все люди конные и куячные!» Особенно тяжело пришлось тем полчанам, которые находились в избах за пределами городка. Чтобы не очутиться в руках неприятеля, им нужно было в считанные секунды попасть в город под прикрытие его стен. Ворота для них открывать уже было поздно. Оставался один путь: перебираться туда через стену. «И метались казаки в город, в единых рубашках, на стену городовую», — писал об этом трагическом моменте Хабаров. Одновременно маньчжуры открыли огонь по городку из пушек и из пищалей. Однако когда первые секунды замешательства прошли, казаки открыли ответный огонь из пушек и из ружей и не дали врагу подойти близко. Окрестности огласились страшной канонадой: «И мы, казаки, чаяли, ис пушек, из оружия бьют казаки из города, ажно бьет из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское». Бой продолжался «с зари до схода солнца».

К концу дня перевес стал клониться в сторону маньчжуров. Им наконец удалось подойти близко к стенам, занять пустые казачьи дома, с их крыш начать прицельный обстрел и тем самым на мгновение сковать действия защитников внутри городка. Этих секунд было достаточно. Маньчжуры прорвались через линию огня к одному из участков стены. Здесь они повесили на стену свои знамена («знаменами стену городовую укрывали») как призыв к штурму. Однако стену взять не удалось: казаки крепко держали круговую оборону. Тогда маньчжуры «вырубили три звена стены сверху до земли». Исиной отдал приказ «всему войску богдойскому», который в пересказе Хабарова звучал примерно так: «Не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем!» Его слова были переведены. Исиной предлагал казакам сдаться

с оружием в руках. Но не такими были казаки. Многие из них, предпочитая позорному плену смерть, стали между собой прощаться. Используя минутную передышку, наступившую в штурме, ободряя своих товарищей, Ерофей Павлович обратился к ним: «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за Дом Спаса и пречистыя и Николы Чудотворца, и порадеем мы, казаки, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа России и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, мы, казаки, не дадимся!»

С новыми силами бросились казаки на защиту своего городка. И в тот момент, когда в проломе уже появились первые «люди богдоевы», они вкатили в «городовое проломное место пушку большую медную» и начали стрелять по врагу в упор. Одновременно с башен заговорили железные пушки, а казаки, перезарядившие ружья, вновь ударили из них с городских стен. Штурм был отбит, и враги «от того... пушечного бою и от пролomu отшатились прочь». Чтобы закрепить успех, Хабаров приказал 50 казакам остаться в городе и продолжать стрельбу, а сам со 156 храбрецами, служилыми и охочими казаками, предпринял отчаянную вылазку, бросившись преследовать неприятеля. Маневр удался. В сумерках маньчжуры были введены в заблуждение относительно численности русских, которая показалась им «несчетной». Вооруженные только саблями и кукьями, казаки в рукопашной схватке отбили у врага две железные пушки, стрелявшие по городу, а «лучших витинов (воинов. — Г. Л.) побили и огненное оружие... у них взяли». Увидя победу над лучшими воинами, все остальные богдоевы люди, по словам очевидцев, «прочь от города и от... бою побежались врознь».

Продолжая преследовать неприятеля уже в темноте, хабаровцы захватили несколько пленных (языков), отбили 830 лошадей и обоз с хлебом, 17 пищалей, 2 пушки и 8 знамен. В бою под Ачанским городком маньчжуры потеряли 676 человек. Потери русских составили 10 человек, из них 2 служилых и 8 вольных охочих казаков. 76 казаков и сам Хабаров «на той драке» были ранены, но «от ран оздоровели».

Получив трофейное маньчжурское оружие, Хабаров с товарищами впервые имели возможность ознакомиться с его устройством. Маньчжурские пищали имели по три и даже по четыре ствола и были «скорострельными». В отличие от русских у маньчжурских пищалей не было замков. Что же касается пушек, то они были похожи на русские и поэтому не вызвали особого интереса ни у Хабарова, ни у его товарищей. Но ни одной петарды казакам тогда так и не удалось увидеть. Об их устройстве они услышали только от пленных.

Следует учесть, что, рано обнаружив неприятеля и отдав приказ о его обстреле из пушек и пищалей, Хабаров спутал все планы Исиней и его помощников. Под прицельным огнем маньчжуры не рискнули подвезти к стенам петарды из опасения самим

пострадать от них. Поэтому они не смогли применить излюбленную тактику взятия крепостей: подорвать стену сразу в нескольких местах, ворваться через проломы и, используя численное превосходство, в рукопашном бою побить неприятеля. Тактике Иси-нея Хабаров вначале противопоставил активную оборону, а затем поражающий своей стремительностью и дерзостью наступательный маневр. Кроме того, половина маньчжурского войска состояла из пленных дауров и тунгусов. Теперь этих людей насильно включили в войско и погнали на войну, участвовать в которой они не хотели. Эти тактические и моральные факторы позволили Хабарову одержать победу над более чем десятикратно превосходящими силами маньчжурского войска, вооруженного по последнему слову китайской военной техники. О происшедшем сражении Хабаров сразу же сообщил в Якутск воеводе Францбекову, а тот, в свою очередь, отправил подробный отчет в Москву⁴⁸.

Узнал о поражении маньчжурского войска и цинский двор в Пекине. О нем написали в официальной правительственной хронике маньчжуро-цинских государей — «Шэнцзу шилу»: «Нингутский чжангинь Хайсэ послал командира нюру (роты. — Г. Л.) Сифу и других с войсками походом на Хэйлундзян (Амур. — Г. Л.). Произошло сражение, но (мы) потерпели поражение. Хайсэ был наказан, а Сифу отстранен от должности и получил 100 ударов плетью, но они все же были оставлены в Нингуте»⁴⁹.

После поражения под Ачанским острогом маньчжуры не показывались. Конец зимовки прошел спокойно.

СНОВА В ДАУРСКОЙ И ДЮЧЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Весной 1652 г. перед Ерофеем Павловичем встал вопрос, идти ли вниз по Амуру, где, по рассказам местных жителей, буквально в 10 днях судового хода от Ачанского городка жили «до моря и круг моря» гиляки, или же отправиться вверх по Амуру в Дючерскую землю, мимо которой он прошел осенью 1651 г. Хабаров выбрал второй путь.

Весна 1652 г. оказалась ранней. Казаки отремонтировали 6 больших дощаников и 22 апреля пошли вверх по Амуру, оставив Ачанский городок.

Хабаров тогда еще не знал, что к моменту его выхода из Ачанского городка к устью Сунгари подошло маньчжурское войско, насчитывавшее около 6 тыс. человек. Ратные «многие богдоевы люди» ждали Хабарова в засаде, надеясь заманить его отряд на берег и там уничтожить. Только счастливая случайность спасла Хабарова. Его дощаники шли по середине реки и «то место пробежали парусами». Неприятель даже не был замечен. Спустя некоторое время хабаровцам посчастливилось поймать лазутчика, который от устья Сунгари шел по пятам отряда с целью проследить его движение и заранее выведать место следующей зимов-

ки. Как выяснилось при допросе лазутчика, маньчжуры рассчитывали послать к городу, «где они (хабаровцы. — Г. Л.) станут зимовать, свои войска — тысяч десять и больше... с пушками большими и с мелким огненным оружием» и русских «давом задавить».

В июне, находясь в Дючерской земле, Хабаров, наконец, встретился с Чечигиным, с которым пришло подкрепление — 117 человек, а также порох и свинец. С этого времени Хабаров, как он выразился, стал служить с Чечигиным «общую службу за один человек».

Долго рассказывал Чечигин Хабарову о своих приключениях. Его отряд вышел из Якутска поздно — только в июле 1651 г.

Не найдя Хабарова в Албазине, Чечигин поспешил вниз по Амуру. У городка князца Банбулая его застала зима. В Банбулаевом городке Чечигин остановился на зимовку.

С прибытием Чечигина войско Хабарова выросло более чем до 300 человек. В Дючерской земле Хабаров задержался месяц. Здесь казаки собирали ясак. Дючерский князец Тоенча, его братья и улусные люди приехали к казакам и добровольно, или, как тогда говорили, «честно», приняли российское подданство. «По своей вере шертовав государю», они принесли 32 ясачных и 78 «поклонных» соболей. Через некоторое время от Тоенчи поступил «полный ясак со 100 человек» улусных людей⁵⁰.

Затем Хабаров пошел в Даурскую землю к городкам Турончи и Толги. Он вез с собой аманатов, взятых год тому назад: князца Турончу, его братьев Аная, Мокалея и сына князца Шилгиня — Богучея. Дети Турончи Омутей и Кокурей привезли ясак — 30 соболей и 10 быков. С других даурских родов также поступил ясак. Вся собранная Хабаровым ясачная казна к зиме 1652 г. составила 17 сороков соболей, 4 лисицы чернобурые, 2 лисицы красные, одеяло лисье из 7 пластин, 3 шубы соболями из 47 пластин соболях.

Собирая ясак, Хабаров говорил даурам: «Давайте государю нашему ясак полный с своего роду и живите без боязни на прежних своих кочевьях». Дауры и дючеры рады были бы такому постоянству, но сообщали о своем страхе перед маньчурами.

Теперь на Амуре уже не было уголка, до которого бы не донеслась зловещая весть о готовящемся маньчжурском набеге на Амур. С полной уверенностью можно говорить о том, что сами маньчжуры с помощью своих лазутчиков сознательно раздували эти слухи, стараясь всячески запугать и русское и нерусское население Амура предстоящей расправой. Слухи росли как снежный ком. В одних районах Приамурья говорили, что идет 6 тыс., в других — 10 тыс. и больше маньчжуров. На Зее упорно поговаривали о 40 тыс., а в верховьях Амура — о «многих» тысячах регулярного маньчжурского войска, вооруженного пушками, ружьями, саблями, кукьями. Даурия замерла в ожидании страшных событий.

Тем временем зима уже была не за горами. Хабарову нужно было подумать о выборе места для зимовки, продовольственном обеспечении отряда и обороне Приамурья.

Из улусов Толги и Турончи Хабаров дважды делал попытку отправить Третьяка Чечигина с грамотой к царю Шамшакану. Правда, после победы над маньчжурами под Ачанским городком и расправа пленных Хабаров стал догадываться, что имеет дело с сильным правителем. Он уже не верил в возможность принятия Шамшаканом российского подданства. Но мирное урегулирование пограничного конфликта он считал вполне возможным и естественным.

В помощь Чечигину Хабаров выделил из своего войска 10 служилых людей. Он снарядил их должным образом и просил местных жителей дать им проводников и обеспечить охрану до «богдойских рубежей». Однако дауры не решались взять на себя ответственность за безопасность посланников. Даурам была известна вероломность маньчжуров. Они прямо предупреждали Хабарова, что маньчжуры Третьяка Чечигина с товарищами назад не отпустят, а расправятся с ними, потому что Богдойская земля «топерь... задралася, и вы де многих богдоевых людей побили, да и нонече де... будет войско богдоево большое, тысяч 10 и больше». 4 недели пробыл Хабаров в улусе Турончи, а затем 1 августа он решил сделать новую остановку в улусе сына Турончи князя Кукурея.

РАСКОЛ В ОТРЯДЕ ХАБАРОВА

В районе улуса Кукурея Ерофей Павлович задумал остановиться на зимовку и рубить острог. Но с этим мнением согласилось только 220 человек. А сто с лишним остались безучастными к просьбе Хабарова. Это было неспроста. В войске Хабарова уже давно назревал конфликт. И здесь будет уместно рассказать об отношении Хабарова и его полчан.

Войско Хабарова состояло из двух категорий. Наиболее многочисленная его часть была представлена промышленниками. Они согласились пойти на государеву службу без жалования, в качестве добровольцев и поэтому именовали себя охочими служилыми людьми или охочими казаками. Одни из них поднимались на службу на свои средства (своеужинники), другие на средства Хабарова и других лиц (покрученники).

Меньшую по численности группу составляли жалованные служилые люди, официально числившиеся в службе. Они появились в войске в 1650 г., со времени второго прихода Хабарова на Амур. Сначала их было 33, а с приходом Чечигина — 65 человек. Снаряжение служилых казаков осуществлялось за счет казны. Их материальная зависимость от частных лиц, например от Хабарова, была меньшей. Хотя не исключено, что и они могли занимать средства и «должать великими долгами», поскольку

казенного жалованья всегда не хватало, тем более для подъема на дальние службы.

Состав войска (служилые и охочие казаки) определил его устройство и структуру. Наряду с официальными должностями десятников, пятидесятников и приказного в лице Хабарова, в нем были выборные должности казацкого самоуправления — есаулы. Очень авторитетным в войске был казачий есаул Андрей Иванов, отличавшийся справедливостью, большой личной храбростью и пользовавшийся доверием и уважением Хабарова.

Войсковой наряд — 3 пушки — обслуживался пушкарями. Старшим среди них считался Онуфрий Степанов прозвищем Кузнец, которого одновременно выбрали есаулом. Его ближайшим помощником был Тит Леонтьев сын Осташков. Пушкари были знатоками кузнечного и бронного дела. В полевых условиях они умели чинить пушки, старые мушкеты и пищали, переплавлять трофейные стрелы, ядра и якоря в ядра нужной величины для своих пушек. Это было очень важно, так как за время пребывания Хабарова на Амуре из Якутска почти не присылали пушечных ядер. Был в войске рудознавец и серебряных дел мастер Федор Иванов Серебряник. Он пришел с Хабаровым на Амур в 1650 г. и первым из русских людей взял на пробу амурские руды.

Функции переводчиков в войске выполняли несколько человек. Из них самым опытным считался казачий десятник из енисейского гарнизона Константин Иванов, который в свое время в качестве тунгусского и монгольского толмача бывал в Забайкалье с отрядом землепроходца Ивана Галкина. На Амуре Константин Иванов быстро обучился даурскому языку от крещеного в православие тунгуса Логина Ярофеева, который знал даурский и джучерский языки и был войсковым толмачом. Имелся в войске и гиляцкий переводчик. Им был один из гиляцких князьцов, привезенных в свое время Поярковым из Гиляцкой земли в Якутск. При крещении его назвали Кузьмой, сохранив за ним прозвище Гиляк.

Работу войсковых писарей на первых порах выполняли Иван Прокофьев Посохов и Иван Гаврилов Телятьев. Их помощниками были Захар Козьмин и Иван Иванов Южак. Летом 1651 г. Францбеков официально назначил войсковым подьячим Богдана Кузьмина Габышева, прибывшего к Хабарову вместе с отрядом Чечигина. Габышев должен был привести в порядок все войсковое делопроизводство, в том числе ясачные и таможенные книги, а затем вернуться с документацией в Якутск к Францбекову. Тогда же среди амурских казаков появилось еще несколько грамотных людей — Михаил Агафонов Свечник, Дмитрий Микитин, Алексей, Иван, Михаил Яковлевы, которые в случае необходимости могли привлекаться к ведению документации.

Круг обязанностей служилых и охочих казаков хабаровского войска был одинаков: присоединять новые земли, призывать в российское подданство не обложенное ясаком местное население.

ние, в подходящих местах строить остроги и зимовья, при необходимости делать и чинить речные суда, лодки, барки, выполнять функции гребцов, а в иных местах — и бурлаков, оборонять население, принявшее российское подданство, собирать с него ясак, охранять и доставлять ясачную казну и официальную переписку, присматривать удобные под пашню земли и начинать их освоение, разыскивать полезные ископаемые и т. д. Выполняя такие обязанности, любой из участников экспедиции Хабарова имел полное право сказать: «А таких, государь, служеб нет, которые бы мы не служили!»

Широкие права и обязанности имел и Ерофей Павлович. Он был первым приказным человеком Даурии. В его ведении находилась громадная территория, включающая водоразделы Олекмы и Амура, а также сам Амур, начиная от впадения в него реки Урки и кончая его устьем.

На вновь присоединенной земле Хабаров был вправе собирать ясак, осуществлять таможенный досмотр и сбор таможенной пошлины, а также следить за соблюдением общесибирского порядка, запрещавшего торговым и промышленным людям скупать пушнину у местных жителей до внесения ими в казну ясака. Хабаров мог конфисковывать незаконно приобретенную пушнину, а самих нарушителей высылать под стражей или «с крепкими поруками» в Якутск для дальнейшего дознания. Следил Хабаров за исправным внесением в казну десятой пошлины со всей добытой пушнины и за ведением соответствующей документации.

Как глава экспедиции Ерофей Павлович нес полную ответственность за жизнь и действия участников похода. Он распределял между ними служебные поручения: постройку острожков, зимовий, судов, сбор ясака. В небольших исковых делах и спорах он был их судьей. Хабаров должен был следить за порядком в войске, бороться с неблагоприятными поступками своих полчан, «от всякого дурна их унимать», а за непослушание и дерзость, которые в то время назывались «воровством и озорничеством», «чинить наказание и расправу, смотря по вине».

Вместе с тем, несмотря на большие права Хабарова, его войско, состоящее на 2/3 из добровольцев — вольных охочих амурских казаков, сохранило казацкое самоуправление. Войско контролировало действия Хабарова как представителя официальной власти в Даурии, и он не мог, не посоветовавшись с казачьим кругом, самостоятельно решать вопросы, касающиеся всех. Бывали случаи, когда войско вмешивалось в распоряжения Хабарова. Например, оно отвергло его предложение о поселении 20 покрученников на реке Урке и организации их силами пашни, сочтя нужным послать хлеб, предназначенный для этого поселения, к Тугирскому волоку, куда должен был подойти с подкреплением из Якутска Третьяк Чечигин. Все пленные и имущество, захваченные в ходе военных действий, считались собственностью войска, и оно их продавало всем без исключения, даже Хабарову⁵¹.

Постепенно отношения Хабарова с частью войска стали ухуд-

шаться. Ведь для некоторых Хабаров был не только начальником, но и хозяином. Ерофей Павлович многих из охочих казаков ссудил для подъема в Даурию деньгами, хлебом, снаряжением, одеждой, оружием, порохом, свинцом. Он активно вмешивался в их промысловую деятельность, постоянно забирал по кабалам 2/3 добытой ими пушнины в свою пользу. Отношения с покрученниками становились все напряженнее. Государственная служба занимала много времени, свободного времени для собственного промысла оставалось мало. Получалось так, что многие из покрученников не могли своевременно расплачиваться с Хабаровым, а он, в свою очередь, оставался должным Францбекову. Францбеков грозил правезом. Мало того, он отправил из Якутска с отрядом Чечигина «своего человека» Ананью Урусланова, который прямо в войске взыскивал и с Хабарова, и с других должников в пользу Францбекова мягкую рухлядь. Наконец, Францбеков отдал свою кабалу в 2100 руб. окольничему Прокофию Соковнину, которому был должен эту сумму. Иск он переписал на Никифора и Ерофея Хабаровых. Теперь оба брата должны были расплачиваться еще и с Соковниным. Последний не соглашался на отсрочку долга и через Сибирский приказ направил свой иск в Якутск, оттуда 30 июня 1652 г. на Амур был послан служилый человек Никита Прокофьев со строгим предписанием собрать за братьев Хабаровых, как за преступников, «крепкие поручные записи», с Ерофея начинать править долг, «как минется Даурская служба», а Никифора доставить в Якутск под охраной немедленно.

Связанный по рукам и ногам кабальными записями, Хабаров все чаще упрекал товарищей в неуплате ему долгов за то казенное имущество, которое он получил в счет ссуды: «Мне платить в казну государю. Вы что ли за меня ему платить будете?» Иногда, в минуты раздражения, он грозил некоторым из своих должников тем, что за всякий пуд ссужаемого им хлеба заставит их платить по 10 руб., т. е. сумму неслыханную по тем временам.

В отряде появились недовольные из числа покрученников, которые, возможно, не без основания стали обвинять Хабарова в том, что «он их избивал и мучил всякими налогами и кабальными правезами неместными»⁵². Стали роптать и жаловаться друг другу и те, кто пошел на Амур добровольно, снарядившись на собственные средства. Мало чем обязанные войску и лично Хабарову, они были недовольны тяготами службы, дисциплиной, которую он требовал, и, наконец, тем, что им приходилось слушать «с воды и с травы», без государева жалованья. Так в войске сложилась группа, которая решила отколоться от Хабарова и служить государю «особо».

События развивались следующим образом. 1 августа 1652 г., в то время, когда большая часть отряда была занята строительством острога в устье Зеи, около 100 казаков, подстрекаемых казачьим десятником и толмачом Константином Ивановым и охочими амурскими казаками Степаном Поляковым и Логином

Васильевым, неожиданно захватили 3 дощаника и отвалили в них от берега. На дощаниках в то время находилось до 30 человек, непричастных «к воровскому совету». Лишь немногим из них, наиболее решительным и сильным, удалось вырваться и не дать себя схватить и связать. Оставив в дощаниках все свое имущество — одежду, оружие, порох, свинец, пушнину, эти казаки, по словам очевидцев, бросились в воду и вплавь, «в одних рубахах», добрались до берега. В тот день вместе «со сворованными и сильно увезенными» отошло от Хабарова 136 человек. В устье Зеи осталось 212 человек.

Долго плыли в лодках вслед за дощаниками верные Ерофею Павловичу казаки, взывая к совести и долгу своих товарищей. Но на все уговоры остаться и продолжать вместе начатое дело, «не порушить крестное целование, слушати государева указу и наказных памятей» беглецы заявляли довольно язвительно: «Не слушаем де мы наказных памятей да и близко де к вам нейдём. Однажды (раз и навсегда. — Г. Л.) мы от вас отъехали и больше не хотим служить без жалования».

Правда, Константин Иванов с товарищами все-таки пошли на уступку, но только потому, что среди них не было ни одного пушкаря: одну из казенных пушек они сбросили с дощаника на берег, а другую — прямо в воду. Но с порохом, свинцом, куяками, продовольствием беглецы расстаться не пожелали, рассудив, что они им еще пригодятся. «И всего войскового живота захватили и увезли те воры, — писал Хабаров, — на две тысячи рублей. Да знамя увезли войсковое, а цена тому знамени — пятьдесят рублей». Глядя на то, как уходили вниз по Амуру три суденышка, многие полчане не могли сдержать слез. Они вытащили из воды пушку, ядра и перенесли их «честно» к себе в дощаники.

Вероятно, беглецы улучили момент, когда в устье Зеи Хабаров не было. В противном случае, используя численное превосходство своих сторонников и имея в своем распоряжении еще 5—6 дощаников, он мог бы пресечь разногласия на месте.

Думать о дальнейшем продолжении строительства острога только с оставшейся частью людей не имело смысла. И последующее пребывание в улусе Кокурея Хабаров использовал для иных дел. Отсюда он отправил свою последнюю и самую большую отписку с Амура. Она содержала подробный отчет о действиях хабаровского войска с момента взятия Гайгударова городка и до раскола в отряде. Отписку доставляли Олекминским путем 4 человека: Богдан Габышев, Сергей Андреев, Ефим Самсонов, Иван Телятев. Посылные шли от устья Зеи до Якутска около 45 суток. В Якутске они застали нового воеводу Ивана Павловича Акинфова, заменившего Францбекова на воеводской должности.

Хабарову об этом изменении ничего известно не было. И, находясь еще некоторое время в устье Зеи, он безрезультатно ждал вестей от Францбекова. Правда, сам Хабаров времени даром не терял. Он использовал тактический ход, применяемый нередко в военном деле: с помощью верных ему людей распустил среди

местного населения слух о скором приходе на Амур 6-тысячного русского войска. Ерофей Павлович покривил истиной лишь частично. В своих последних отписках он действительно убеждал Францбекова обратиться в Москву с просьбой о подкреплении и даже называл при этом цифру — 6 тыс. воинов. Столица уже стала предпринимать кое-какие практические шаги для отправки на Амур большого войска. Но пока еще его на Амуре не было. Тем не менее, испугавшись подхода подкрепления и объединения усилий русского и местного населения, маньчжуры спешно отвели свое войско из устья Сунгари вглубь Маньчжурии, так и не рискнув ни летом, ни осенью 1652 г. совершить набег на Приамурье.

Военная хитрость Хабарова нежданно-негаданно помогла отряду Иванова пройти мимо устья Сунгари в низовья Амура совершенно свободно. Здесь, в Гиляцкой земле, беглецы поставили небольшой острожек с башнями, намереваясь жить в нем зиму, собирать ясак с гиляцкого населения и заниматься пушным и рыбным промыслами.

Между тем Хабаров не мог допустить разделения отряда. Получив точные сведения об уходе маньчжурского войска, он 9 августа оставил устье Зеи, спустился вниз по Амуру и 30 августа подошел к острожку Константина Иванова. Последний вместе со своими соратниками принял меры предосторожности, наглухо закрыв ворота городка. Хабаров приказал объявить им, что не собирается уходить с этого места. С верными себе полчанами он поставил вблизи городка зимовье из нескольких изб, устроил на расстоянии пушечного выстрела раскаты, вкатил на них пушки и приказал дать несколько выстрелов по городку. Однако казаки умели строить городки! Хабаров сам их учил этому! Бомбардировка даже не повредила стен. Чтобы попусту не тратить ядра и пули, а окрестности не оглашать канонадой, Ерофей Павлович приказал идти на приступ. Приказ был отдан громко, в расчете, чтобы сторонники Иванова его услышали. Последние знали, что в подобных ситуациях Хабаров шутить не любил. И когда они увидели, что атакующие с решительным видом стали приближаться к стенам в куяках и со щитами, они приняли единственно разумное решение — сдаться на милость победителей и продолжать вместе начатое дело.

С «пущами заводчиками» Хабаров поступил как приказный, которому давалось право «от дурна» подчиненных унимать, всякими мерами смирять, а провинившихся подвергать наказаниям. 12 человек были биты батогами (палками). Некоторых из них, как вспоминали очевидцы, «били батогами без рубах на смерть». 4 главных зачинщиков побега — Константина Иванова, Степана Полякова, Федора Петрова и Гаврилу Шипунова — Хабаров бить не решился. Но для острастки и позора, «чтобы другим так воровать неповадно было», приказал их заковать в кандалы и продержать несколько дней скованными по рукам и ногам в «темной каморе». Имущество наказанных было отдано

в войсковую казну. Выстроенный беглецами острожек, презрительно названный «воровским», Ерофей Павлович приказал разобрать и использовать на дрова, заставив 100 человек беглецов вновь потрудиться и поставить себе избы для жилья.

Сведения о зимовке Хабарова в 1652—1653 гг. в Гиляцкой земле немногочисленны: казаки из его отряда ездили по окрестным улусам, собирали ясак, занимались рыбным и пушным промыслами. Весной 1653 г. Хабаров пошел вверх по Амуру, намереваясь поставить задуманный летом прошлого года острог в устье Зеи и встать здесь прочно.

ПОПЫТКА ПОПАСТЬ НА АМУР СО СТОРОНЫ БАЙКАЛА

Ко времени прибытия в зейское устье Хабаров еще не знал, что его экспедиция показала пример администрации Енисейска, которая активизировала попытки поисков подходящих путей на Амур со стороны Байкала.

В 1650 г. через Енисейск в Москву была провезена первая отписка Францбекова, из которой енисейские воеводы узнали о посылке Хабарова на Амур по Олекме. В том же году енисейский воевода приказал служилому человеку Василию Колесникову, собиравшему ясак с тунгусов в районе Баргузинского острога, достоверно проведать подступы к Амуру через забайкальские земли. Колесников тотчас же отправил небольшой разведывательный отряд служилых людей вдоль восточного побережья Байкала на реку Селенгу, впадающую в Байкал с юго-восточной стороны. Отряд благополучно дошел до Селенги. Далее, расспрашивая местных жителей, он попал в реку Хилок (Килку), которая привела его к озеру Иргень. Миновав озеро, отряд двинулся «сухим волоком» и рекою Ингодой и через несколько дней вышел на реку Шилку. Следуя по ее течению «верст с пятьдесят», отряд обнаружил «стороннюю» реку Нерчу, впадающую в Шилку с левой стороны. Обе реки оказались густо заселенными: то там, то здесь встречались кочевья тунгусов.

Таким образом, зимой 1651 г. люди Колесникова вышли к Шилке со стороны Байкала. В это же время люди Хабарова достигли той же Шилки, но со стороны Амура. Оба отряда, подступив к Шилке с запада и с востока, не увидели друг друга только потому, что они немного разминулись во времени. Правда, служилым людям из отряда Колесникова повезло больше: они собрали не только интересные сведения о верховьях Амура, но и первый ясак с тунгусского князья Гантимура-Улана. Полчане Ерофея Хабарова ограничились лишь сбором сведений о Гантимуре.

Дальнейшие события разворачивались еще более синхронно. Василий Колесников, учитывая важность своих сведений, отправил участников отряда — Якуна Сафонова, Ивана Герасимова и Максима Уразова в Енисейск к воеводе Афанасию Пашкову, к

которому они пришли 9 августа 1651 г. Ерофей Хабаров весной того же года отправил с отписками и первой амурской ясачной казной Дружину Попова, Артемия Петриловского и Третьяка Чечигина в Якутск к воеводе Дмитрию Францбекову. Тот, в свою очередь, вскоре препроводил Попова в Москву. Путь последнего в Москву лежал через Енисейск. Волею судьбы Якун Сафонов, Иван Герасимов, Максим Уразов и Дружина Попов съехались в Енисейск одновременно. Это дало возможность воеводе Пашкову в их присутствии сопоставить привезенные ими сведения о путях на Амур. Получалось так, что к верхнему истоку Амура — реке Шилке русские подошли со стороны Забайкалья, а к верхней, средней и нижней частям Амура — из Якутска. Тогда же воевода увидел составленный Хабаровым чертеж Олекминского пути и верхней части Амура. Попали в его руки и чертежи подступов к Амуру со стороны Забайкалья, привезенные участниками отряда Колесникова. Так в Енисейской приказной избе в 1651 г. были впервые соединены воедино чертежи притоков и верхней части Амура и составлено целостное представление об этом участке реки и подступах к ней.

Воевода Пашков, в ведении которого находилось Забайкалье, сообщил об этих открытиях в Москву и, не дожидаясь оттуда ответа, который пришел бы только через два года, решил сразу же начать освоение Шилки, населенной многочисленными тунгусскими родами. Подготовка к экспедиции шла всю зиму. Ранней весной 1652 г., как раз в то самое время, когда Ерофей Хабаров со своими полчанами покидали Ачанский острог, из Енисейска выходила экспедиция во главе с известным землепроходцем и градостроителем, основателем Якутска Петром Бекетовым. В его

Тунгусы. Рисунок русского этнографа XIX в.

отряде было 72 человека; большая часть его состояла, как и у Хабарова, из охочих казаков — промышленников, привлеченных на Шилку богатством ее соболиного промысла.

В планы Бекетова входило строительство двух острогов на ближайших подступах к Шилке — озере Иргень и при впадении в Шилку реки Нерчи, а также объясачивание местного населения.

На Иргень-озеро и реку Шилку Бекетов шел путем, разведанным Колесниковым, а один из участников его отряда — Максим Уразов был проводником. Добравшись до озера, отряд Бекетова разделился. Бекетов с частью людей остался строить острог на озере. Максим Уразов пошел дальше на Шилку строить острог в устье впадающей в нее реки Нерчи. По окончании строительства Иргенского острожка Бекетов оставил в нем гарнизон в 17 человек, а сам поспешил к Максиму Уразову. Но тот в 1653 г. уже поставил Шильский (Нерчинский) острог.

Построенные острожки были небольшими и слабо вооруженными. Но стояли они в удобных, стратегически важных местах, среди густонаселенных земель. В их окрестностях кочевали «соболиного промысла многие невоистые люди» — многочисленные роды тунгусов. 6 из них приняли российское подданство и внесли ясак собольими мехами, качество которых, по отзывам бывалых ясачных сборщиков, «было ленских соболей лучше».⁵³

Таким образом, к моменту прихода Хабарова к устью Зеи осенью 1653 г. весь Амур, начиная от его верхнего истока Шилки и кончая его устьем, был обследован, исхожен и присоединен к России, а приамурское население было обложено ясаком.

ДОНОС ДЬЯКА И РАСПОРЯЖЕНИЯ СИБИРСКОГО ПРИКАЗА

В устье Зеи до Хабарова дошли неприятные новости. Прибывшие из Якутска посыльные сообщили о смещении воеводы Францбекова и начавшемся против него расследовании. Как выяснилось, причиной тому явился донос в Сибирский приказ дьяка Петра Стеншина. Поскольку Хабаров был связан материально с Францбековым, доносчик не преминул рядом с именем воеводы упомянуть и имя Ерофея Хабарова.

Чтобы разобраться в сути случившегося, Хабарову нужно было вспомнить события 1650 г. В то лето он вернулся с Амура за подкреплением в Якутск. Здесь Ерофею Павловичу стали известны кое-какие подробности об отношениях Францбекова и Стеншина.

Хабарову рассказывали, что их столкновение началось сразу же по приезде в Якутск нового воеводы. Согласно существовавшему порядку, любой воевода, заступивший на службу, был обязан принять у своего предшественника город, казенное имущество, деловые бумаги, или, как тогда говорили, «считать воеводу». Прием дел от одного воеводы к другому представлял

своеобразную ревизию: шла тщательная сверка соответствия наличной казны с документацией. Если у предшественника был недочет в казне, воевода-преемник должен был сообщить об этом в Сибирский приказ, а лиц, ответственных за это, задержать либо до их полного расчета, либо до приезда из Москвы специального сыщика.

Проверка начиналась с приема городской печати, городских ключей и осмотра самого города. Очевидно, Францбеков застал Якутск, заново отстроенный в 1642 г. Город тогда был огорожен стеной протяженностью 709 м, имел 5 башен, а внутри — казенные здания и Троицкую церковь. Придирчиво осмотрев оборонительные сооружения и гражданские здания, пересчитав зелье, свинец, пушки, а в государевых житничьих амбарах хлебные запасы, Францбеков сделал воеводам, своим предшественникам Пушкину и Супоневу, беглые замечания по поводу нескольких своевременно не отремонтированных звеньев стены и кое-где обвалившегося городского рва и благополучно отпустил их из Якутска. Что же касается воеводского «товарища» дьяка Стеншина, то его воевода задержал, предъявив ряд претензий. Это было неспроста. Хабарову рассказывали, что, отправляясь в Сибирь, Францбеков решил свести со Стеншиным старые счета. Сделать это было легко. Дьяки в Сибири, как и воеводы, обогащались за счет казны, и повод, подходящий для их обвинения, при желании можно было найти без особого труда.

Где и когда до поездки в Сибирь могли пересечься жизненные пути Стеншина и Францбекова? Очевидно, это могло произойти на службе. Дьяк Стеншин, подобно многим своим собратьям, был выходцем из подьячих — мелких приказных служащих. Послужной список дьяка начался с 20-х гг. XVII в. В 1628 г. он значился подьячим Патриаршего разряда. Затем его перевели в подьячие городов Кевроля и Мезени. После этой службы Стеншин оказался в Посольском приказе, став в 1637 г. подьячим и приставом у литовского посла. Через несколько лет его перевели служить в Сибирский приказ. Здесь он получил повышение, став вторым подьячим с окладом 30 руб. и 300 четвертей земли. В Сибирском приказе Стеншин оставался до 1644 г. Получив повышение в чин дьяка как аванс за будущую сибирскую службу, он отправился в Якутск вместе с воеводами Пушкиным и Супоневым.

Служба Францбекова до его поездки в Сибирь протекала в Посольском приказе. О ней известно по одному небольшому эпизоду. До последней четверти XVII в. в иностранных государствах еще не было постоянных российских представителей. Каждый раз дипломатические сношения и переговоры осуществлялись через особых, назначенных для конкретного случая послов, посланников и гонцов. Но попытки учредить постоянные миссии предпринимались. С одной из них было связано имя Дмитрия Францбекова. В декабре 1634 г. его направили в Швецию в звании агента. Там он пробыл полтора года, а затем, будучи отозванным в Москву, 21 августа 1636 г. выехал из Стокгольма. Таким

образом, Францбеков вернулся в Посольский приказ к 1637 г., когда там в должности подъячего и пристава у литовского посла служил Стеншин. Здесь-то между ними, возможно, и могли возникнуть трения и взаимная неприязнь.

Принимая в Якутске дела, Францбеков был особенно придирчив к бумагам и деловой отчетности, за которые Стеншин как дьяк нес прямую ответственность. Новый воевода принял приходные, расходные, ясачные книги, в которых был зафиксирован приход и расход денег, хлеба, соли, поступления ясачной казны и объем пушных партий, отправленных из Якутии в Москву. Он внимательно просмотрел окладные книги, сличил их с именными списками служилых людей и потребовал от Стеншина предъявления расписок тех из служилых людей, которым, судя по документации, из казны было выдано денежное, хлебное и соляное жалованье. Так как у Стеншина многих расписок в наличии не оказалось, у нового воеводы появился повод для подозрения в присвоении дьяком казенных средств, в частности окладов служилых людей. Тщательное изучение сметных списков и их сличение с остальной документацией приказного делопроизводства вскрыли утайку Стеншиным ясачных соболей и некоторых сумм денег, которыми он поживился. В доме дьяка сделали обыск. Соболей и деньги нашли и конфисковали. Для объяснений дьяка вызвали в приказную избу. По словам Стеншина, во время допроса воевода Францбеков бил его по щекам, а присутствовавшие при этом воеводские приспешники, повалив дьяка на пол, «топтали его своими топталками», т. е. ногами. После допроса и конфискации части имущества Стеншина переселили из «дьячего дома в худой казачий домишко», а через некоторое время посадили в тюрьму и приставили к нему для охраны служилого человека.

Стеншин, в свою очередь, тщательно следил за каждым шагом Францбекова, связанных с ним людей, в числе которых был Хабаров, и собирал сведения, чем-либо их компрометирующие. Свой донос он составлял как по личным наблюдениям, так и используя жалобы лиц, недовольных воеводой и его сторонниками. Таких набралось немало. Среди них были пострадавшие от произвольных воеводских хлебных закупок приказчики крупнейших в стране купцов Василия Федотова, Ивана Осколкова, Кирилла Босого, а также богатые, известные во всей Сибири промышленники Петр Бизимов и Алексей Ворушаев, покрученники которых ушли вместе с отрядом Хабарова, так и не выплатив своих долгов бывшим хозяевам.

Дьяк Стеншин оставался в Якутске вплоть до приезда туда в 1652 г. нового воеводы Акинфова. Свой донос на Хабарова и Францбекова он написал летом 1651 г., и его содержание ограничивается этим временем.

Хабарову в доносе приписывались в основном два «преступления». Главным из них Стеншин считал неправомочность Хабарова — простого землепроходца носить звание приказного, кото-

рым мог, по тем понятиям, называться только человек, состоящий на государевой службе. По своему социальному положению до похода в Даурию Хабаров был всего лишь промысловиком и хлебопашцем, с точки зрения Стеншина «мужиком», не пригодным и не имеющим права ни на какую другую работу и тем более службу. И этот человек вдруг осмелился оставить пашню, взять на себя инициативу встать во главе большого отряда и выполнить важное государственное дело: присоединить новые земли. «Да он же пашенной. На него в приказной избе имеется поручная запись! А в той его, Ярофейкиной, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, ... на тебя, государя, пашню пахать! Чтоб год от году пашня пространилась и не запустела! И хитрости и порухи некоторой не чинить и пашню не покинуть!» — читаем мы в доносе. В особую ярость приводило спесивого дьяка то, что Хабаров, именуясь приказным, отныне даже в официальных бумагах стал писаться по имени и отчеству: «Без твоего, государева, указу в той наказной памяти написали его целым именем «Ярофеем Павловичем», а не «Ярофейком»! С желчным негодованием пишет Стеншин о дипломатическом поручении Хабарову: «Только твоя, государь, пашня ... а не даурская служба и посольские речи ему за обычай! Нигде тот Ярофейко на твоей службе преж сего, ни в посольстве не бывал... ничего, oprичь пашни, тот Ярофейко не знает!»

Другое обвинение Стеншина основывалось на факте переманивания Хабаровым на Олекме в свой отряд чужих покрученников. Эти сведения Стеншин получил от пострадавшего при этом торгового человека из Соли Вычегодской Павла Бизимова. Бизимов отправил на Олекму для соболиного промысла с мезенцем Петрушкой Савельевым 6 человек. Петр Савельев вел с собой 2 своих покрученников. Все 8 человек покрученников, заинтересовавшись экспедицией Хабарова, присоединились к землепроходцам, забрав при этом снаряжение — соболиные заводы и хлебные запасы, полученные ими от Бизимова и от Савельева, и на неся тем самым им материальный убыток.

Обвинения, предъявленные Стеншиным Францбекову, были более тяжелыми. Один из поступков воеводы Стеншин квалифицировал как превышение власти и по существу подводил его под понятие «государева слова и дела», т. е. тяжелого политического преступления. Дипломатическое поручение, данное Францбековым Хабарову, простому промысловнику и хлебопашцу, Стеншин квалифицировал как умаление чести государя. Посол, посланник, гонец — вот кто достойно может представить своего государя, но не человек, неискушенный в «посольских речах». В действиях Хабарова и Францбекова, с точки зрения дьяка, было умаление царской чести. Рассчитывая на недоброжелательное отношение к отправке экспедиции администрации Сибирского приказа, Стеншин тем самым подбрасывал ей повод осудить организаторов похода.

Второе обвинение было не менее тяжелым. Францбеков не

имел права вкладывать свои деньги в экспедицию. Правительство старалось пресечь источники обогащения воевод и утечку соболя из казны и поэтому включало во все воеводские указы строгий запрет воеводам вкладывать свой капитал в промысловые предприятия и торговлю. Снабжение же Францбековым Хабаровов, Поповых и других землепроходцев личными средствами могло расцениваться как нарушение этого запрета и нелегальное участие воеводы в соболином промысле. Со слов торгового человека, имя которого по известным причинам названо не было, доносчик передал оброненную Францбековым у себя в доме фразу о том, что «даурская служба встала ему недешево — в 30 тысяч рублей». Это заявление могло повлечь естественный вопрос администрации Сибирского приказа об источниках получения Францбековым таких денег в Сибири и привести к серьезному и нежелательному для него правительственному расследованию — «государеву сыску».

Донос Стеншина попал в Сибирский приказ 18 февраля 1652 г. Его привез и подал туда кто-то из верных Стеншину людей, поскольку сам дьяк выехал из Якутска в Москву позже. Первая же отписка Францбекова об отправке им Хабарова на Амур и финансировании экспедиции на частные средства была получена в Москве 20 апреля 1650 г. Менее чем через год, 24 декабря 1651 г., в Москву пришла вторая отписка Францбекова о занятии Хабаровым 5 Лавкаевых городков и о посылке весной 1650 г. в Даурию из Якутска подкрепления. 25 января 1652 г. Дружиной Поповым, командированным в Сибирский приказ, была подана отписка о зимнем пребывании Хабарова в Албазине с приложением расспросных речей даурцев и ясака, собранного на Амуре в 1649—1650 гг.

Во всех трех отписках Францбеков изображал деятельность Хабарова с самой лучшей стороны. Донос Стеншина опередил только четвертую отписку из Якутска и уже не мог поколебать мнения администрации Сибирского приказа о большом политическом значении экспедиции.

Поэтому руководитель Сибирского приказа А. Н. Трубецкой не придал большого значения обвинениям против Хабарова. Трубецкого мало интересовал вопрос, называл ли Францбеков Хабарова уменьшительно-уничижительно «Ярофейка» или уважительно «Ерофеем Павловичем». Не увидел Трубецкой криминала и в данном Хабарову дипломатическом поручении, тем более что осторожный Францбеков в отписке в Сибирский приказ для пушей важности и своей очистки целиком и без ошибок процитировал «государевы титла», с которыми был ознакомлен Хабаров. Что же касается до переманивания Хабаровым чух-то покрученников, то это был настолько малозначимый для боярина Трубецкого факт, что он не обратил на него никакого внимания.

Извет на Францбекова руководство Сибирского приказа игнорировать не могло. Было очевидным, что Францбеков нарушил воеводский наказ. Он вкладывал свои средства в пушной промы-

сел с целью обогащения за счет Даурии. Подлили масла в огонь и челобитные в Сибирский приказ богатых торговых людей о конфискации и принудительной покупке у них в Якутске по сниженным ценам хлеба воеводой Францбековым, снабжавшим им своих покрученников.

Администрация Сибирского приказа доложила в Боярской думе о присоединении Амура к России и добилась именного указа царя о награждении Хабарова и его войска, деятельностью которых этот акт был осуществлен. Кроме того, А. Н. Трубецкой убедил правительство в необходимости послать в Даурию в 1653 г. в помощь Хабарову 3-тысячное войско во главе с окольным и воеводой кн. Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским. Набор служилых людей планировалось произвести в Москве, городах Поморья и Сибири. По подсчетам Сибирского приказа, для переброски войска через Западную Сибирь в Восточную требовалось не менее 140 речных судов — дощаников. Их строительство поручалось поморским и верхотурским плотникам, «которые наперед сего для воеводских и для хлебных отпусков суды делали». Раскладка была такой: плотники из Поморья строили 80, а из Верхотурья — 60 дощаников. Повинностью готовить строевой лес облагались крестьяне трех западносибирских уездов: Верхотурского, Туринского и Тюменского. Обеспечить хлебными запасами даурских ратников должны были крестьяне Поморья и Верхотурья.

Напоминания о подготовке к весне 1653 г. дощаников и хлеба неоднократно посылались в 1652 и 1653 гг. тобольскому и верхотурскому воеводам, которые несли ответственность за это дело. А сама переписка Москвы с Сибирью о посылке войска Лобанова-Ростовского в Даурию заняла не один столбец тогдашнего делопроизводства.

Но пока замысел послать на Амур большое войско был еще на бумаге, Сибирский приказ направил туда московского дворянина Дмитрия Ивановича Зиновьева, которому поручалось досконально ознакомиться с делами на месте и отдать нужные распоряжения к приходу основных ратных сил.

По поводу Францбекова Сибирский приказ в феврале 1652 г. вынес частное определение: организовать розыск о его злоупотреблениях и послать в Якутск в качестве государственного сыщика стольника Ивана Павловича Акинфова, который в то время уже нес службу в Сибири. По окончании розыска Акинфов должен был заступить вместо Францбекова на воеводство и исполнять эту должность до своей замены новым воеводой.

ГОСУДАРЕВЫ СЫЩИКИ

В 1652 г. Акинфов прибыл в Якутск. Его назначение сыщиком было не случайно. За Акинфовым закрепилась слава очень честного и добросовестного человека, неспособного идти на ком-

промисс со своей совестью. Известно, что после якутского воеводства Акинфому предложили заменить в Енисейске воеводу Афанасия Пашкова. Принимая дела, Акинфов обнаружил массу вопиющих злоупотреблений, допущенных своим предшественником. Например, Пашков незаконно присвоил 1000 руб. казенных денег, полученных в Иркутске от продажи кваса. Акинфов предложил Пашкову сдать эти деньги в казну. Тот его попросту не понял и, в свою очередь, порекомендовал новому воеводе впредь поступать аналогичным образом. Мало того, Пашков предлагал Акинфому крупные взятки мехами и деньгами при условии, если тот закроет глаза на жалобы населения, а пущих жалобщиков бросит в тюрьму. Возмущенный Акинфов наотрез отказался это сделать, заявив во всеуслышание: «Так плутать не хочу!» В ответ Пашков бранил Акинфова «матерно» и осадил его в доме, используя верных себе служилых людей⁵⁴.

Действиями и выводам таких верных служак, как Иван Акинфов, Сибирский приказ доверял и использовал их для разбора каверзных дел.

По прибытии на воеводство в Якутск Акинфов нашел денежную казну города пустой и отписал в Москву, что «в Якутске денег нисколько не заехал». Зато при обыске, сделанном в доме Францбекова, сыщик и его помощники обнаружили массу кабальных записей (в том числе только на Хабарова на 7000 руб.), большие суммы денег, а также значительное число соболей, происхождение которых Францбеков вразумительно объяснить не мог. Стоимость имущества, денег и кабальных записей, изъятых сыщиком у Францбекова, составила в сумме 12742 руб. 65 коп. После челобитной Францбекова в Сибирский приказ по царскому указу ему вернули часть мехов на сумму 2000 руб. Остальные меха и меховые шубы не мешкая отправили в Москву. Конфискованные у Францбекова деньги и кабальные записи были переданы в якутскую казну на жалованье служилым людям и городские расходы.

Следует отдать должное новому воеводе. Он не остался безучастным к экспедиции Хабарова, пытался разобраться в обстановке на Амуре, проявил живой интерес к перспективам освоения русскими этой реки и ее притоков — Уссури и Аргуни. Он внимательно беседовал с каждым, кто приходил с Амуре.

Доказательством этого интереса явились записи расспросных речей служилых и охочих амурских казаков, тунгусской женщины Даманзи и других очевидцев похода Ерофея Хабарова и его товарищей, беседовавших с Акинфовым в Якутской приказной избе.

Из этих рассказов, а также отписок, приходивших из Даурии, Акинфов убедился, что к 1652 г. благодаря экспедиции Хабарова русские знали Амур не меньше, чем Волгу. Они исходили Олекму и Амур на судах под парусом, на веслах и «бечевником» (берегом) и были великолепно осведомлены о характере этих рек, их фарватере и расстоянии между населенными пунк-

тами. Теперь из Якутска до Тугирского волока уже никто бы не пошел в больших судах, так как всем было известно, что порожистая Олекма была преодолима только в малых плоскодонных дощаниках, вмещающих не более 30 человек. Благодаря знанию каждой извилины Олекмы и Тугирия до Амура удавалось добираться за короткий срок — всего в одну навигацию, сохраняя в целостности и сохранности все суда и грузы. Путь от Якутска до Олекмы занимал не более 8 дней, расстояние от устья Олекмы до начала Тугирского волока преодолевали за 35—38 дней. Перед волоком суда разгружали и оставляли под прикрытием Тугирского острожка, чтобы использовать их на обратном пути с Амура. Через волок с поклажей шли до устья Урки 8 дней. Придя на Амур, в устье Урки делали большие дощаники, поднимающие не менее 40—50 человек. Отсюда до Албазина плыли по течению не более одних суток, от Албазина до Гайгударова городка — трое суток, из Гайгударова до Банбулаева городка — одни сутки, из Банбулаева городка к устью Зеи и Кокурееву улусу — двое суток. Путь с устья Зеи до Толгина городка занимал сутки, от Толгина городка «до камени» ходили четверо суток. Большие дощаники проходили и по Сунгари. Путь от устья Сунгари до наток, где стоял Ачанский острог, преодолевали за четверо суток. От Ачанского острожка вверх по Амуру до устья Сунгари поднимались на веслах, а от Сунгари «до Камени» — бечевником. В «Богдойскую землю» из устья Зеи от улуса Кокуреева попадали «недель в шесть»⁵⁵.

Дотошный Акинфов не только расспрашивал о Даурии, но и сам посылал туда «для подлинных вестей» своих людей. Одному из них, Никите Прокофьеву, он приказал поехать на Амур к Хабарову, уточнить еще раз, сколько времени займет путь «от урочища до урочища, от места до места», выяснить, «много ль городов в Даурии, на каких местах и реках стоят», на чертить «справливо и подлинно» этим городам и рекам чертеж и снова спросить об узорочных товарах, серебре и золоте. Если их в Даурской земле нет, то «в каких они землях родятся и откуда их привозят». Никита Прокофьев должен был взять у Хабарова 3 человек, хорошо знавших Амур, а также весь ясачный сбор, и с ними вернуться в Якутск.

Поскольку Акинфов уже знал о назначении в Даурию Зиновьева, он не считал возможным для себя вторгаться в чужую епархию и не посылал со своими людьми каких-либо конкретных распоряжений Хабарову. Но навстречу Зиновьеву он отправил людей, хорошо знавших Олекминский путь на Амур, с рекомендацией следовать из Илимска сразу в Олекму, не заходя в Якутск.

Зиновьев ехал на Амур, облеченный, как пишет В. А. Александров, фактически воеводскими полномочиями. Из Москвы с ним шло 150 московских стрельцов, дополнительно к которым он должен был набрать столько же в городах Тобольского разряда. В Сибирском приказе считали, что западносибирские города уже

имели достаточный служилый контингент для командирования своих людей в качестве годовальщиков на вновь осваиваемые территории. Из Верхотурья с Зиновьевым пошло 10, из Туринска — 10, Сургута — 40, Тюмени — 20, Тобольска — 70 служилых людей⁵⁶. Все они получили хлебное жалованье на 1652, а денежное — на 1652 и 1653 гг. По истечении этого срока годовальщики имели право вернуться с Амура в свои города. На территории Восточной Сибири из Верхоленского и Балаганского острожков к Зиновьеву присоединилось 30 охочих казаков. Таким образом, его отряд составил 330 человек. С этими людьми, добравшись Олекминским путем на Амур, Зиновьев спустился к устью Зеи, где 25 августа 1653 г. в районе улуса Кокориев (Кокурея) встретился с Хабаровым.

Свое назначение на Амур Зиновьев воспринял весьма неохотно: пугали большое расстояние, трудности и неизвестность дороги. Но сложность командировки окупалась. Обещали повышение по службе. К тому же доброжелатели недвусмысленно намекали на возможность поправить материальные дела за счет пушнины. Взвесив все за и против, Зиновьев согласился.

Его миссия на Амуре включала две задачи. Во-первых, Даурия стала частью России, и там нужно было осуществить ряд административно-хозяйственных мероприятий, аналогичных тем, которые повсеместно проводились в Сибири: организовать воеводское управление, продолжить строительство городов-крепостей, заведение пашенного земледелия, нормализовать ясачный режим и отношения с местным населением.

Не менее важным было выполнение дел внешнеполитического характера. В Москве пока сомневались, есть ли на Амуре драгоценные металлы. Но из отписок Хабарова знали наверняка, что золотые, серебряные изделия и узорочные ткани были у какого-то Шамшакана, от которого на Амур приезжали купцы с этими товарами. К моменту отправки Зиновьева из Москвы администрация Сибирского приказа и Якутска не связывала это имя с маньчжурским императором Шуньчжи, захватившим власть в Китае. Поэтому от Зиновьева потребовали узнать возможность принятия Шамшаканом российского подданства, а также выяснить, далеко ли от Даурской земли находится Китайское государство и как к нему добираться, «степью, горами или водою». Пожелали в Москве познакомиться и с представителями местного населения Приамурья. Зиновьеву предложили привезти в столицу нескольких даурских аборигенов с тем, чтобы показать им столицу, обласкать, одарить подарками и вернуть на Амур.

Приезд на Амур московского дворянина был отмечен Хабаровым как большой праздник. Он построил все свое войско — 320 человек служилых и охочих казаков, десятников, пятидесятников, пушкарей, толмачей, приказав полчанам одеть свое самое лучшее платье. Зиновьева встречали с развевающимся войсковым знаменем и барабанным боем.

По традиции московский дворянин произнес речь и передал Хабарову и его войску «государево цареву ... жалованное слово», смысл которого сводился к тому, что «государь ... их пожаловал, велел им давать свое государево жалованье по окладом их сполна и велел их, служилых людей, беречь и нужи их рассмотреть... и они б, служилые люди, его царским милостивым призреньем и жалованьем жили в тишине и в покое безо всякие нужи... и промыслами своими всякими промышляли без опасенья»⁵⁷.

За «жалованным словом» последовала раздача наград. В XVII в. орденов в России еще не было. Их роль играли золотые и серебряные наградные монеты, которые прикреплялись к головному убору. Зиновьев вручил Ерофею Хабарову золотой червонец. 63 служилых казака получили по «новгородке», а 257 охочих казаков — по «московке» («московка» была легче «новгородки» в два раза).

Торжества продолжались и на следующий день. На встречу с московским дворянином Хабаров собрал в улус Кокуреев даурских и дючерских князьцов, принявших российское подданство. На церемонии их приема присутствовало все войско Хабарова и Зиновьева в «цветном платье и с оружием». Зиновьев объявил аборигенам «цареву жалованное слово» и обнадежил их тем, что в лице царя они получают праведный суд и защиту от насилия, налогов и неправд и что впредь они будут жить «в покое и тишине безо всякого сумнения». От ясачных людей требовалось немного: чтобы они промыслами своими промышляли, ясак исправно платили, служили по своей вере, ни в чем шатости и всякого «лихого умышления не имели», а детей своих и прочих родичей ото всюду под государеву милость призывали и «в городках юрты и в уездах волости полнили».

Даурские и дючерские князьцы обещали «ясак с себя по своей мочи платить» и под государевой царского величества высокою рукою быть, но лишь просили, чтобы русские люди их оберегали «от богдойского царя Андри-кана»⁵⁸. Ясачных «иноземцев» обнадежили, одарили красным сукном, посудой и одекуем, щедро накормили и напоили.

Покончив с парадной частью своего визита, Зиновьев объявил Хабарову об отстранении его от должности приказного человека и необходимости поездки в Москву для отчета. Нужно сказать, что Хабаров сразу же почувствовал неприязнь московского дворянина, которую связывал с влиянием на Зиновьева Стеншина. Так оно и было. Зиновьев Стеншина знал и целиком соглашался с ним в отношении к Хабарову. Как и Стеншин, он невзлюбил бывшего промысловика и хлебопашца, поднявшегося до уровня приказного человека делающего дело, которым заинтересовалась Москва.

Так и не найдя в себе силы подавить личную неприязнь к Хабарову, Зиновьев демагогически заявил войску, что он прибыл из Москвы на Амур с целью выяснить, «от кого в чем какая

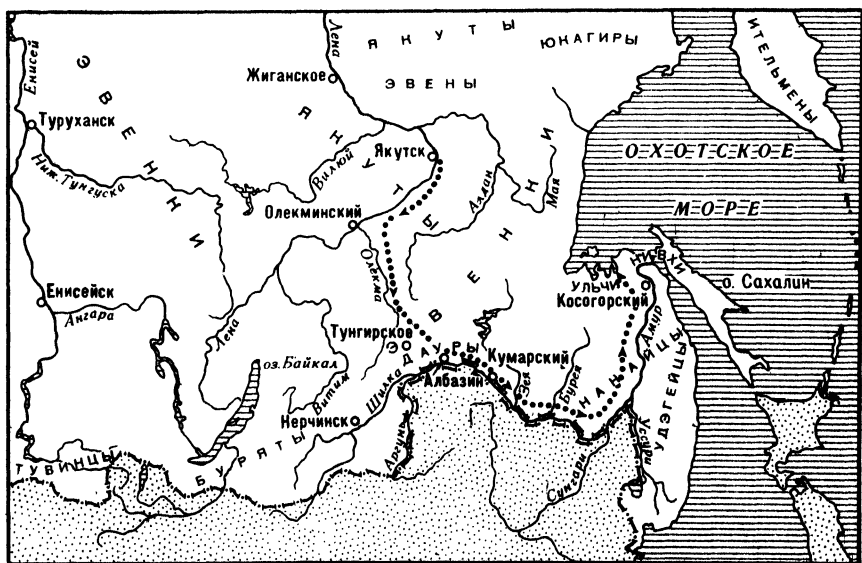
нужа и обида, и продажа, и насильство какое было», и своим дознанием стал разжигать стихнувшее было среди части полчан недовольство Хабаровым. Опираясь в первую очередь на тех, кто год назад способствовал расколу отряда, Зиновьев склонил их к написанию челобитных.

Жалобщики из покрученников вспомнили Хабарову косы, серпы, куяки, порох, свинец, проданные им по дорогой цене. Несколько своеужинников жаловались на то, что Ерофей их снаряжение в Даурию поставил в заслугу себе и «прихватил их ужины в свои подъемы», в то время как они поднимались на даурскую службу за свой счет, без чьей бы то ни было помощи. Иванов и Поляков, отсидевшие «в железах в темной коморе» за раскол в войске, и те, кто был высечен по тому же делу, обвинили Ерофея Павловича в незаконном винокурении и пивоварении, продаже по дорогой цене кос, серпов и хлеба, всяком мучительстве и увече.

Во время своего пребывания на Амуре, с 25 августа по 15 сентября, Зиновьев только и делал, что расспрашивал участников экспедиции, проверяя каждый шаг Хабарова. Расспросные речи за и против Хабарова составили громадный столбец. Чего, собственно, добивался Зиновьев? Как сказано выше, отправляясь в далекий путь, он надеялся поправить свои материальные дела. Но его пребывание на Амуре продолжалось всего 20 дней. Для организации собственного соболиного промысла, который бы мог принести немалый доход, этого времени было недостаточно. Отпадал для Зиновьева и такой знакомый сибирским воеводам способ быстрого обогащения, как присвоение пушнины, собранной в качестве ясака: государев сыщик был на виду, и войско контролировало каждый его шаг. Зиновьеву оставалось поступить в духе администраторов всех времен — выступить в роли поборника справедливости и обвинителя злоупотреблений Хабарова. Расчет был простым: сначала конфисковать имущество Хабарова, а затем и самому поживиться этим имуществом.

Слова Зиновьева об отставке и отъезде с Амура Хабаров выслушал с негодованием. Несправедливость была налицо. Отставки он не заслужил. Для поездки в Москву время было неподходящим: на Амуре предстояли большие и сложные дела, требующие его присутствия. Хабаров потребовал, чтобы Зиновьев предъявил ему царский указ на этот счет. Перенести такой дерзости какого-то приказного московский дворянин не мог. Он схватил Хабарова за бороду, жестоко избил его и посадил едва ли не под стражу, приказав для начала переписать часть его имущества. При этом пострадали и некоторые полчане Хабарова, поднявшие было за него голос.

Вместо Хабарова во главе войска Зиновьев поставил есаула и пушкаря Онуфрия Степанова (Кузнеца), который никак не мог примириться с отстранением Хабарова и командование принял «в неволю». Себе в помощники он взял племянника Хабарова Артемия Петриловского.

Экспедиция Е. П. Хабарова 1649—1653 гг.

Перед отъездом Зиновьев вручил Онуфрию Степанову две наказные памяти. В них он приказывал завести пашню в устье Урки и к следующей осени засеять там хлеб для обеспечения 5—6-тысячного войска, ожидаемого в Даурию, а на месте Лавкаева городка, в устье рек Зеи и Урки, построить острожки, из которых радетельно собирать ясак.

Распоряжения Зиновьева были далеки от практических дел. Они отдавались исключительно ради того, чтобы формально отчитаться перед Сибирским приказом и взвалить всю ответственность за их выполнение на нового приказного — Онуфрия Степанова. Хабаров и Степанов в этом разобрались сразу. И каждый из них, один — попав в Москву, а другой — находясь на Амуре, написали в Сибирский приказ челобитную и отписку, в которых разоблачили Зиновьева как случайного гостя на Амуре, стремившегося к обогащению за счет других.

С тяжелым чувством покидал Ерофей Павлович землю, освоение которой стало смыслом его жизни. О себе он не думал. Беспокоился за товарищей. С ними он прожил на Амуре 4 долгих года, делил голод, холод, невзгоды походной жизни, несколько раз исходил реку вверх и вниз. Хабаров понимал, что в его отсутствие новые трудности и испытания выпадут на долю этих людей. Приезд из Мосвы Зиновьева не облегчил положения войска. Зиновьев, дополнительно к имеющемуся на Амуре числу ратных людей, оставил только 180 человек — годовальщиков, набранных в сибирских городах, которые по истечении срока службы могли уйти из войска. К тому же он подчинил их казачьим десятникам, а не Онуфрию Степанову, чем затруднил общее руководство

отрядом. Да и продовольствия и воинского наряда у Степанова оставалось немного. Зиновьев ему не оставил ни хлеба, ни пороха, ни свинца, с которыми пришел на Амур. Все забрал с собой. Только сказал: «Хлеб де добывайте сами, где знаете, а порох и свинец, так и быть, пришлю с Тугирского волока, если самому не понадобятся».

Но особенную тревогу вызывала у Ерофея Павловича судьба Третьяка Чечигина, которого Зиновьев отправил с грамотой в сопровождении 5 казаков к маньчжурскому императору как посланника. В свое время воевода Францбеков наказывал Хабарову сделать то же самое. Но тот не спешил. Чечигин был одним из его товарищей, очень смелым и честным человеком, и Хабаров не хотел напрасно рисковать его жизнью. Поэтому для охраны Чечигина он искал надежных проводников из местных жителей, чтобы иметь максимальную гарантию благополучного исхода миссии.

Зиновьев не прислушался к доводам Хабарова. Он спешил покинуть Амур и доверил жизнь посланника с его товарищами случайным и ненадежным людям, подкупив их вином и подарками. Ему было важно выполнить наказную память Сибирского приказа, а вернется Чечигин или нет, его не интересовало.

С Зиновьевым возвращались в Москву 150 стрельцов, посланных из Сибирского приказа. Он увозил весь ясачный сбор, ясачные книги и даже их черновики, чем поставил Онуфрия Степанова в весьма затруднительное положение. Прихватил Зиновьев всех толмачей, а из числа пленных несколько даурских женщин и подростков. Поехали в Москву главные обвинители Хабарова Иванов и Поляков.

Скорый отъезд Зиновьев объяснял войску необходимостью успеть до конца навигации добраться до Тугирского волока. А оттуда, с его слов, идти на лыжах и нартах, нигде не мешкая. Однако главной причиной спешки было все-таки нежелание Зиновьева остаться в войске и разделить с ним участь возможно голодной зимовки. Дойдя в октябре 1653 г. до Тугирского волока, московский дворянин забыл и о нартах, и о лыжах и зазимовал здесь до следующей весны.

ПОЕЗДКА ХАБАРОВА В МОСКВУ

Уезжая с Зиновьевым в Москву, Ерофей Павлович никак не думал, что больше никогда не вернется на Амур. После возвращения он мечтал заняться здесь земледелием и организацией за счет амурской пашни снабжения хлебом всей Якутии. Поэтому он не повез дальше Тугирского волока сельскохозяйственные орудия, купленные им в свое время в казне. Весной 1654 г., покидая волок, он с большим трудом убедил Зиновьева не везти с собой пороховую и свинцовую казну, а спрятать ее в надежном месте, там, где уже лежали косы и серпы.

Когда вскрылись реки, Зиновьев двинулся в дорогу. Поездка до Москвы была для Хабарова тяжелой. Зиновьев продолжал над ним издеваться, «вымучивая у него то шубу, то шапку, то собольи пластины».

Опасаясь, что Хабаров бросит его по дороге и вернется на Амур, Зиновьев отдал распоряжение в наиболее подходящих для побега местах изолировать землепроходца и одевать на него смыки, т. е. кандалы.

Зиновьев грабил не только Хабарова. Еще на Амуре, чинив «суд и расправу», он отобрал в свою пользу у служилых казаков Матвея Пинежанина и Федора Вагина кафтан, 40 пластин собольих и шубу соболью, у охочего казака Федора Иванова Важенина — 20 соболей и шубу лисью стоимостью в 45 рублей. На Тугирском волоке посягал на имущество служилых людей десятников и рядовых Якуны Никитина «с товарищи», «бил их на правеже день, а правил... 600 рублев... сборы неведомо какие». Здесь же Зиновьев «бил и мучил разными муками, огнем жег» даурского казака Якова Мелентьева, который, «убоясь его муки», отдал ему два озяма⁵⁹.

Произвол Зиновьева распространился и на вчерашних его сторонников, которые еще несколько месяцев назад под его диктовку писали челобитные на Хабарова и грозились выступить его обвинителями в Москве. Среди них были даже такие враги Хабарова, как Степан Поляков, Константин и Степан Ивановы. Теперь они горько каялись перед Ерофеем Павловичем и вместе с ним написали и отдали в Енисейском остроге воеводе Пашкову челобитные на Зиновьева «во многих его обидах, насильствах, грабеже». Пашков челобитные принял. Конфисковал у Зиновьева отнятое им у служилых людей имущество (вероятнее, его часть), опечатав его «в коробье» и препроводил из Енисейска до Москвы с приказным человеком Федором Сидоровым «с товарищи». Последним он настрого наказал отдать коробью и челобитные для подлинного розыска в Сибирском приказе. Енисейцы поручение выполнили. Казну и документы довели до Сибирского приказа и спасли таким образом хоть часть имущества, отнятого Зиновьевым у Хабарова и его товарищей.

По пути в Москву Ерофей Хабаров видел, что его поход на Амур всколыхнул, заинтересовал и поднял в дорогу десятки и сотни людей. Переселенческая волна захватила Якутский, Илимский, Енисейский, Красноярский и другие уезды. Люди шли на Амур на свой страх и риск, не спрашивая на то разрешения у местных властей. Царская администрация, испытывая постоянный недостаток в людях, препятствовала стихийному переселению, старалась вернуть беглецов назад. Но люди уходили и мелкими группами, и объединяясь в большие отряды.

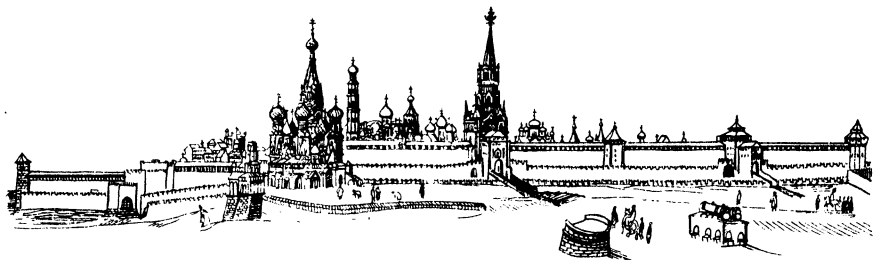
Один из таких отрядов Хабаров встретил на Тугирском волоке зимой 1653—1654 гг. Через несколько месяцев этот отряд был уже у Онуфрия Степанова и в дальнейшем вместе с ним оборонял Кумарский городок. Здесь же, в Тугирском острожке, Хабаров

был свидетелем допроса беглеца, назвавшегося Давыдком Кайгородцем. Оказалось, что он пробирался на Амур с ватагой, но отстал от своих и был пойман. Кайгородец рассказал, что о Даурской земле он услышал в Верхоленске от полчан Хабарова, провожавших в Москву ясачную казну. Из Верхоленска с Кайгородцем пошли в Дауры «без отпуска» 4 служилых человека. По пути на реке Киренге к ним присоединились промышленные и служилые люди, ленские и илимские пашенные крестьяне. Оружие они добыли, разграбив государев казенный амбар. Затем отобрали у приказчика ленских крестьян Василия Скобликова пицаль и пистолы, а у торгового человека Ивана Тюрина — пицаль. Средство передвижения — «дощаник с запасами и товарами» захватили у промышленного и торгового человека Матвея Ворыпаева⁶⁰.

Проезжая через Илимск, Хабаров слышал, как воевода Богдан Оладьин жаловался Зиновьеву, что теперь все узнали о путях на Амур. Один из путей — по Олекме, тот, которым ходил Хабаров, а другой через Верхоленский острог, Забайкалье и Шилку, который осваивал Бекетов. «Теми дорогами в прошлом 1653 г., — сокрушался воевода, — из Верхоленского и Илимского острогов и уездов без отпуска сворами служилые с охочими и промышленные люди с пашенными крестьянами побежали в Дауры... И впредь в Даурскую землю с Лены воровских побещиков от побегу не уберечь». Оладьин ссылался на аналогичные жалобы и якутского воеводы Ладыженского, который писал к нему, что в Якутском уезде резко сократилось число пашенных крестьян. Общим выводом воевод было то, что «в Якутском и Илимском острогах и уездах нет вольных и охочих людей, которых можно было бы посадить на пашню, потому что они все вышли воровством в Дауры»⁶¹. Чтобы как-то приостановить отток русского населения в Даурию, грозивший обезлюдить уже обжитые восточносибирские уезды, воеводы вознамерились в ближайшем будущем учредить в устье Олекмы заставу и на ней ловить всех беглецов.

Во время следования Хабарова через западносибирские уезды к нему неоднократно обращались жители с просьбой рассказать им об Амуре. Он делал это охотно и многих заинтересовал перспективами амурского земледелия, пушного и рыбного промыслов, торговли. Когда через год после поездки в Москву Хабарова в Сибири объявили о наборе добровольцев в даурский полк Пашкова, их много нашлось в Верхотурье, Тобольске, Тюмени, Енисейске. Можно предполагать, что среди добровольцев были и те, кто слышал рассказы Хабарова о Даурии.

Какую-то часть пути Хабаров проделал без Зиновьева. Опасаясь обвинения в неоправданной потере времени на Тугирском волоке, он поспешил вперед Хабарова и прибыл в Москву в начале декабря 1654 г. Поэтому от Томска Хабарова сопровождал служилый человек Милослав Кольцов. Из Устюга Великого до Москвы с ним ехал устюжский пристав Иван Кузьмин с казаками. В середине февраля 1655 г. Хабаров был в Москве.

Московский Кремль. С гравюры XVII в.

К этому времени Зиновьев уже отчитался о поездке в Даурию перед главой Сибирского приказа А. Н. Трубецким и его помощником дьяком Григорием Протопоповым. Зиновьев подтвердил факт присоединения Приамурья к России и отметил его положительное значение. Но деятельность Хабарова московский дворянин охарактеризовал только отрицательно. Зиновьев сознательно умолчал о всем полезном, что сделал землепроходец для государства, и лишь подчеркнул его «вины», выясненные из жалоб полчан.

Был расспрошен в Сибирском приказе и Хабаров. Трубецкой и Протопопов признавали его заслугу в присоединении Приамурья, справедливо решив, что большое дело, сделанное им, не может идти ни в какое сравнение с теми мелочами, к которым Зиновьев сознательно пытался привлечь их внимание.

Одержав победу в главном вопросе, Хабаров подал на Зиновьева жалобу, обвиняя его в издевательствах и «мучительстве», вымогательстве взяток и присвоении его имущества. К челобитной Хабаров приложил «ропись животов» на сумму в 1500 руб., пограбленных у него Зиновьевым. Следствие было поручено боярину кн. Григорию Семеновичу Куракину, а оценка мягкой рухляди — купцу гостинной сотни Афанасию Гусельникову и целовальнику суконной сотни Нестору Парфенову Шапошникову.

Большой выдержки стоило Хабарову, «став перед судьями, искати, отвечати вежливо и смирно, и не шумно и невежливых слов не говорити», когда Зиновьев начал отрицать на суде неоспоримые факты издевательства над ним с целью вымогательства имущества. Правда, Зиновьев сознался, что не один раз бил землепроходца, заметив, что имел на это «основание»: Хабаров хотел против него бунтовать и подбивал на это других. Что касается взяток, то, по словам Зиновьева, Хабаров ему их давал «добровольно», откупаясь от поездки в Москву.

Жалоба Хабарова и вина Зиновьева были настолько очевидны, что суд довольно скоро разобрался в сути дела и уже 13 июня 1655 г. вынес приговор: в действиях Зиновьева по отношению к Хабарову усмотреть злоупотребление служебным положением и намерение обобрать и оклеветать землепроходца. Но поскольку в служебной карьере Зиновьева такой случай произошел впервые, суд ограничился вынесением в его адрес предупреждения,

что «если он, Дмитрий, и впредь, будучи у государева дела, учнет делать также, то ему быть в смертной казни»⁶².

Что касается имущества, отнятого у Хабарова, то Зиновьев его должен был вернуть. В опечатанной в Енисейске и привезенной в Москву «коробье», по оценке Афанасия Гусельникова «с товарыщи», оказалось мехов на сумму в 2416 руб. 15 алтын 2 деньги. Из них меха, отнятые у Хабарова, со слов последнего, оценивались в 1500 руб. При разборе меховой казны Хабаров опознал своей рухляди только на 964 руб. Остальную Зиновьев успел куда-то «разметать», еще не доезжая до Енисейска. Однако Зиновьев признал право Хабарова только на поношенные вещи. Стоимость мехов и меховых изделий, возвращенных им Хабарову по суду, составила всего 562 руб. Некоторые из них Зиновьев возвращал Хабарову уже не в том виде, в каком он их взял: из одеяла лисьего он успел сшить шубу, а из собольих хвостов — ферези (мужское длинное платье с длинными рукавами без воротника и пояса). Полученные по суду меха Ерофей Павлович в тот же день отнес окольниковому Соковнину, должником которого он был.

В составе опечатанной казны имелась и спорная рухлядь, на которую одновременно претендовали и Хабаров, и Зиновьев. Она оценивалась в 402 руб. Право на ее владение решалось «по вере», или крестному целованию. Клятва на кресте в ходе судебного разбирательства рассматривалась в то время как доказательство правоты. Трижды поцеловав крест, «Дмитрий веру взял себе на душу» и получил спорные меха. Хабаров мог также трижды поклясться на кресте и продолжить спор дальше. Но он не пошел на это. Будучи разоренным Зиновьевым и оставаясь должником Соковнина, он испытывал такие материальные лишения и нужду, что больше не решился искать правды. Дальнейшая судебная волокита стоила бы ему новых материальных издержек, а главное — физических увечий. Ведь по Соборному Уложению 1649 г., если стороны не приходили к соглашению после клятвы, истина устанавливалась путем пытки. Пытали истца и ответчика. Зиновьев, как дворянин, мог поставить вместо себя на пытку крепостного человека, а Хабаров этого сделать не мог и подвергся бы пытке лично. Чтобы не быть еще и изувеченным, он не стал настаивать на продолжении процесса и 3 сентября 1655 г. сообщил судье Куракину о своем примирении с Зиновьевым и отказе от каких-либо претензий на спорные меха.

5 июня 1655 г., по совету дьяка Протопопова, который сочувственно относился к землепроходцу, или, как писал Зиновьев, «друзжил ему», Ерофей Павлович Хабаров обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной об официальной поверстке (зачислении) его в службу «в тот чин, в какой он пригодится» (т. е. в какой сочтут нужным).

Дело в том, что назначение Хабарова в свое время Францбековым на должность приказного не было равноценным его зачислению в какой-нибудь служебный чин. Отставленный от

должности приказного, он вновь возвращался в свой первоначальный статус — становился земледельцем и промышленником.

К челобитной Хабаров приложил подробный послужной список, начав его с указания на поиск пашенной земли и соляных залежей на Лене и Вилюе, организации им земледелия и соледобычи. Рассказал он о подъеме на свои деньги людей, «которые для прибыли государевой проведаль новую Даурскую землю». Главный итог своей предшествующей жизни он выразил словами: «...ясак собрал с дауров, дючеров, наток и гиляков. И тех земель моего взятъя аманаты от меня в тех землях... остались под государевою высокою рукою и впредь с них на государя ясак ежегод пойдет!»

В этой же челобитной Хабаров писал, что казна не расплатилась с ним за нанесенные ему в свое время убытки. Ему так и не вернули 500 руб. денег в зачет незаконно отнятых Головинным пашни и соляной варницы, хотя положительное решение Сибирского приказа об этом имелось. Ничего не получил Хабаров и за 3 тыс. пудов хлеба, занятого у него Головиным на якутские нужды в неурожайном 1641 г. Вместе с тем, не расплатившись с Хабаровым, казна требовала от него возвращения более чем 4 тыс. руб. денег, которыми оценивалось снаряжение экспедиции, взятое им в долг.

Сибирский приказ удовлетворил челобитную Хабарова лишь частично. Он признал служебные заслуги Ерофея Павловича и поверстал его в дети боярские, установив ему годовой оклад в размере 10 руб. денег, 10 четвертей ржи, 10 четвертей овса и 1,5 пуда соли.

Чин сына боярского был низшим в иерархии чинов феодалов, или, как их тогда называли, служилых людей по отечеству. Простойка детей боярских в составе феодального класса в XVII в. была довольно заметной. Чин переходил от отца к сыну или ближайшему родственнику. Но в Сибири, особенно Восточной, служилых людей по отечеству в середине XVII в. было еще мало. Видя в их лице свою опору, правительство практиковало здесь зачисление в чин детей боярских лиц, занимающих командные стрелецкие или казачьи должности. Такая политика осуществлялась до конца XVII в., несмотря на то, что уже к середине XVII в. в более обжитых районах Сибири появилась тенденция наследственного замещения этих чинов. Случай зачисления Хабарова в дети боярские минуя казачью или стрелецкую службу был большой редкостью даже для Сибири.

Что же касается второй просьбы Хабарова, то Сибирский приказ ее игнорировал. Он даже не считал возможным уменьшить долг землепроходца казне.

В Москве Хабаров, очевидно, находился до осени 1655 г. Как раз 20 августа 1655 г. в Сибирском приказе был решен вопрос об организации Амурского воеводства и назначении туда первым воеводой Афанасия Пашкова, занимавшего до того воеводскую должность в Енисейске. Несомненно, что в процессе подго-

товки этого вопроса Сибирский приказ получал кое-какие советы и у Хабарова. Доказательство тому — упоминание его имени в наказной памяти, составленной для Пашкова.

Однако самого Хабарова на Амур больше не отпустили. Он должен был ехать в Илимск, в гарнизон которого был зачислен. В столице считали, что Ерофей Павлович закончил свою миссию на Амуре и теперь управление присоединенным им краем должно быть передано царскому воеводе, перевод которого из Енисейска в Даурию намечался на весну 1656 г.

По пути из Москвы в Сибирь Ерофей Павлович заехал в Устюг Великий, где он оставил часть своего товара. Какое-то время он занимался там своими торговыми делами, расплатился с окольным Соковниным и другими заимодавцами, а затем, затосковав по сибирским просторам, вновь вернулся на Лену.

СУДЬБА ХАБАРОВСКОГО ВОЙСКА

Что же происходило на Амуре в это время? Хабарова не покидали мысли об оставшихся товарищах, и не будь он неожиданно отозван в Москву, их судьба стала бы его судьбой.

После отъезда Хабарова Онуфрий Степанов собрал войсковой совет. Было решено плыть в устье правого притока Амура — Сунгари. Здесь надеялись раздобыть хлеб и строевой лес, сделать 5—6 дощаников, разместить на них 180 служилых людей — годовальщиков, оставленных Зиновьевым, и хлеб. Поход оказался удачным. Хабаровцы получили у дочеров хлеб, собрали с них большой ясак, нарубили лес, соединили его в плоты и двинулись вниз по Амуру.

Не доплыв до Гиляцкой земли, они зазимовали. Зимовку заполнили пушной и рыбный промыслы, а также сбор ясака. Его собирали и с вновь присканных дочерских родов, и с тех из них, кто его вносил уже 3—4 года. Правда, без ясачных книг, увезенных Зиновьевым, отличить старых и новых плательщиков ясака было трудно, и дочерам верили на слово.

Весной, когда Амур очистился ото льда, хабаровцы построили новые, починили старые дощаники и пошли вверх по его течению. 20 мая недалеко от устья Сунгари они встретили отряд из 52 человек по главе со служилым человеком Михаилом Артемьевым Кашинецем. Впервые Кашинец появился в отряде Хабарова в 1650 г. В 1652 г. он был послан с Амура с отписками в Якутск. Теперь Кашинец привел подкрепление. В его отряде оказались два казака, отпущенных в сентябре 1653 г. Онуфрием Степановым в качестве провожатых Зиновьева от устья Зеи до Тугирского волока. Они рассказали, что зазимовали на Тугирском волоке, а весной 1654 г. по приказанию Зиновьева вместе с остальными провожавшими его амурскими казаками отправились обратно к Степанову. Порох и свинец Зиновьев так с ними и не послал, а только дал отписку для Степанова. В пути казаков постигла бе-

да. Их утлое суденышко, затертое в устье Урки льдом, перевернулось. В водовороте утонули 6 человек, в том числе и тот, у кого была отписка. Из ледяной воды чудом удалось выбраться только Втору Теленкову и Ивану Юрьеву. Голодные и замерзшие, они кое-как связали в плотишко несколько бревен и, вверив себя судьбе, пошли вниз по течению Амура. Здесь их заметили и подобрала люди Кашинца.

Этой же весной к хабаровцам присоединилось 30 енисейских казаков, строивших по поручению Петра Бекетова Нерчинский острог. Свой приход в отряд казаки объяснили тем, что у них кончились хлебные запасы и начался голод. Онуфрий Степанов, заинтересованный в численном росте отряда, принял их. Вместе с енисейскими казаками отряд стал насчитывать 502 человека.

20 мая 1654 г. отряд вошел в Сунгари для сбора ясака и пополнения хлебных запасов. 16 дней продолжалось это плавание. Только три дня дул попутный ветер, и тогда «бежали под парусом». Остальное время шли на веслах против течения, «с великою нужою». Как и осенью 1653 г., с дючерского населения собрали большой ясак.

Дючеры же предупредили казаков, что навстречу им по Сунгари идет регулярное маньчжурское войско, спешно посланное из Нингуты по распоряжению военного наместника Шархуды. Встреча с войском произошла 6 июня 1654 г. Богдойская большая ратная сила была вооружена «огненным стройным боем» — пушками и пищалями. Конники шли берегом, а нешие плыли навстречу хабаровцам в легких стругах.

Войско делилось на роты, которые имели своих командиров. У каждой роты было знамя своего цвета: белого, черного, красного, желтого. Цвету знамени соответствовал цвет формы воинов, сшитой из камки. Такого же цвета на щитах у воинов были набиты «искряки» — сверкающие эмблемы в виде драконов.

Маньчжуры поставили свою артиллерию под прикрытие срочно построенных береговых укреплений и из-за них стали обстреливать русскую флотилию. Ядра их пушек летели на расстояние 2 и более верст. 3 русские пушки ударили ответным огнем. Не рискуя подставлять борта крупных судов под пушечные выстрелы, хабаровцы пересели в легкие струги и отогнали неприятельские лодки, заставив маньчжурскую пехоту высадиться на берег. Маньчжуры укрылись за ранее подготовленными турами и рвами. Казаки попытались выбить их из-за укреплений. Несколько раз они ходили в атаки, надеясь в рукопашном бою выиграть сражение. При штурме многие из них были жестоко переранены. Так как соотношение людской силы было не в пользу казаков, а порох и свинец подходили к концу, они сели в дощаники и отошли на Амур.

Через некоторое время в Дючерской земле к отряду присоединилось 16 служилых и 12 вольных казаков — всего 28 человек, во главе с сыном боярским Петром Бекетовым, пришедшим на Амур по Шилке. Все лето казаки собирали ясак среди дючерско-

го населения. 2 августа 1654 г. с Амура, минуя Якутск, ими были отправлены в Москву отписки и ясачная казна — 28 сороков соболей, 6 шуб собольих, 2 лисицы черные. В составе лиц, сопровождавших оказию, был брат Ерофея Никифор. С большим трудом он отпросился у Онуфрия Степанова хлопотать о жалованье, которое ему не выплачивалось с 1651 по 1654 г. Но главной причиной отъезда было желание узнать о судьбе брата и при случае помочь ему.

Осенью 1654 г. от дочеров Онуфрию Степанову стало известно, что по приказу богдойского царя в устье Сунгари вновь появилось 3-тысячное маньчжурское войско. Ходили упорные слухи, что зимой оно будет доведено до 5 тыс. человек, а может быть, и больше. Обстановка осложнялась еще и тем, что на протяжении 1654—1656 гг. администрация Нингуты, угрожая амурскому населению очередным погромом, стала насильственно переселять сначала дауров, а затем дочеров и гогулов на территорию Маньчжурии. Как отмечает Г. В. Мелихов, в этот период политика угона населения маньчжурами приняла новый аспект. Угоны совершались уже не только ради умножений живой силы своих войск. Маньчжурские правители полагали, что если на Амуре не будет хлеба и людей, платящих ясак, то этот район потеряет для России всякое значение и русские его покинут. Однако маньчжурская администрация не учитывала, что для России главный смысл приобретения Приамурья заключался не просто в получении ясака и, следовательно, в эксплуатации коренного населения, а в первую очередь в хозяйственном освоении этого края: постройке городов, заведении хлебопашества, добыче полезных ископаемых, развитии промыслов, ремесел, торговли. И подобно тому, как это было повсеместно в Сибири, коренное население Амура обязательно втянулось бы в процесс разносторонней хозяйственной деятельности, причем без какого-либо давления со стороны русских. Освоение русскими Амура было уже начато и продолжалось, несмотря на большие внешнеполитические трудности, создаваемые постоянной угрозой маньчжурских вторжений.

С фактом переселения дочеров в Маньчжурию Онуфрий Степанов впервые столкнулся, выясняя сведения о судьбе посланников Третьяка Чечигина и его товарищей, которых должны были проводить до маньчжурских рубежей дочерские князьцы Ортока и Есюня. Как выяснилось от очевидцев, в обстановке угроз, запугивания и сгона населения со стороны маньчжуров дочерские князьцы не рискнули показать свое расположение к русским, «вести богдойскому царю про посланников не дали» и убили Третьяка Чечигина, Василия Панфилова, Ивана Шипулина, Василия Иванова и Томила Васильева у себя в улусе. Грамота, отправленная с ними к царю Шамшакану (императору Шуньчжи), так и не была доставлена по назначению.

Хабаровцы, прибывшие в улус, уже не нашли князьцов на старом месте, потому что к тому времени они были угнаны в Маньчжурию. Но в пустых юртах казаки обнаружили «тех слу-

живых людей государевых посланников убитых. . . многие признаки. . . : зипунные и штанные и рубашечные и чулочные и сапожные и вершечные обрески, да их же убитых нашли котлы и топоры и сковоротку, и нож и от лядунок наконешники и от натрусок обойки, и от поясов пряжи и запряжники и наконешники и выбойки от пологу, и заболташи пулешные. . .»⁶³.

Летом 1654 г. Онуфрий Степанов в одной из отписок сообщал, что хлеба на Амуре теперь стало мало, «потому что которые иноземцы жили по Амуру, и тем иноземцам богдойский царь хлеба сеять не велел, а им, иноземцам, велел сойти к себе на Наун, а иные многие даурские люди на Наун сошли по его велению». Через некоторое время он снова писал в Сибирский приказ, что не нашел на Сунгари дючеров, ранее вносивших государю ясак, потому что «иноземцов, даурских и дючерских людей, богдойский царь велел свести с Великия реки Амура и с низу Шунгала (Сунгари. — Г. Л.) в свою Богдойскую землю. . . , а житья их и юрты богдойский князец Сергудай (Шархуда. — Г. Л.) сожег и до конца разорил. И по улусам, где были пашни, и те улусы пусты и выжжены и севов нет, хлеба не сеяно нигде нисколько»⁶⁴.

Убийство Чечигина и его товарищей, сведения о появлении в устье Сунгари войска, насильственный угон населения показывали, что зима 1654—1655 гг. будет очень тяжелой.

Как сказано выше, Зиновьев приказал Онуфрию Степанову к зиме поставить 3 острога и «засесть в них до государева указа». Однако, сообразуясь со своими возможностями и внешне-политической обстановкой, Степанов не мог разделить войско. Этим бы он оказал маньчжурам большую услугу, дав им возможность по частям разбить отряд. Кроме того, для обороны трех острожков у Степанова не было соответствующего военного наряда — пушек и пищалей. Наряд из одной медной полковой большой пушки и двух пушек малых железных, полученный еще в 1650 г. Хабаровым, так и не был пополнен ни единым стволом до конца пребывания Степанова на Амуре.

Поэтому войско сочло целесообразным силы не дробить, ставить один острог, учитывая при этом его максимальную безопасность и возможность добыть продовольствие. Такое место казаки облюбовали на правом берегу Амура в устье реки Кумары (Хумархэ), по имени которой называли свой острог Кумарским. Со строительством острога приподнялись. Его ставили 2 ноября «по снегу в самый замороз». К этому времени земля уже основательно замерзла. Вместо рубленых стен острог имел врытый в землю двойной стоячий бревенчатый тын. Угловые башни заменили «быками» (контрфорсами). Для лучшего ведения верхнего и нижнего (исподнего) боя в стенах были прорублены бойницы. Чтобы укрепить тын и предохранить его от пушечных ядер, между бревнами засыпали хрящ «с нижнего боя до верха». Вокруг рва набили деревянный чеснок (частокол) из толстых бревен, а между ними скрыли «чеснок железной опотайной», для которого использовали даже вражеские стрелы, воткнутые в землю.

Внутри острога, на случай длительной осады, выкопали колодец. От него проложили деревянные желобы, расходящиеся на четыре стороны для подачи воды к стенам, на тот случай, если неприятель их подожжет. Внутри острога нарубили раскат, куда вкатили пушки. У стен поставили «козы железные» и котлы, в которых ночью жгли смолье для освещения окрестностей и предотвращения скрытого подхода врага и ночного приступа. Чтобы сбрасывать со стен вражеские лестницы и отбивать щиты, в острог принесли все судовые мачты и «дощаничное деревье высокое». Для навалного приступа у стен были поставлены кадки, вероятно, с кипятком или смолой. Командовал возведением оборонительных сооружений известный в Сибири градостроитель сын боярский Петр Бекетов. Как видим, казаки приняли все меры предосторожности, и они оказались не лишними.

Ранним утром 13 марта 1655 г. из острога в ближний лес за дровами (по другой версии — за рыбой) вышло 20 человек во главе с Иваном Теленком. В лесу они были схвачены засевшим там передовым маньчжурским отрядом. На их выручку из острога бросилось несколько десятков казаков. Но они опоздали. Их товарищи были перебиты. В это время показалось основное маньчжурское войско. В нем было 10 тыс. человек, набранных, по сообщению русских источников, «из пяти земель». Среди воинов казаки видели дауров и дючеров, до того принявших российское подданство, плативших ясак царю, а теперь насильственно переселенных в Маньчжурию. Мужчин пригнали воевать к Кумарскому острожку, а их семьи оставили в качестве заложников.

Войско подошло организовано, построенное поротно. Вооружение состояло из 15 пушек, многих пищалей и всяческих «приступных хитростей». Здесь были лестницы, на одном конце с колесами, на другом — с гвоздями и крючьями, щиты деревянные на колесах, щиты, обитые войлоком и с баграми железными, арбы, нагруженные дровами, бочками со смолой и соломой для зажигания стен, «мешки с порохом длиной в 15—20 саженей, толщиной в оглоблю», которые подкладывались на большом участке под стену и взрывались, и даже какой-то еще неизвестный русским «острог копейчатый». Общее командование войском осуществлял фудутун Мингъандали. Помогал ему князец Тагудай прозвищем Ежер.

Онуфрий Степанов имел в отряде не более 513 человек. Костяк отряда — 250 человек составляли казаки, служившие в свое время с Хабаровым. С ними в осаду сели 160 служилых людей-годовальщиков, набранных в Тобольске, Тюмени, Верхотурье, Сургуте, Туринске, Верхоленске и пришедших с Зиновьевым, а также 45 казаков из отряда Кашинца и 58 казаков из Енисейска (из них 28 человек пришло с Бекетовым). Вооруженному до зубов 10-тысячному войску и его 15 пушкам они могли противопоставить 3 пушки, сотню пищалей, холодное оружие, хитроумную фортификацию своей крепости, военную смекалку да отчаянную храбрость.

Сначала маньчжуры предложили казакам сдаться. Они послали переводчика, который зачитал им указ маньчжурского наместника. В награду за измену и переход на сторону неприятеля казакам сулили сытую жизнь в Маньчжурии, жалование «златом и серебром», «женок прелестных и красных девиц». Однако, «не прельстясь ласковым словам и посулам», казаки со стены своей крепости дружно закричали в ответ, чтобы богдойское войско отъезжало прочь от Кумарского острога.

Видя, что испугать или подкупить казаков невозможно, маньчжуры стали готовиться к штурму. Свои 15 пушек они расставили по окрестным холмам и открыли из них огонь. Одна из батарей, оснащенная несколькими орудиями, находилась на сопке высотой в 40 сажений на противоположной стороне реки и оттуда на расстоянии 450 сажений простреливала берег, затрудняя тем самым казакам подступы к воде. Остальные батареи стреляли по городу на расстоянии 150 сажений. После кругового артиллерийского обстрела маньчжуры бросились на приступ, но были остановлены ответным огнем.

В течение следующего времени вплоть до 24 марта город днем и ночью подвергался систематическим бомбардировкам, чередующимся с приступами. 20 и 24 марта были для его защитников особенно тяжелыми. 20 марта маньчжуры смогли настолько приблизиться к городку, что установили свою батарею на расстоянии 70 сажений. Оттуда они осыпали осажденных не только пушечными ядрами, но и специальными зажигательными снарядами, прикрепленными к стрелам. Однако, несмотря на, казалось бы, безвыходное положение и бессмысленность сопротивления, русские упорно отстреливались и постоянно наносили неприятелю урон в живой силе.

24 марта после оглушительной канонады, которая продолжалась день и ночь, маньчжуры предприняли самый жестокий «навалный» приступ. Они взяли городок в кольцо, чтобы «давом его задавить». В этот день они придвинулись вплотную к надолбам и, прислонив к ним свои щиты, стали вести прицельный огонь по стенам и бойницам. Сюда же были стянуты арбы с зажигательными материалами, лестницы и прочее приступное оборудование. Однако бросившиеся было между надолбами по команде Тагудая маньчжуры «покололись на чеснок». Произошла заминка. Пока враги разбирались, в чем дело, казаки предприняли неожиданную вылазку, отогнали неприятеля, отбив у него 2 пушки, множество приступных снарядов и захватив несколько пленных из числа раненых. В тот день маньчжуры понесли самый значительный урон в живой силе. Всю ночь под прикрытием темноты они собирали трупы, свозили их к себе в лагерь и там, по своему обычаю, сжигали.

Многие из них тогда не могли не вспомнить Ачанский городок, под которым они также потерпели поражение от хабаровского войска. Вторая крупная неудача еще раз убедила маньчжурское командование в прочности русских оборонительных со-

оружий, непреклонности их защитников, которые, по отзывам неприятеля, «были храбры как тигры и искусны в стрельбе».

Позже, анализируя сражения под Ачанским и Кумарским острожками, маньчжурские военные специалисты признают, что «прежде, когда русские построили в Учжала деревянный город (имеется в виду Ачанский городок) и жили в нем, нингутаский фудутун Хайсэ напал на них, но потерпел неудачу. Впоследствии русские воздвигли еще город в устье реки Кумары, и Мингъандали атаковал его, но не взял. С этих пор русские придают большое значение деревянным городам и считают, что могут сидеть в них без опасения»⁶⁵.

Потеряв надежду взять Кумарский городок приступом, маньчжурское командование отдало приказ о его правильной осаде. Враги порубили и сожгли русские дощаники, отрезав казакам речной путь к отступлению. Свой лагерь они расположили в 450 сажнях, окружив городок плотным кольцом и обстреливая его днем и ночью пушечными ядрами и зажигательными снарядами. Таким путем враг рассчитывал задушить защитников голодом и принудить их к сдаче. Но продовольствие кончилось не только у осажденных, а и у осаждающих. Маньчжурские базы были за сотни верст от места военных действий, а подвоз продовольствия неприятель организовать не смог. 4 апреля, простояв у Кумарского острога ровно 3 недели, так ничего и не добившись, Мингъандали отдал приказ об отступлении. Перед уходом маньчжуры «пометали в воду порох и верховые огненные заряды», а тяжелую кучную одежду (панцири) сожгли⁶⁶.

На поле боя хабаровцы собрали 730 пушечных ядер, несколько сотен стрел, десятки огненных зарядов. Войсковым мастерам снова предстояло переплавлять трофейный металл в ядра для своих пушек. Но войсковой порох и свинец были на исходе. К концу подошел продовольственный запас, и питаться приходилось «с великою нужою».

Из Кумарского острога Степанов отправил в Якутск подробную отписку о зимовке и сражении, образцы трофейных пищалей, стрел с огненными зарядами и надписями, оговорив, что надписей прочесть не сумел никто. Хабаровцы просили якутского воеводу прислать подкрепление, а также бумагу, «чтобы было на чем ясашные книги писать».

На протяжении 1655—1658 гг. освоение русскими Амура и его притоков продолжалось. В июле 1655 г., разделив отряд, Онуфрий Степанов одновременно собирал ясак на Сунгари и Уссури. Летом 1655 и зимой 1656 г. была собрана самая большая ясачная казна — 95 сороков 24 соболя, 62 шубы соболя, «а в них 23 сорока 39 пластин соболя», 56 пластин лисьих, 3 лисицы красные, 2 лисицы черные, 2 лисицы бурые и выдры.

Разобрать и оценить пушнину Степанов не мог: не было времени, оценщиков, смысленых подьячих. Он только запечатал ее своею печатью («три древка на печати, среднее велико, а два — менши») и вместе с ясачными книгами из устья Сунгари

22 июня 1656 г. отправил в Москву. Тогда же Онуфрий Степанов отправил в Москву двух китайцев, оказавшихся в дочерских улусах. Во время войны с Китаем их взяли в плен маньчжуры, а затем продали в рабство дочерам. Китайцы добровольно крестились в православную веру. Обряд крещения был совершен на Амуре в походной Спасской церкви. Вернувшись из Москвы, китайцы служили в составе нерчинского гарнизона в качестве переводчиков.

Степанов не терял надежды на присылку помощи. Большим ясаком, подкрепленным четкой документацией, он как бы подчеркивал непосильный объем работы, которую приходилось выполнять его маленькому отряду на громадной территории.

Между тем с 1654 г. между Россией и Речью Посполитой шла война за Украину и Белоруссию. В 1656 г. начинается война со Швецией. Проведение активной внешней политики потребовало максимального использования людских ресурсов и материальных средств. В сложившихся условиях правительство отказалось от набора и посылки на Амур 3-тысячного войска и выделения каких-либо средств для его переброски с запада на восток Сибири. Защита Приамурья планировалась за счет ресурсов самой Сибири.

После доклада Зиновьева в Сибирском приказе управление Забайкальем и Приамурьем возлагалось на воеводу Афанасия Филипповича Пашкова. К строительству острогов и дальнейшей обороне Приамурья новому воеводе предлагалось привлечь отряд Хабарова — Степанова. Уходя в Даурию, Пашков набрал 460 добровольцев из разных сибирских городов. Подавляющее большинство из них были новичками. И Пашкову как нельзя кстати пришелся бы отряд, прекрасно знавший район и неоднократно зарекомендовавший себя с положительной стороны в тяжелых испытаниях.

Онуфий Степанов узнал о назначении Афанасия Пашкова воеводой в Даурию, вероятно, осенью 1657 г. Весть эту принесли енисейские служилые люди Абрам Парфенов с товарищами. Годом раньше они были отправлены Пашковым вместе с сыном боярским Василием Колесниковым впереди основного отряда для вторичной постройки Шильского (Нерчинского) острога, возведенного в 1653 г. Уразовым и Бекетовым, но затем разобранного тунгусами. Парфенов бежал от Колесникова не доходя до Шилки, затем перебрался на Амур и стал служить в отряде Степанова. Из-за позднего времени Степанов не смог осенью 1657 г. идти на соединение с Пашковым. Зиму 1657—1658 гг. он провел в Гиляцкой земле в Косогирском (Косом) острожке.

Когда началась навигация, его отряд разделился для удобства сбора ясака. В середине июня Степанов отпустил 180 человек во главе с Климом Ивановым собирать ясак в дочерских улусах, а с остальными пошел дальше «для проводывания Афанасия Пашкова». Недалеко от устья Сунгари 30 июня 1658 г. Степанов наткнулся на маньчжурскую флотилию в количестве

47 бусов, вооруженную пушками и огнестрельным оружием. Флотилия появилась из засады, и ее нападение было неожиданным. Несколько русских судов сразу получили пробоины и пошли ко дну. Не пострадало только самое крупное судно, на котором размещалась походная Спасская церковь и которое в тот день почему-то шло последним. Спасаясь с тонущих судов, казаки стали высаживаться на берег. Но и здесь их ждала засада. В неравном бою погибли Онуфрий Степанов и 270 человек. В руки врагов попала ясачная казна — 87 сороков соболей и другая пушнина, а также имущество казаков и воинский наряд.

В тот роковой день удалось спастись 30 казакам, которые были на Спасском судне, 67 казакам, добравшимся вплавь до берега и успевшим уйти от преследователей в сопки. Избежали гибели и 180 человек, собиравших ясак в дючерских улусах. Эта партия встретила служилого человека Андрея Потапова с отрядом в 30 человек, посланных Пашковым с приказом о соединении сил. Казаки ответили, что сначала они отыщут оставшихся в живых товарищей, а затем, собравшись все вместе, пойдут под начало воеводы.

Все спасшиеся, которых оказалось 287 человек, собрались в Гиляцкой земле в Косом острожке. Своим атаманом они выбрали племянника Ерофея Хабарова — Артемия Филиппова Петриловского. Зиму 1658—1659 гг. отряд провел в Гиляцкой земле, собирая ясак с гиляков и дючеров. Весной 1659 г. часть отряда ушла в Якутск Охотским побережьем, а 227 человек двинулись вверх по Амуру. Сначала все хотели пойти служить к воеводе Пашкову. Но когда добрались до Кумарского острога «и взяла их хлебная нужда и изъял голод», планы у некоторых изменились. 110 человек из отряда пошли «для прокормления» на Зею, в надежде оттуда Алданом и Леной вернуться в Якутск. 107 человек во главе с Артемием Петриловским решили продолжать поиск Пашкова, предполагая встретить его в Албазине. Эта часть отряда, состоявшая главным образом из служилых людей, взяла под свою ответственность доставку государева ясака, собранного за предшествующую зиму: 17 сороков соболей, несколько лисиц чернобурых и черных. Но в Албазине Пашкова не было. Только увидели казаки, как мимо города «сверху по Амуру несло водою городской и острожной и башенной рубленой лес в плотах и врознь, а на плотах судовые снасти и шеймы». Они подумали, что Пашков погиб, и решили идти за Тугирский волок на Олекму. Как выяснилось позже, то, что атаман Петриловский и его товарищи приняли за конец Нерчинского острога, было его началом. Воевода Пашков, нарубив острожный лес в богатом строительным материалом месте, сплавлял его по Шилке к устью реки Нерчь. По пути плоты попали в водоворот. Одно из звеньев оторвалось и было унесено в Амур, где бревна увидели хабаровцы.

Дорога их была полна трудностей и лишений. Преодолевая Тугирский волок, они несли на себе ясачную казну, «ели губу и траву, и ягоды, и коренья». Кое-как соорудив суденышки, до-

брались они Тугирем, Олекмой и Леной до Илимского острога. Тамошний воевода Петр Андреевич Бунаков велел разобрать, оценить, запечатать и послать государеву ясачную казну вместе с отписками в Москву. В составе охраны шли 6 служилых людей из числа тех, кто вернулся с Амура: выборный войсковой атаман Артемий Петриловский и его товарищи казаки Иван Чебычаков, Сидор Тимофеев, Сидор Дементьев, Исаак Кириллов и Иван Григорьев. В Москву они прибыли в сентябре 1660 г. В Сибирском приказе их еще раз расспросили о положении дел в Даурии, судьбе хабаровского войска, а затем, удовлетворив челобитные, официально зачислили в гарнизон Якутска и заплатили жалованье за многие годы амурской службы.

В Сибирском приказе не без основания считали, что отряд Хабарова — Степанова сделал большое дело. На протяжении 1649—1659 гг. он освоил громадную территорию, привел в российское подданство местное население и собрал ясак, оцененный в 8654 руб. Присоединение Приамурья, начатое экспедицией Хабарова, привело к распространению на этой территории различных форм хозяйственной деятельности: пашенного земледелия, ремесел, промыслов. Местные жители, испытывавшие ужасы вторжений маньчжуров, разорение и угон в плен, увидели в российском подданстве единственную возможность сохранить свое существование. Присоединение Приамурья, несмотря на тяготы феодального гнета, в перспективе способствовало вовлечению населявших его народов в орбиту более прогрессивных социально-экономических отношений и контактов с русским народом⁶⁹.

Будущее показало, что, несмотря на временную неудачу в конце 50-х гг. XVII в., положение в Приамурье не изменилось в пользу маньчжуров. Приамурье стало частью учрежденного в 1655 г. Нерчинского воеводства, а в 1682 г. даже выделилось в самостоятельный Албазинский уезд.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХАБАРОВА НА ЛЕНУ

На Лену Ерофей Павлович вернулся в чине сына боярского примерно в 1658 г. Об этом свидетельствует наказная память якутского воеводы Михаила Ладыженского и дьяка Федора Тонкова, данная 31 июля 1658 г. якутскому сыну боярскому Федору Пушину, в которой о Хабарове говорилось как о человеке, уже приехавшем в Илимское воеводство.

Ерофей Павлович поселился на Киренге, в своей деревне, которую местные жители называли Хабаровой. Эту деревню вместе с мельницей, пашенными землями и сенокосами Хабаров в 1650 г., уезжая в Даурию, передал в пользование пашенному крестьянину Панфилу Яковлеву, который, согласно договору, должен был после окончания даурского похода вернуть ее обратно бывшему владельцу. Панфил Яковлев, как мог, поддерживал деревню, сохранил ее постройки, распахивал часть земель. В год

отъезда Хабарова в Даурию он обратился «вместо Хабарова» в Илимскую приказную избу и настоял на том, чтобы за деревней закрепили дополнительно пастбища, сенокосы и земли «для мельничного укрепления». Воевода Тимофей Васильевич Шушерин любил порядок во вверенном ему уезде. Он удовлетворил просьбу Панфила Яковлева, прислал межевщиков казачьего пятидесятника Кирилла Лебедева и таможенного целовальника Мартына Похорука, которые земли досмотрели и отвели, выдав на право их владением документ, так называемую «даную».

По возвращении Ерофей Павлович поставил вновь «двор, хоромы и всякое строение». Пашни площадью в 18 десятин стал пахать на Киренском лугу и на Байдановской и Русовской заимках, а сено — 200 копен — косить «по логам, около кустов и по озерам». Пастбищами служили низменные места, богатые травами. За пользование богатыми рыбными угодьями Ерофей Павлович платил оброк. За оброк он держал и две мельницы — одну на Чечуйском волоке, а другую, названную Панфиловской, против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною.

Как и у многих сибирских детей боярских, хозяйство Ерофея Павловича было поставлено на широкую ногу и носило многоотраслевой характер. В нем сеяли хлеб, выращивали скот, занимались мукомольным, скорняжным и кожевенным промыслами. В хозяйстве использовался труд нескольких зависимых людей, среди которых в 1667 г. Хабаров назвал половников (работавших за часть урожая). В страдную летнюю пору он нанимал работников. Из этих же людей вербовал к зиме артель покрученников, которых отправлял на соболиный промысел. Излюбленными местами охоты его ватаги стали реки Олекма, Тугирь, а также Тугирский волок и его окрестности. Но теперь Ерофей Павлович в передовщиках в тайгу не ходил. Служба, которую он выполнял, не терпела длительных отлучек.

Официальный чин сына боярского давал ему право на замещение приказной должности. Илимский воевода подыскал Хабарову место приказчика пашенных крестьян в Киренском присуде (административная часть уезда). Подведомственная Хабарову территория простиралась от устья Куты до Чечуя и включала несколько десятков больших и малых деревень.

Ерофей Павлович считался непосредственным представителем воеводской власти над крестьянами, а его полномочия, определявшиеся воеводской наказной памятью, были очень широкими. В первую очередь он наблюдал за государевым хозяйством, которое включало казенную десятинную пашню и обрабатывающих ее крестьян. Хабаров принял их у своего предшественника, измерил десятинные ржаные поля, выяснил, все ли крестьяне их пахут и нет ли среди них уклоняющихся от этой работы. Его заботой было то, чтобы казенная пашня пахалась «намяткою», была огорожена и скот ее не травил и не топтал, чтобы десятинный хлеб убирался с полей вовремя, был жат «чисто», вязан в ровные снопы и высушен «без росы» сначала в мелких копнах, а за-

тем в скирдах на сухих угожих местах, чтобы снопы, привезенные с поля в государевы овины, не уменьшались в объеме и крестьяне казенным хлебом не корыстовались.

Как приказной он вмешивался и в личное крестьянское хозяйство. Его опытный глаз сразу замечал беспорядок, и он требовал от крестьян, чтобы они работали старательно.

Хабаров нес ответственность за моральные устои и общественную благонадежность крестьян. Он должен был пресекать азартные игры, пьянство, которые могли разорить крестьян и сделать их неспособными для работы на казенном поле, а также следить за тем, чтобы крестьяне не заводили воровских бунтов, кругов и антиправительственных разговоров. Как и любой приказчик, Ерофей Павлович мог судить крестьян в исках до 10 руб., а иногда и выше. Нарушителей имел право арестовывать, допрашивать, по малым винам смирять батогами и штрафами, а по большим — отправлять в Илимск на воеводский суд и расправу.

Конечно, одному человеку досмотреть всех крестьян большого присуда было не под силу. Поэтому у Хабарова были помощники из представителей крестьянской выборной администрации: старосты, десятские, сотские, целовальники. Из киренского гарнизона ему помогали служилые люди и писец («пищик»).

Вспоминал ли в этот период жизни Ерофей Павлович свою амурскую эпопею? Мечтал ли о возвращении в Даурию? На эти вопросы можно ответить утвердительно. К нему в деревню и в Киренский острожек неоднократно приезжали бывшие соратники. Вместе с ними Хабаров перебирал в памяти эпизоды бывшего похода и погибших товарищей, говорил об оставшихся в живых. А свидетелей славных подвигов было немало. Он знал, что некоторые из его полчан, добравшись кто Тугирем и Олекмой, а кто Зеей и Алданом на Лену, осели в Якутске и служили там под началом его племянника атамана Артемия Петриловского. Кое-кто из них был зачислен и в состав илимского гарнизона. В Нерчинске поступил на службу к воеводе Пашкову друг и соратник Ерофея Павловича Дружина Попов, поверстанный за даурский поход, как и Хабаров, в сыновья боярские. Там же, в нерчинском гарнизоне, начали служилую карьеру дети и внуки Попова. В 1661 г. к Хабарову на Киренгу пришла ошеломляющая весть от илимского воеводы Тихона Вындомского, сообщившего, что Афанасий Пашков объявил о розыске 17 казаков, когда-то служивших в отряде Хабарова — Степанова и теперь во главе с Абрамом Парфеновым ушедших из Нерчинска реками Шилкой, Амуром, через Тугирский волок, возможно, в Илимск или Якутск.

В то время Сибирь жила не только рассказами об Амуре, но и песнями о нем. Они вошли в быт сибиряков, будучи распространенными участниками отряда Хабарова — Степанова от Охотского побережья до уральских пределов. Одна из них — «Во сибирской во украине, во Даурской стороне» воспевала героическую оборону от богдойского войска Кумарского острога. Песня эта была настолько популярна в казацкой среде, что ее не забыли

даже через 100 лет. Около 1742 г. песню записал известный собиратель русских былин Кириша Данилов (Кирилл Данилович):

Во сибирской во украине,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной на Амуре-реке,
На устье Комары-реке
КазакИ царя белова
Оне острог поставили,
Есак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячия.
Круг оне острогу Комарскова
Оне глубокий ров вели,
Высокий вал валили,
Рогатки ставили,
Чеснок колóтили,
Смолье приготовили.
По утру рано-ранешонько
Ровно двадцать пять человек
Выходили молодцы оне
На славну Амуре-реку
С неводочками шелкóвыми
Оне по рыбу свежую.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы.
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкова,
С хребта Шингальскова,
Из-за белова камня,
Из-за ручья глубокова
Выкоталось знамечко бóльшее;
И знамя за знаменем идет,
И рота за ротами валит,
Идет боидоской князец,
Он со силою поганю
Ко острогу Комарскому.
Как вешняя вода
По лугам разлилася,
Облелеила сила поганая
Вокруг острогу Комарскова,
Отрезали у казаков
Ретиво сердце с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковомИ
И с рыбою свежую.

А и ездит боидоской князец
На своем на добром коне,
Как черный ворон летает
Круг острогу Комарскова,
Кричит боидоской князец
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтеся, казаки,
Из острогу Комарскова!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром
Да и женски прелестными,
А женски прелестными
И душами красны девицы!»
Не сдаются казаки,
Во остроге сидечи.
Кричат оне, казаки,
Своим громким голосом:
«Отъезжай, боидоской князец,
От острогу Комарскова!»
А втапоры боидоской князец
Со своею силою поганю
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
КазакИ оне справилися,
За ружье сграбелися,
А были у казаков
Три пушки медныя,
А ружье долгомерное.
Три пушечки гинули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили оне, казаки,
Тое силы боидоские,
Тое силы боидоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался боидоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарскова,
А сам заклиняется:
«А не дай, боже, напредки
бывать!»
На славной Амур-реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена
крепкая
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

Вне всякого сомнения, песню сложил кто-то из соратников Хабарова и Степанова, и она была хорошо известна Ерофею Павловичу. Песня могла напоминать знаменитому землепроходцу о его победе, одержанной над богдойскими войсками под Ачанским острогом.

Казалось бы, Хабаров добился многого. Но тем не менее он снова стал объектом преследования со стороны воеводской администрации. Едва Ерофей Павлович вернулся из Москвы, как в Якутск к воеводе Михаилу Ладыженскому из Сибирского приказа пришла грамота с требованием взять его из Киренского острога и отвезти на Тугирский волок для поиска спрятанного там в свое время пороха и свинца. Найденную казну нужно было срочно переправить с Тугирского волока по рекам Урке, Амуру и Шилке в Нерчинск к воеводе Пашкову. Для сопровождения Хабарова от Киренска до Тугирского волока назначался якутский сын боярский Федор Пуцин с 30 казаками. В наказной памяти, данной Пуцину Ладыженским, указывалось, что при обнаружении казны можно было отпустить Хабарова в Киренский острог, в противном же случае — препроводить его под надзором в Якутск для дачи объяснений.

Так Хабаров еще раз повторил путь до Тугирского волока, лишь немного не добравшись до Амура. Но поездка оказалась безрезультатной. На волоке он не нашел ни государевой казны, ни своего имущества — сошников, кос и серпов. Этого следовало ожидать. Порох и свинец, со слов Зиновьева, весили около 80 пудов (1280 кг). Спрятать незаметно этот груз одному человеку было невозможно. Хабаров должен был обратиться к помощи тех, с кем шел с Амура. Значит, о месте нахождения государевой казны знал не он один. Кроме того, через Тугирский волок ежегодно проходило на Амур и обратно много людей, и кто-то из них мог случайно наткнуться на склад боеприпасов. Но всю ответственность за сохранность казны возложили на Хабарова. И сын боярский Федор Пуцин повез его под охраной с Тугирского волока в Якутск к разрядному воеводе.

На обратном пути имел место любопытный случай. Где-то на Олекме, а может быть и раньше, к отряду пристал Федька Серебряник, который был рудознатцем, служил в войске Хабарова, а теперь ходил из Илимска на Тугирский волок и верховья Амура как покрученник Хабарова. Федька был старателем и вез в мешке несколько образцов руды. Сначала они попали в руки к Хабарову, и тот признал, что руда, пожалуй, серебряная. О находке узнал Федор Пуцин. Она его очень взволновала, потому что он был знатоком серебряных руд и, начиная с 1655 г., якутские воеводы именно ему поручали искать серебро на Амуре. Пуцин тотчас же послал вперед своего отряда казака к якутскому воеводе и просил его приказа привезти Федьку в Якутск с тем, чтобы перехватить у илимского воеводы приоритет открытия в верховьях Амура серебряной руды. Чем окончилась тогда эта история с серебром и Федькой, нам пока не известно, но что касается Ерофея Павло-

вича, то его под охраной доставили в Якутск. Здесь Хабарову пришлось долго объяснять воеводе, что во время своей поездки в Москву он никак не мог воспользоваться казной на Тугирском волюке и что ею поживился не он, а кто-то другой.

Тогда воевода потребовал от Хабарова уплаты 4850 руб. 2 алтын денег, которыми оценивалось снаряжение экспедиции, взятое землепроходцем из казны в 1649 и 1650 гг. Хабаров платить было нечем. И воевода отписал у него в казну чечуйскую мельницу, стоимость которой составила 330 руб. Таким образом, долг снизился до 4550 руб. Кроме того, по указанию якутской администрации, на олекминской заставе была перехвачена ватага покрученников Хабарова. Добытых ею 2 сорока 28 соболей воевода в счет долга грозил забрать в казну. Перед Ерофеем Павловичем нависла угроза правежа, конфискации деревни Хабаровки и полного разорения.

С большим трудом землепроходец уговорил якутского воеводу предоставить ему возможность выплатить долг частями. Сошлись на том, что отныне Ерофей Павлович будет ежегодно посылать в Якутск в счет долга по 1000 пудов хлеба из своего хозяйства, а якутский воевода — беспрепятственно пропускать покрученников Хабарова на олекминский промысел и не посягать на добытых ими соболей. Но в обеспечение договора воевода потребовал от Хабарова поручительства надежных людей, которые бы согласились нести за него материальную ответственность. Таких людей Ерофей Павлович обещал найти в Илимске и упросил воеводу отпустить его туда. Воевода согласился, однако вместе с землепроходцем отправил в Илимск пристава, а также Федора Пущина с казаками. Последним был отдан строгий приказ в случае невыполнения Хабаровым обещания привезти его снова в Якутск, но уже как арестанта.

Ерофей Хабаров слово сдержал. В Якутск Федор Пущин вернулся с добрыми поручными записями о Хабарове и тяжело нагруженными хабаровским хлебом дощаниками.

Кто из родных и близких окружал в те годы Хабарова? Известно, что он был женат еще до поездки в Мангазею. Жена его, Василиса, с остальными родственниками жила то в Соли Вычегодской, то в Устьюге Великом. В 1643—1644 гг., находясь в якутской тюрьме, Ерофей Павлович просил было отпустить его в Соль Вычегодскую к семье. В челобитной он перечислял жену Василису, дочь Наталью, племянника и племянницу, находившихся на его попечении. Ответ с разрешением главы Сибирского приказа Никиты Ивановича Одоевского пришел в Якутск в 1645 г. Но тогда Хабаров не поехал.

В 1650 г., вернувшись с Амура в Якутск за подкреплением, он написал челобитную с просьбой отпустить к нему из Устьюга Великого жену Василису, дочь Наталью, внука и племянников. Это было время, когда Францбеков благоволил Хабарову, и землепроходец надеялся на его содействие в устройстве своей семьи либо в Якутске, либо на Киренге.

Челобитную Хабарову, заверенную воеводой Францбековым и дьяком Степановым, подал в Москве 27 января 1651 г. ленский (якутский) пятидесятник Иван Кожин. Тогда же из отписки Францбекова в Сибирском приказе стало известно о походе Хабарова и занятии им нескольких даурских городков. Не без учета этого факта Москва удовлетворила просьбу землепроходца. На обороте его челобитной появилась помета (резолуция), сделанная одним из подъячих Сибирского приказа: «Приказал боярин и князь Алексей Никитич Трубецкой послать память в Устюжскую Четъ (приказ, ведавший Устюгом Великим. — Г. Л.), велел жену и сына (почему-то подъячий назвал дочь сыном), племянников и внука к нему отпустить и подводы до Сибири дать». Вероятно, пятидесятник Иван Кожин привез семью Хабарова в Якутск, захватив ее на обратном пути из Устюга Великого. В 1652 г. на Амуре, кроме уже находившихся там Никифора Хабарова и Артемия Петриловского, появились еще два «сродника» Ерофея Павловича.

Жена Ерофея Павловича, Василиса, умерла до 1667 г. — именно в этом году он наказывал старцам Усть-Киренского монастыря ее поминать. Старшая дочь Наталья в Сибирь приехала уже будучи замужем и имея детей. Один из сыновей Ерофея Хабарова, Андрей, после смерти отца числился илимским посадским человеком. В 1690 г. он за службу отца был поверстан в дети боярские по Илимску. В этом чине он служил до 1694 г., когда был вновь возвращен в посад. Но судьба Андрея прослеживается и дальше. Нам удалось восстановить, что, переехав в Якутск, он поступил в казачью службу. В 1706 г. он числился рядовым казаком с окладом 5 руб. 25 коп. денег, 4 четверти ржи, 2 четверти овса, 1 пуд соли в год. В якутском же гарнизоне продолжал службу сын Андрея, внук Ерофея Павловича Хабарова, Михаил Хабаров. В росписном списке Якутска 1759 г. он упоминался как сотник якутских казаков. Но у Ерофея Павловича был еще сын — Максим. Его имя встречается в 1706 г. в обнаруженной В. Н. Шерстобоевым поручной записи: «1706-го году мая в 22 день Криволучкой слободы пашенный крестьянин Василий Яковлев сын Кулебакин да Нижно-Киренской слободы пашенный крестьянин Максим Ярофеев сын Хабаров да Верхно-Киренской слободы пашенный крестьянин Фирс Иванов сын Москвитин поручились есми в Усть-Киренскую в судную избу по Нижно-Киренских пашенных крестьян по Флоре Ивановне сыне Москвитине да по Игнатье Максимове сыне Киселеве, что за нашу порукою им, Флору и Игнатью, на Балаханском лугу пахать великого государя десятинную пашню...» Таким образом, второй сын Ерофея Павловича Хабарова был в начале XVIII в. пашенным крестьянином Нижне-Киренской слободы, расположенной недалеко от деревни Хабаровки.

В 1667 г. дети Хабарова уже не жили с ним, так как к этому времени он их отделил. Почему Ерофей Павлович поторопился это сделать? Хабаров был должником государевой казны. Если

бы дети наследовали его деревню, они наследовали бы и его долг.

Похоронив жену, отделив детей, Ерофей Павлович стал реже бывать в деревне и, вероятно, сократил даже площадь своих посевов. Это послужило поводом для посягательства на его земли. Дело в том, что с момента основания Хабаровки (40-е гг. XVII в.) и до середины 60-х гг. реку Киренгу основательно заселили. У Хабарова появились соседи: крестьяне, служилые люди, а в 1663 г. — Усть-Киренский монастырь, основанный старцем Гермогеном. Теперь фонд свободной пашенной земли сократился и, как часто бывало в таких случаях, начались земельные споры. Один из соседей — пашенный крестьянин Кузьма Воронин в отсутствие Хабарова распахал и засеял его «порозжее поле». Когда Ерофей Павлович узнал о случившемся, он написал обстоятельную жалобу илимскому воеводе, отметив, что Кузька Воронин засеял свою рожь чуть ли не у него во дворе, чем его «утеснил». В доказательство своих слов о нарушении межи Хабаров приложил «даную», составленную межевщиками еще в 1650 г. Ответчик таких документов не имел, и Ерофей Павлович выиграл процесс, получив засеянную на его земле рожь⁷⁰.

ПОПЫТКА ВЕРНУТЬСЯ НА АМУР

Так бы и тянулись дни землепроходца: служба, хозяйство, выплата казенного долга, если бы не случилось непредвиденное.

Поход Ерофея Павловича Хабарова открыл новую страницу переселенческого движения, причину которого справедливо связывают со стремлением народных масс уйти подальше от административного гнета и феодальной эксплуатации. «В этом переселении, — пишет В. А. Александров, — бегство, как пассивная форма классовой борьбы, сочеталось с активными вооруженными выступлениями»⁷¹. Именно такое выступление произошло в 1665 г. в Илимском уезде.

Тогда воеводой в Илимске был Лаврентий Обухов. Отличаясь жадностью и вероломством, он вскоре довел многих жителей до полного разорения и отчаяния. Особенно тяжело приходилось крестьянам, промысловикам и гулящим людям. Многие попали в кабальную зависимость не только к Обухову, но и к его приближенным. Наконец глухой ропот против воеводы перерос в открытое выступление.

В 1665 г. в устье реки Киренги собралась летняя ярмарка, ставшая в тех краях традиционной. Промысловики привезли пушнину. Расторопные торговые люди и их поверенные бойко торговали хлебом, прочими продуктами и товарами. Ярмарка собрала много народу. Не упустил возможности побывать на ней и воевода Обухов. Но сначала он совершил объезд деревень Усть-Киренской волости. Здесь, пользуясь полной безнаказанностью, он «вымучивал многие животы у крестьян» и глумился над их женами. Вволю натешившись, воевода вместе со своими приспеш-

никами явился на ярмарку. Разгуливая по торговым рядам, он вел себя вызывающе и стал отбирать за бесценок лучшую пушнину и другие товары. Вечером на пиру Обухов грубо посмеялся над женой (по другой версии — над сестрой) ссыльного поляка Никифора Черниговского и чуть ли не сделал попытку увести ее с собой в Илимск. Обстановка накалилась. Нескольким десяткам человек илимских пашенных крестьян, промысловиков и служилых людей «за невозможное свое терпение» решили расправиться с воеводой. Организовав отряд во главе с Никифором Черниговским, они подстерегли Обухова, когда тот возвращался с ярмарки по Лене, и напали на него. В районе Кривой Луки произошло столкновение. Воевода потерял убитыми и ранеными около 20 человек своих сторонников. Пытаясь спастись, он бросился с дощаника в воду, но был достигнут восставшими и утоплен. Воеводское имущество — 30 сороков соболей и 300 руб. денег участники выступления разделили между собой. Затем, захватив у торговых людей дощаники и продовольствие, Никифор Черниговский с отрядом из 84 человек бежал Олекминским путем на Амур. Там беглецы отстроили заново Албазин и обосновались в нем.

После бегства Черниговского «шатость» в уезде продолжалась. К якутскому воеводе И. Ф. Большому Голенищеву-Кутузову, который как глава Якутского разряда отвечал за дела в Илимске, шли тревожные слухи «о воровских заводах на Лене» и о возможности новых побегов в Даурию.

Весть о том, что Никифор Черниговский, возглавив отряд, ушел на Амур, глубоко взволновала Хабарова. Когда же в Илимске стало известно, что Черниговский отстроил Албазин и теперь живет там, Ерофей Павлович не мог больше оставаться на месте. В нем снова проснулся землепроходец, и он твердо решил побывать на Амуре. Конечно, можно было последовать примеру Черниговского: собрать отряд и уйти туда самовольно. Но Хабаров гнал от себя эту мысль. У него было большое крепкое хозяйство и семья. Кроме того, над ним висел громадный долг в казну. Бежать на Амур — значило поставить себя вне закона. Администрация расправилась бы с ним как с преступником, уклонявшимся от уплаты долга: его имущество было бы конфисковано, а родные замучены на правеже. Поэтому он решил вернуться в Даурию только на законных основаниях, получив на то официальное разрешение властей.

Надеяться на поддержку якутского воеводы Голенищева-Кутузова Хабарову не приходилось. Воевода имел строгое предписание взыскивать с него долг, а должников, как известно, далеко не отпускали. В Илимск из Тобольска, вместо убитого Обухова, для временного исполнения воеводских обязанностей был направлен сын боярский А. Л. Расторгуев-Сандалов. Но к нему Хабаров обращаться за поддержкой не хотел. Расторгуев-Сандалов был малоавторитетным, сам ничего не решал, а во всем слушал наушников, «худых небылишных людей», от которых, по отзывам очевидцев, «чинилась только ссора». Поэтому Ерофей Павлович

решил запастись терпением и дожидаться в Илимск приезда воеводы, назначенного Москвой.

Таким оказался Сила Осипович Аничков (Оничков), прибывший на воеводство 28 октября 1666 г. Хабаров сразу же обратился к нему с просьбой отпустить его на Амур, чтобы строить там города и заводить пашни. Фактически Ерофей Павлович испрашивал у нового воеводы должность приказного человека на Амур. Аничков в душе поддерживал землепроходца. Но, будучи новичком в Сибири и всего лишь уездным воеводой, он не рискнул самостоятельно удовлетворить эту просьбу. Он лишь посоветовал Хабарову самому поехать к тобольскому воеводе Петру Годуну и схлопотать у него назначение на амурскую службу. Чтобы хоть как-то помочь Ерофею Павловичу, Аничков предложил ему командировку до Тобольска, а если нужно — и до Москвы, в качестве провожатого годовой ясачной казны и деловых бумаг Илимского воеводства. Хабаров был рад и этой возможности. Он надеялся на всеиллие тобольского воеводы. Ведь среди своих коллег по службе в Сибири он считался старшим (главным). Должность тобольского воеводы замещалась, как правило, боярином. Свои распоряжения сибирским воеводам он писал «с указом», а они, в свою очередь, должны были действовать «по государеву указу и по тобольскому наказу» и слушать во всем «государевых грамот и тобольских отписок». Тобольские воеводы могли, не списываясь с Москвой, самостоятельно назначать в небольшие сибирские городки детей боярских для исполнения ими приказной службы. Хабарову было хорошо известно, что на протяжении 9 лет в Енисейск посылали на воеводство детей боярских из Тобольска, в Илимск — из Якутска и Тобольска. В Нерчинск на смену Пашкову в 1660 г. был назначен распоряжением тобольского воеводы сын боярский Ларион Борисович Толбузин, которого Ерофей Павлович хорошо знал. Да мало ли было таких примеров! Хабаров вполне мог рассчитывать на получение из рук тобольского воеводы должности приказного Даурской земли, тем более что он, как ее первопроходец и исследователь, имел на это большее право, чем кто-либо другой. И со свойственными ему решительностью и оптимизмом он заторопился в Тобольск отстаивать свое право на даурскую службу.

Дорога Хабарову предстояла тяжелая. Будь он помоложе, то мало бы об этом думал. Теперь же годы давали себя знать, и всякое могло случиться с ним в пути. Поэтому Ерофей Павлович решил устроить свои дела. Человеком он был, как и все его современники, верующим. Еще раньше он поставил часовенку («крест по обещанию») при впадении в Лену Киренги. В 1663 г. он пожертвовал вместе с односельчанами деньги на строительство Троицкой церкви в Киренском монастыре. Через два года старец монастыря Варлам с монастырской братъею, жалуясь, что у них хлеб молоть негде, уговорили Ерофея Павловича передать в монастырь мельницу. Хабаров сделал так, как они просили, но оговорил только одно условие относительно подаренной мельницы: пожизненное

право молотъ на ней хлеб из своего хозяйства. После же «срока» (смерти) мельница становилась полной собственностью монастыря, а дети, внуки, племянники («род и племя») Ерофея Павловича теряли на нее всякие права⁷².

Однако старцы рассчитывали, что рано или поздно Хабаров передаст им всю свою деревню. С 1663 по 1667 г. они уже успели округлить монастырские владения за счет земель соседей Хабарова. Граница монастырских земель подступила к Хабаровке. Когда стало известно о решении Ерофея Павловича ехать в Тобольск, а возможно и в Москву, к нему в деревню зачастили монастырские власти — старцы Савватей и Иона, казначей Нехорош Павлов. В конце концов они уговорили Хабарова пожертвовать в пользу монастыря и свою деревню. Хабаров отдавал в монастырь только недвижимость. Наиболее ценные вещи (медную посуду, железные предметы), а также засеянный хлеб, мелкий и крупный рогатый скот и лошадей он распродал сам.

Старцы обещали Ерофею, что «если ему по дороге судом божием смерть случится», то поминать его, Василису и их родителей. Кроме того, по условию пожалования, они постригали в монастырь 5 нищих, убогих людей и ежегодно давали на пропитание «старицам на корм по пятидесяти пуд ржаные муки»⁷³. (В 1723 г. в Хабаровке проживало 33 человека. Деревня числилась за Киренским монастырем вплоть до секуляризации церковных земель, т. е. до 1762 г.)

Из Илимска с ясачной казной и документацией Ерофей Павлович отправился в июле 1667 г., а осенью прибыл в Тобольск. Воеводой там был энергичный и деятельный боярин кн. Петр Иванович Годунов. Он прославился своими попытками проведения некоторых хозяйственно-административных реформ в Сибири и работами в области картографии. К приезду Хабарова в Тобольске под руководством Годунова заканчивали составление первой генеральной карты Сибири с соответствующим описанием, и познания Ерофея Павловича по географии и картографии Восточной Сибири и тем более Амура пришлось как нельзя кстати.

15 октября 1667 г., в день утверждения генеральной карты Сибири Годуновым, Хабаров подал ему челобитную с просьбой отпустить его на Амур для строительства городов и заведения хлебной пашни. «А я, — обещал Хабаров, — для тое... государевой службы и прибыли подыму на своих проторях сто человек и на своих судах и хлебными запасами. С тех мест, где поставитца город и остроги, будет... великим государем в ясачном сборе и в пахоте прибыль».

Челобитная Хабарова очень импонировала Петру Годунову. Проводимые воеводой мероприятия в Сибири были направлены на увеличение государственной прибыли и сокращение казенных расходов. Хабаров предлагал, легко ли сказать, снаряжение большого отряда за свой счет. В его предложении для казны была прямая и экономия и прибыль. Но, как ни велик был соблазн, Годунов не рискнул дать положительный ответ землепроходцу.

Через руки Петра Годунова не так давно прошла отписка из Якутска воеводы Большого Голенищева-Кутузова, извещавшего о восстании против воеводы Обухова, расправе с ним и бегстве на Амур отряда Н. Черниговского. Знакомясь с документами, Годунов глазам своим не верил. Сын боярский Никифор Черниговский, который в конце 50-х гг. XVII в. был «погонщиком» за беглецами, направлявшимися в Даурию, ныне сам ушел туда в качестве главаря беглой ватаги, в которую набрал пашенных крестьян, служилых и всяких воровских людей. А теперь этот беглый Черниговский принимал к себе в Албазин людей всех чинов и званий, недовольных администрацией. В такой обстановке Годунов не посмел взять на себя ответственность и отпустить Хабарова на амурскую службу. Имя землепроходца было очень популярно в Сибири. За ним пошли бы многие. А это могло иметь нежелательный результат — запустение ранее обжитых районов вследствие отлива оттуда населения в Даурию. Но, отказав Хабарову, Годунов все-таки принял его челобитную и, завизировав, поручил передать ее в Сибирский приказ сыну боярскому Давыду Бурцеву, посланному в Москву с тобольской ясачной казной. Туда же порекомендовал Годунов ехать и Хабарову.

26 ноября 1667 г., присоединившись к Бурцеву, Хабаров отправился в столицу. В Москву он прибыл 31 декабря. По окончании рождественских праздников Ерофей Павлович был принят в Сибирском приказе. Полтора месяца Хабаров сдавал привезенную им ясачную казну. Купчины-ценовщики не торопились: придирчиво сверяли местную оценку с московской, тщательно отбирали лучшие шкурки для Мастерской Царицыной Палаты и для подарков иностранным послам. Так же внимательно подьячие Якутского стола Сибирского приказа приняли у Ерофея Павловича деловые бумаги илимского воеводства: отписки, сметные и пометные денежные, хлебные и соляные списки, таможенные и ясачные книги, челобитные.

К приезду Хабарова в руководстве Сибирского приказа произошли изменения. С декабря 1663 г. вместо боярина А. Н. Трубецкого его возглавил окольный Родион Матвеевич Стрешнев. Дьяков Г. Протопопова и Н. Юдина заменили дьяки Г. Порошин и Л. Ермолаев, переведенные Стрешневым из приказа Большой Казны. Новой администрации имя Хабарова мало что говорило, и о его отправке на Амур никто не стал хлопотать перед царем. Поэтому Сибирский приказ ограничился лишь решением о повышении оклада Ерофею Павловичу в благодарность за доставленную издалека соболиную казну и безупречную службу, но его просьбу об отпуске на Амур и снаряжении туда отряда на собственные средства оставил без внимания.

Так ничего и не добившись, Ерофей Павлович вернулся на Киренгу в свою деревню Хабаровку. По условию завещания она окончательно переходила в собственность монастыря только после смерти Хабарова. Возможно, что свои последние годы знаменитый землепроходец доживал именно здесь. О них нам почти ни-

чего не известно. Правда, некоторую ясность о времени кончины Хабарова вносят работы В. Н. Шерстобоева и Б. П. Полевого. В свое время Шерстобоеву, разбиравшему архив Илимской приказной избы, удалось найти челобитную монахов Киренского монастыря, в которой они извещали илимского воеводу Аничкова о смерти Хабарова. 9 февраля 1671 г. они писали: «А ныне он, Ярафей, умер», — и просили подтвердить за монастырем право на владение мельницей, деревней и пашней, завещанными ему Хабаровым в 1664 и 1667 гг. На основании этой челобитной В. Н. Шерстобоев считал, что Хабаров умер в 1671 г. Б. П. Полевой полагает, что Хабаров скончался в самом начале февраля 1671 г. С датой смерти Хабарова — в начале февраля 1671 г. — можно согласиться, если принять во внимание то, что монастыри, как правило, не откладывали акт вступления в наследство. В год смерти Хабарову могло быть 64—66 лет. Похоронен Ерофей Павлович Хабаров, вероятнее всего, в ограде Усть-Киренского Троицкого монастыря, щедрым вкладчиком и дарителем которого был записан⁷⁴.

ЭПИЛОГ

Деятельность Хабарова и его экспедиции имела большое политическое и экономическое значение как для России, так и для нового Даурского края. Приамурье было присоединено к России, и началось его неуклонное освоение. В 50—80-х гг. XVII в. на Амуре и его притоках строятся остроги Нерчинский, Усть-Стрелочный, Албазинский, Кумарский, Верхозейский, Селимджинский, Долонский, Аргунский. Плодородные земли Приамурья привлекли русских переселенцев. Во второй половине XVII в. их усилиями здесь возникли деревни Панова, Покровская, Усть-Аргунская, Ильинская, Шингалова, Вяткина, Монастырщина, Солдатова и др., положившие прочные начальные основы русского земледелия в Приамурье и имевшие прямую связь с его дальнейшим аграрным развитием в XIX—XX вв. В 1682 г. Приамурье выделилось в самостоятельное Албазинское воеводство. Таким образом, «левый берег Амура, — как отметил П. И. Кабанов, — стал окраинной областью Московского государства в такой же мере, как Якутия, и при этом более обжитой, чем прилегающее к Амуру Забайкалье. Московское государство имело все основания считать амурские земли своим владением не только фактически, но и юридически».

Однако на протяжении 70—80-х гг. XVII в. русские города и деревни на Амуре подвергались систематическим нападениям со стороны маньчжурской династии Цин, воцарившейся в Пекине и поработившей Китай. Целью этих нападений было отторжение российского Приамурья. В 1689 г. в обстановке военного давления и шантажа маньчжурской стороны был заключен первый русско-китайский договор, получивший название Нерчинского.

Насильственно навязанные цинской стороной статьи этого договора вынудили Россию оставить обширную территорию уже обжитого Албазинского воеводства. Получив под давлением силы не принадлежавшие им земли, маньчжуры в последующее время не осуществляли над ними фактического контроля.

В середине XIX в. России удалось завершить многолетнюю дипломатическую борьбу и заключить Айгунский и Пекинский договоры с Китаем, по которым были определены границы двух великих держав. Возвращение, изучение и освоение Приамурья во второй половине XIX в. было связано с именами известного государственного деятеля генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева, получившего за свои заслуги титул графа Амурского, и талантливого флотоводца и путешественника Геннадия Ивановича Невельского.

Готовясь к заключению Айгунского договора, Н. Н. Муравьев изучил историю присоединения Амура в середине XVII в. Имя Ерофея Павловича Хабарова стало ему известно по работам историка XVIII в. Г. Ф. Миллера, который первым из ученых описал поход знаменитого землепроходца, и по публикациям документов о Хабарове в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», «Актах исторических» и «Дополнениях к Актам историческим». Отдавая дань памяти землепроходцу, Н. Н. Муравьев-Амурский в 1858 г. предложил назвать поселение 13-го линейного батальона, основанного при впадении Уссури в Амур, постом Хабаровским. Но не только фамилию, а и имя Хабарова мы можем найти на географической карте: на Транссибирской железной дороге есть поселок и железнодорожная станция Ерофей Павлович.

Что же касается поста Хабаровского, то ему было суждено большое будущее. В 1869 г. он стал селением и там было учреждено почтовое отделение, связывающее его с Россией. В 1880 г. селение Хабаровское получило статус города, административного центра Приморской области. В 1893 г. город Хабаровский был переименован в Хабаровск, а через 4 года его соединили железной дорогой с Владивостоком. Сейчас Хабаровск — столица советского Дальнего Востока.

Так имя замечательного русского землепроходца навечно осталось запечатленным на земле, которую он первым присоединил и начал осваивать. В связи со столетием Хабаровска в 1958 г. на привокзальной площади города был открыт большой памятник Хабарову работы скульптора Я. П. Мильчина. Ерофей Павлович изваян из бронзы и стоит в полный рост на высокоом гранитном постаменте в лихо заломленной назад казацкой шапке и небрежно брошенной на могучие плечи собольей шубе. И вправе гордиться страна, имеющая в своей славной истории таких воистину богатых сынов, как Хабаров!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). — СПб., 1846. — Т. 2. — № 96.
- ² Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. — М., 1969. — Т. 1. — № 50. — С. 117—118.
- ³ ДАИ. — Т. 2. — № 96.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Полевой Б. П. Новое об амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1973. — С. 113.
- ⁶ Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1861. — № 1. — С. 6—8.
- ⁷ ДАИ. — СПб., 1848. — Т. 3. — № 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА): Фонд Сибирского приказа (далее СП). — Стб. 338. — Л. 262.
- ¹⁰ Русско-китайские отношения. . . — С. 135—136.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 153—154.
- ¹² Русская историческая библиотека. — СПб., 1875. — Т. 2. — С. 960—961.
- ¹³ Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. — Хабаровск, 1982. — Приложение. — № 7.
- ¹⁴ Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. — С. 86.
- ¹⁵ ЦГАДА: СП. — Стб. 306. — Л. 104—105.
- ¹⁶ Сафронов Ф. Г. Ерофей Хабаров. — С. 86—87.
- ¹⁷ Там же. — С. 86.
- ¹⁸ ЦГАДА: СП. — Стб. 361. — Л. 57.
- ¹⁹ Там же. — Стб. 361. — Л. 522.
- ²⁰ Там же. — Стб. 460. — Л. 13.
- ²¹ Там же. — Стб. 338. — Л. 262.
- ²² Там же. — Л. 249.
- ²³ Там же. — Стб. 344. — Л. 83.
- ²⁴ Там же. — Стб. 460. — Л. 13.
- ²⁵ Там же. — Стб. 388. — Л. 211—212.
- ²⁶ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. — 1840. — Т. 27. — С. 54—57.
- ²⁷ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). — М., 1974. — С. 77.
- ²⁸ ЦГАДА: СП. — Стб. 460. — Л. 25.
- ²⁹ Там же. — Л. 4, 31, 32, 41, 53.
- ³⁰ Там же. — Стб. 508. — Л. 2; Стб. 460. — Л. 5.
- ³¹ Там же. — Стб. 508. — Л. 4, 7; ДАИ. — Т. 3. — № 72. — С. 260—261.
- ³² ЦГАДА: СП. — Стб. 338. — Л. 262.
- ³³ Там же. — Стб. 355. — Л. 83; Стб. 338. — Л. 83.
- ³⁴ Там же. — Стб. 460. — Л. 7.

- ³⁵ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. — С. 73—74; Русско-китайские отношения... — № 56. — С. 128.
- ³⁶ ЦГАДА: СП. — Стб. 460. — Л. 27, 86.
- ³⁷ Акты исторические (далее — АИ). — Т. IV. — № 31. — С. 74.
- ³⁸ ЦГАДА: СП. — Стб. 460. — Л. 54.
- ³⁹ Там же. — Л. 95, 51.
- ⁴⁰ АИ. — Т. IV. — № 31. — С. 76.
- ⁴¹ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. — С. 84.
- ⁴² ЦГАДА: СП. — Стб. 422. — Л. 159.
- ⁴³ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. — С. 84.
- ⁴⁴ АИ. — Т. IV. — № 31. — С. 75.
- ⁴⁵ ДАИ. — Т. 3. — № 102. — С. 360.
- ⁴⁶ Рябов И. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока: XVII — начало XX в. — Хабаровск, 1958.
- ⁴⁷ ДАИ. — Т. 3. — № 102. — С. 365.
- ⁴⁸ Русско-китайские отношения... — № 61. — С. 134—138.
- ⁴⁹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке... — С. 100.
- ⁵⁰ ДАИ. — Т. 3. — № 101. — С. 358.
- ⁵¹ ЦГАДА: СП. — Стб. 460. — Л. 5, 17, 55; Стб. 344. — Л. 650, 652.
- ⁵² Там же. — Стб. 460. — Л. 14, 30.
- ⁵³ Там же. — Стб. 344. — Л. 572—289.
- ⁵⁴ История Сибири. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 140.
- ⁵⁵ ДАИ. — Т. 4. — № 103.
- ⁵⁶ ЦГАДА: СП. — Стб. 427. — Л. 15, 18, 21, 28.
- ⁵⁷ ДАИ. — Т. 3. — № 86.
- ⁵⁸ Русско-китайские отношения... — № 78. — С. 200.
- ⁵⁹ ЦГАДА: СП. — Стб. 344. — Л. 646, 653—656; Стб. 472. — Л. 5, 11, 16; Русско-китайские отношения... — № 76. — С. 196—197.
- ⁶⁰ ЦГАДА: СП. — Стб. 344. — Л. 603, 606, 607.
- ⁶¹ Там же. — Л. 173, 185, 545, 546.
- ⁶² Там же. — Стб. 472. Л. 39, 65.
- ⁶³ Русско-китайские отношения... — С. 194.
- ⁶⁴ ДАИ. — Т. 3. — № 122; Т. 4. — № 31.
- ⁶⁵ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке. — С. 100.
- ⁶⁶ ДАИ. — Т. 4. — № 8; Русско-китайские отношения... — С. 206—208.
- ⁶⁷ ДАИ. — Т. 4. — № 31. — С. 83.
- ⁶⁸ Русско-китайские отношения... — № 99. — С. 234—235.
- ⁶⁹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах: вторая половина XVII в. — Хабаровск, 1984. — С. 30.
- ⁷⁰ ЦГАДА: Ф. 281. — № 4898. — Л. 1—4.
- ⁷¹ Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в. // Исторические записки. — 1957. — № 59. — С. 274.
- ⁷² ЦГАДА: Ф. 281. — № 4901. — Л. 1, 2, 2 об.
- ⁷³ Там же. — № 4902. — Л. 1, 1 об.
- ⁷⁴ 1 декабря 1981 г. в газете «Тихоокеанская звезда» появилось сообщение о находке на Амуре в селе Калинино (бывшей деревне Монастырщине) могильной плиты с хорошо различимыми словами «Ерофей Павлович...». В связи с этой находкой возникла версия, что Хабаров все-таки вернулся на Амур и именно там доживал последние годы. По поводу этого сообщения с небольшой заметкой выступил Б. П. Полевой. Мы присоединяемся к его мнению, что имя «Ерофей» в XVII в. писалось как «Ярафей» или «Ярофей», но не согласны с ним в том, что на месте захоронения Хабарова каменной плиты быть не могло, так как «крестьянам таких плит не делали». Во-первых, Ерофей Павлович был состоятельным человеком, а во-вторых, он умер в чине сына боярского. Так что на могиле землепородца вполне могло быть установлено надгробие в виде плиты. Что же касается плиты, найденной в селе Калинино, то ее надпись необходимо изучить не только историку, но и специалисту по эпиграфике — науке, изучающей надписи на камне.

ДОКУМЕНТЫ

(публикуются впервые)

1651 г. Донос дьяка Петра Стеншина на Е. П. Хабарова и воеводу Д. А. Францбекова (ЦГАДА: СП. — Стб. 338. — Л. 262—265).

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Руссии холоп твой Петрушка Стеншин челом бьет. В прошлом, государь, во 157-м году писали к тебе, государю, с Лены из Якутцкого острогу воеводы Василей Пушкин да Кирило Супонев да я, холоп твой, что в прошлом же, государь, во 155 году и во 156 году посылали мы, холопи твои, из Якутцкого острогу вверх по Лене-реке до Олекмы, а с Олекмы Олекмою-рекою до Тугиря-реки и Тугирем-рекою до камня, который камень промеж твоей, государевой, земли и Даурской, твоих, государевых, служилых людей ленских казаков Березовского города пятидесятника Василия Юрьева да енисейского казачья десятника Олексея Оленя с служилыми людьми. А велели им про ту Даурскую землю проведать подлинно и в Даурскую землю иттить. И те, государь, служилые люди Василей Юрьев с товарищи тою Олекмою и Тугирем реками под Даурскую землю ходили и с камня через хребет в Дауры на Амур большую реку служилых людей посылали и про Даурскую землю и про Амур Великую реку проведали подлинно. А сами они в Даурскую землю зачем будет не ходили и тебе, государю, не служили, и того мы, холопи твои, не ведаем потому, что в том же во 157 году с весны по первой полои воде с Ленского волоку по твоему, государеву, указу плыл в Якутцкой острог воеводам Василию Пушкину да Кирилу Супоневу на перемену воевода Дмитрий Францбеков, а мне, холопу твоему, дьяк Осип Степанов. А пловучи, государь, тот воевода Дмитрий Францбеков и дьяк Осип Степанов Ленского ж уезду с хлебных займок с Киренги послал по той нашей дороге в Даурскую землю пашенного крестьянина Ярофейка Павлова сына Хабарова устюжанина да с ним промышленных гулящих людей, не доехав к нам в Якутцкой и не переменя нас. А тот Василей Юрьев с товарищи дождались ево, Дмитрея Францбекова, на дороге, на Олекме и с ним поехали вместе в Якутцкой острог. И в Якутцком, государь, остроге он, Дмитрий, и дьяк Осип, приняв у нас, холопей твоих, твою, государеву, ясачную и десятинную и соболиную казну, послали их, Василия Юрьева, за той твоею, государевую, соболиною казною к тебе, государь, к Москве.

И в прошлом, государь, во 158 году весною тот Ярофейко Хабаров из Даурской земли в Якутцкой острог к воеводе Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову приплыли. И воевода Дмитрий и дьяк Осип по твоему, государеву, указу дали ему наказную память, а в той наказной памяти без твоего, государева, указу написали ему, Ярофейку, целым именем с «вичом» — «Ярофею Павловичу», посольскую речь ис своего наказа, как он, Дмитрий, по указу блаженные отца твоего великого государя царя и великого князя Михаила Федоро-

вича всея Руси с Москвы послан был в немцы в Стеколку (Стокгольм. — Г. Л.), а в той посольской речи писал ему, Ярофейку, как ему к даурским князьям послов посылать и речи от тебя, государя, говорить без твоего ж, государева, указу. А по том, государь, пашенном крестьянине, Ярофейке Павлове сыне Хабарове устюжанине, взята в твою государеву казну поручная запись. И та по нем запись воеводе Дмитрею Францбекову и дьяку Осипу Степанову отдана. А в той ево, Ярофейковой, поручной записи написано, что ему, Ярофейку, на Лене-реке на Усть-Киренги-реки после урочных годов на тебя, государя, пашня пахать от девяти десятую десятину по вся годы без переводно, чтоб год от году пашня пространилась и не запустела, и хитрости и порухи никоторой не чинить и пашни не покинуть. А будет пахать пашни не станет и пашню покинет, и на тех порутчиках взяти твоя, государева, пеня и их порутчиковы головы в его Ярофейковы головы место. И твоя государева пашня, а не токмо, государь, что ему такая твоя государева даурская служба и посольская речь, за обычай. Нигде тот Ярофейко на твоей государеве службе преж сего, ни в посольстве не бывал и ничего, опрично пашни, тот Ярофейко не знает. Да с ним же, Ярофейком, в те поры воевода Дмитрей Францбеков из Якутцкого острогу отпустил твоей государев наряд три пушки, которые у нас приняла, да твоих государевых служилых людей Тобольского города казаков Третьяка Ермолина сына Чечигина с товарищи дватцать человек. А послал, государь, он, Дмитрей, того Ярофейка Павлова в Даурскую землю не для твоей государевой службы, а для своей бездельной корысти и нажитку, дав ему, Ярофейку, своих денег две тысячи девятьсот рублей. В том к его Ярофейковой записной для смертного часу духовной изустной памяти он, Дмитрей, велел отцу своему духовному Якутцкого острогу Троецкому черному попу Перфилью и белому попу Стефану и руки свои приложить. И та ево Ярофейкова духовная у него, Дмитрея. И про то ево даурскую посылку, что он с Ярофейком для своего нажитку послал свои деньги, ведомо многим Якутцкого острогу служилым и торговым людям. Да Дмитрей же Францбеков в те ж поры для той же даурской службы своего нажитку дал промышленному человеку Соли Вычеготской Дружинке Васильеву сыну Попов шестьсот рублей. А тот Дружинка до тех мест был промышленным, во 157-м году из Енисейска шел на судне устюжанина у Павла Фотиева сына Бизимова в наемщиках и в Якутцкой острог пришел без товару ж. А к тебе, государю, он, Дмитрей, про ту Даурскую землю писал с сыльным иноземцом, которого по твоей государевой грамоте из Якутцкого острогу в сибирские и русские города никуды выпущать не велено, с Матюшкою Сосновским, свою службу с прикраскою, чего там не бывало. Что будто Ярофейко в Даурской земле поймал пять городков. И тот сыльный Матюшка Сосновский ехал сибирскими города в русские города к тебе, государю, к Москве обманом, пролышкою. В первом в Ленском острожке, которой по твоему государеву указу на Ленском волоку, на Илиме-реке, мы, холопи твои, поставили, в том острожке (Илимском. — Г. Л.) твоему государеву воеводе Тимофею Шущерину при Ленском Илимского волоку... при попе Обросиме Толстоухове и при енисейском сыне боярском при Парфене Ходыреве и при игумене Варламе, которой в те поры ис Тобольска ехал, в Ленском сказывал... что будто он, Матюшка, от него, Дмитрея, везет к тебе, государю, из Даур узорочья — камень дорогой — жемчугу самого большого крупного. Про то, приехав, в Якутцком остроге сказывал енисейской сын боярской Парфен Ходырев. А что твоего государева наряду из Якуцкого с тем Ярофейком послано и что ему Дмитрей в Даурскую землю денег своих дал, и как, едучи из Якуцкого острогу с новоприборными промыш-

ленными людьми и с тем Дружинкою Васильевым на Усть-Олекмы-реки твоих государевых ясачных якутов грабили и ис пищалей по них стреляли, их переранили, и грабежом у них коров и быков поимали и с собою взяли, и что Матюшко Сосновской, едучи к тебе государю к Москве, на Ленском волоку даурскому дорогому камению цену сказывал и жемчугу с собою вес, о том писал к тебе, государю, я, холоп твой, во 158 году.

И в нынешнем, государь, во 159-м году июня в 1 день прислал из Даурской земли в Якутцкой острог с отписки к воеводе к Дмитрею Францбекову и к дьяку к Осипу Степанову тот пашенной крестьянин Ярофейко Хабаров служилого человека Третьяка Чечигина да с ним новопроборных промышленных людей племянника своего родного Артюшку Филипова сына да того прежнего промышленного Дружинку Васильева сына Попова у Соли Вычеготцкого. И тот, государь, служилой человек Третьяк Чечигин мне, холопу твоему, рассказывал про Даурскую землю. Что они в прошлом во 158 году из Якутцкого острогу в Даурскую землю пошли после Прокопиева дни устюжского чудотворца. И идучи дорогою Леною и Олекмою и Тугирем реками до камня мешкотно, запасы уметывали и стоянки были. А шли до Даурского камня два месяца, а за камень летним же осенним путем на Амуреку вышли в восемь дней и пришли под Олбазин-город за неделю до Покрова святой Богородицы нынешнего 159-го году. Под тем Олбазиним-городком нашли они прежних охочих, которые наперед сего с тем Ярофейком Хабаровым пошли в Дауры во 157-м году. Застали их в даурских юртах. Сидят в осаде чуть живы человек с пятьдесят, а иные с половину тех людей даурские люди побили. Да у них же даурские ж люди взяли живых березовского Ваську Рашиева да промышленного человека. . . А твоего государева ясаку они ныне з Даурской земли привезли всего только четыре сорока соболей и те соболи обышные. . . А подлинные де роспросные речи даурских князьцей, ясырей у него, Третьяка Чечигина, есть записаны и к воеводе де о том к Дмитрею Францбекову и к дьяку Осипу Степанову тот Ярофейко Хабаров писал же.

Да я ж, государь, слышал от промышленных людей, которые пришли с промыслу с Олекмы, да от торгового человека Соль Вычегодцкой от Павла Бизимова, в нынешнем во 159-м году послал он с мезенцом с Петрушкою Савельевым по Олекме-реке на соболиной промысел своих шесть ужин да его, Петрушкиных, были две ужины. И тот де пашенной Ярофейко Хабаров те ужины и покручеников, их товары и хлебные запасы и всякие соболиные заводы пограбили все без остатку и покручеников с собою поимал. А на сколько рублей того их промыслу и запасу пограбил, и о том тебе. . . тот торговой человек сам учнет бити челом.

Да в нынешнем же, государь, во 159-м году июня в 29 день сказывал мне, холопу твоему, ленской казак, а хто, государь, тот служилой человек имянем, и того ныне я, холоп твой, к тебе, государю, имяни ево от ево Дмитреева, заказу и заставы, что он отписки и всякие письма обыскивает и к себе переимает, написать не смею. Что он, Дмитрий, у себя на дворе при людех говорил такие речи, что та даурская служба стала ему недешева [Текст утрачен] слова, что он с ними служилых и промышленных людей. . . [Текст утрачен] им и платья им покупал и запасы своими сужал, и животы де все он свои в том истерял. А стала де ему та даурская служба в тридцать тысяч рублей с лишком, в том числе за одним Ярофейком Хабаровым в семь тысяч рублей, за Дружинкою Васильевым Поповым, что он ныне к тебе, государю, к Москве з даурскими отписки от него, Дмитрея, отпущен, на нем, Дружинке, шестьсот рублей. А на иных по сту и по пятидесяти и по сороку рублей и по тридцати, а менши того, кому он ссуду давал, тридцати

рублев в дачах нет. А которых служилых отпускал и ныне ссыльных служилых же людей посылает, он у них оклады их твоего государева денежное и хлебное жалованье все себе емлет, а им дает, покупая пищали и свинец и зелье и платье. В том на них сверх их окладов емлет кабалы, и в те кабалы сверх заимов треть денег невзятых, вместо росту, лишку приписывает. Кому дать десять рублей, а кабалу на него пишет в пятнатцати рублей, а кому даст дватцать рублей, а кабалу пишет в тридцати рублех, а кому даст больши, и те кабалы пишет по тому ж розчету. И с теми де он приписными денгами тое даурскую службу почитает в тридцать тысяч рублей слишком.

И только ты, государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, про ту Даурскую землю во што тебе, государю, по Дмитрееву отпуску Францбекова ныне в трех посылках стало и в его, Дмитриевых, в денгах якутцкого посульного ево нажитку, что он пашенному Ярофейку Павлову сыну Хабарову и ему, Дружинке, для своего нажитку денег и иным промышленным людям и платья и ружья покупает и своих запасов давал, а на их в том имал кабалы, и как Ярофейко во 158-м году из Якутцкого острогу в Дауры шел и на Олкеме твоих государевых ясачных якутов грабил, и по ним стрелял и дву человек ранил, и быков и коров побив с собою поимал, и что ныне тому Дружинке, как ево ныне из Якутцкого острогу отпустил к тебе, государю, к Москве, для вывозу денег своих дал, укажешь того Дружинку распросить с пристраскою для того, что тот Дружинка в те поры ехал с ним же Ярофейком и в Даурской земли был зиму, зимовал. А ныне из Якутцкого отпущен к тебе, государю, к Москве з Дмитриевыми отписки и с его, Дмитриевыми, нажитки. И тем Дружинкою, по твоему государеву указу, мошно будет в той даурской службы в его Дмитриевых и посульных деньгах и что он Ярофейку и ему, Дружинке, и иным служилым людям, промышленным, охочим людям и ему, Дружинке, для вывозу денег дал, ыскать. Да сверх того и твоих государевых служилых старых ленских казаков, которые ныне к тебе, государю, с твоею государевою ленскою соболиною казною посланы, распросить же. И в Якутцком остроге без него, Дмитрея, попы и дьяконом и служилыми и торговыми и промышленными людьми всеми сыскати. И по тому распросу и сыску, та даурская служба и его, Дмитриевы, нажитки, посульные деньги тебе ведомо будет все.

1655 г., 3 апреля. Челобитная и послужной список охочих и служилых амурских казаков, пришедших на Амур с Е. Хабаровым, Т. Чечигиным, Д. Зиновьевым, П. Бекетовым, И. Кашинцем (ЦГАДА: СП. — Стб. 556. — Л. 49—72, 81).

Лета 7163 апреля в 3 день на государеве цареve и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии службе в дальней его государеве вотчине на Великой реке Амуре список послужной имянной Якутцкого острогу служилым и охочим амурским казакам со 161 году, как приезжал дворянин Дмитрий Иванов сын Зиновьев, и которые оставлены после Дмитрея Зиновьева розных городов тобольские и тюменские и сургутские и верхотурские и Туринсково острогу служивые люди и Верхоленского острожку служивые и охочие амурские служивые люди, да Енисейского острогу служилых людей тридцать человек и которые пришли охочие служилые люди с служивым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом и которые пришли с верх-Шилки-реки с енисейским с сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым Енисейского острогу служивые и охочие служивые ж люди дватцать восемь человек. А служили те служивые и охочие амурские казаки государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии на Великой реке Амуре и по иным сторонным розным рекам на боях в походах в прежних годех

преж приезде енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з дватцатью с осмью человеки и сидели в осаде от богдойских воинских людей и от иных разных земель собранья в Усть-Комарском острожке всеми амурскими служилыми и с охочими амурскими казаки и с енисейским сыном боярским с Петрушкою з Бекетовым з дватцатью с осмью человеки и билися явственно. И тем всем служилым людям написаны имена их в сем в послужном списке порознь по статьям, хто в котором году на Великой реке Амуре учал государеву службу служить:

Приказной человек Онофрей Степанов бился явственно (далее — б. я.). Служилый человек, вместо подьячих Богдашко Габышев б. я. Ясаул Тимошка Федотов б. я. Ясаул Олешка Кирилов б. я.

Служилые люди и вольные охочие казаки, которые пришли в прежних годех с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым: Ортюшка Филипов Петриловской б. я., толмач Логинко Ярофеев б. я., Ондрюшка Дмитриев б. я., Семейка Федоров Бойдонов б. я., Первушка Нефедов б. я., Ярофейко Яковлев б. я., Микитка Терентьев б. я., Ондрюшка Петров б. я., Ивашко Григорьев Протопопов б. я., Семейка Григорьев Бердонос б. я., Марчко Ондреев б. я., Захарко Кузьмин Грибанов б. я., Ивашко Иванов Торопыга б. я., Ивашко Михайлов Чупров б. я., Филка Иванов Высокой б. я., Федотко Дорофеев Кивокурец б. я., Ивашко Калинин Пачезер б. я., Трошка Карпов Южан б. я., Фомка Ильин б. я., Лучка Иванов Коргов б. я., Митька Микитин Хохряков б. я., Кондрашка Иванов б. я., Семейка Федоров Тюменец б. я., Родька Махин б. я., Ондрюшка Степанов Потаповых б. я. и на той выласке Ондрюшка схватил языка, Максимка Иванов б. я., Гришка Таушкан б. я., Митька Алексеев Кочкин б. я., Петрушка Данилов Остяк б. я., Микифорко Данилов б. я., Тимошка Исаев б. я., Тренка Вахромеев б. я., Кормашко Иванов б. я., Харка Федосеев б. я., Демка Лукьянов б. я., Мишка Монзик б. я., Ивашко Иванов Мезеня б. я., Сергушка Киприянов б. я.

Якутцкого острогу служилые люди, которые пришли в другой приход с Ярофеем же с Хабаровым: Мишка Ортемьев Кашинец б. я., Филка Емельянов Табачков б. я., Ондрюшка Орефьев б. я., Васька Куржумов б. я., Оверка Микифоров б. я., Микулайко Юрьев б. я., Трофимко Микитин б. я., Ивашко Олексеев Шубан б. я., Кузька Гиляк б. я., Ивашко Иванов Дуда б. я., Максимко Михайлов Барабанщик б. я., Лучка Иванов б. я., Федька Кондратьев б. я., Федька Иванов Серебренник б. я., Савастьянко Никитин б. я., Ивашко Мартемьянов Сухой б. я., Ондрюшка Иванов б. я., Пашко Максимов б. я., Ивашко Карпов б. я., Ярофейко Михайлов б. я., Богдашко Онисимов б. я., Ивашко Оверкьев б. я., Ерофейко Степанов б. я., Клишко Микитин Корела б. я., Важенко Евсивьев б. я., Федотко Онаньин б. я., Омелка Сарафан б. я., Лучка Кондратьев Оморен б. я., Ивашко Федоров Чермной б. я., Оска Федосеев б. я., Семейка Прокопьев б. я., Васка Иванов Козлов б. я., писан ниже сего. Пронка да Ивашко Тарасовы бились явственно, Сенка Понкратов Мотоход б. я., Гришка Онтон Шуйской б. я., Федька Максимов Коркин б. я., Сенька Иванов б. я., Федька Елизарьев Скосырь б. я., Васька Верхотур б. я., Васька Григорьев б. я.

Красноярские казаки того ж приходу: Кирилко Игнатьев б. я., Стенка Савин б. я.

Охочие амурские казаки того ж приходу: Нефедко Ермолин б. я., Андрюшко Васильев Строганов б. я., Федька Алимпиев б. я., Ивашко Иванов Южак б. я., Фарaffenко Тимофеев б. я., Ивашко Лаврентьев Шарабара б. я., Омелка Григорьев Горлан б. я., Олешка Марков б. я., Ивашко Ларионов Малой б. я., Исачко Кирилов б. я., Кулька Микитин Москва б. я., Насонко Кузьмин б. я., Ивашков Сергеев

б. я., Ивашко Ондреев Горин б. я., Васка Корела б. я., Огапитко Трофимов Салдат б. я., Стафейко Семенов б. я., Пронка Мартемьянов б. я., Стенка Леонтьев Новогородец б. я., Васка Иванов Митрополщина б. я., Оська Трофимов б. я., Петрушка Пакул б. я., Баженко Измайлов б. я., Исачко Васильев б. я., Исачко Лукьянов б. я., Сенка Ондреев б. я., Тимошка Семенов Старик б. я., Андрюшка Федоров б. я., Гаврилко Герасимов Кайгород б. я., Кондрашко Панфилов б. я., Тимошка Семенов Жуков б. я., Филка Филипов б. я., Ортюшка Осипов Пьяной б. я., Постничко Меркурьев Бушовало б. я., Якунка Пимонов Кокушка б. я., Якунка Федоров Куниловской б. я., Арсучко Гордиев б. я., Гришка Юрьев Даровин б. я., Оська Яковлев Оленев б. я., Никитка Амосов Пестов б. я., Ивашко Парфенов б. я., Титко Леонтьев б. я., Калинка Леонтьев б. я., Ивашко Терентьев Годовиков б. я., Васка Федоров Киселев б. я., Онтонко Евсеев б. я., Ларка Евгифеев б. я., Федотко Леонтьев Бурдук б. я., Федотко Лукьянов б. я., Савка Ортемьев б. я., Баженко Алексеев б. я., Аниска Федоров б. я., Ивашко Григорьев Сумин б. я., Мишка Семенов Донщина б. я., Вторко Иванов Теленок б. я., Митька Назаров Тютя б. я., Клишко Ондреев Салдат б. я., Ивашко Елфимов Квашнин б. я., Васка Дмитриев б. я., Васка Карпов б. я., Васка Иванов Козлов б. я., Ивашко Никифоров б. я., Еришка да Ондрюшка Земаревы б. я., Митка Селиванов б. я.

Служилые люди, которые пришли с Тренку с Чечигиным да с Ортюшкою Петриловским: Ивашко Малафеев б. я., Ондрюшка Шипицин б. я., Сенка Сажин б. я., Ивашко Самойлов Молоков б. я., Гордюшка Кузьмин б. я., Ондрюшка Иванов б. я., Якунка Парфенов б. я., Ондрюшка Семенов б. я., Ивашко Игнатъев Манзурьев б. я., Сергушка Березовский б. я., Олешка Пелезаров б. я., Васка Ондреев Бегун б. я., Олешка Микитин Самороков б. я., Кузька Мартемьянов б. я., Никитка Павлов б. я., Мартышко Ларионов б. я., Першка Ондреев б. я.

Охочие амурские служилые люди: Онофрейко Дмитриев Солдат б. я., Гришка Акипсимов б. я., Мишка Огафонов Свечник б. я., Ивашко Васильев Пан б. я., Олешка Яковлев б. я., Мишка Яковлев б. я., Якимко Яковлев б. я., Федько Офонасьев Шергин б. я., Ивашко Евсеев Долгой б. я., Тимошка Иванов Касимовец б. я., Тренка Федоров Кузнец б. я., Тараско Никитин б. я., Гришка Иванов Бобаевской б. я., Овдокимко Оужак б. я., Тренка Титов б. я., Васка Иванов Пушма б. я., Безсонко Васильев б. я., Кипрушка Иванов б. я., Стенка Павлов Буслаев б. я., Ивашко Стефанов б. я., Гришка Прокопьев б. я., Тимошка Пиминов б. я., Фомка Парфенов б. я., Савка Иванов Коркин б. я., Ондрюшка Ортемьев б. я., Калинка Ондреев б. я., Костька Патрикеев б. я., Волотка Тимофеев б. я., Ивашко Яковлев б. я., Якунка Савин б. я., Ивашко Лукьянов б. я., Овдейко Иванов б. я., Нифачко Прохоров б. я., Шестачко Офонасьев б. я., Еремка Харитонов б. я., Ивашко Захаров б. я., Семейка Захаров б. я., Гришка Васильев б. я., Парфенко Огафонов б. я., Петрушка Остафьев Шадра б. я., Гришка Иванов Дунаев б. я., Петрушка Максимов Рожа б. я., Ивашко Фофанов б. я., Сенчка Михайлов б. я., Фетька Орефьев б. я., Ортюшка Яковлев б. я., Богдашко Федоров б. я., Ивашко Харитонов б. я., Ивашко Кирилов Козоб б. я., Евсейко Фатьянов б. я., Левка Васильев б. я., Якунка Варламов б. я., Порошка Васильев б. я., Елфимко Матвеев б. я., Елизарко Игнатъев б. я., Трошка Якимов б. я., Федотко Микитин б. я., Пятунка Сергеев б. я., Пронка Петров Крашенинник б. я., Офонка Честиков б. я., Митка Иванов Тюменец б. я., Кондрашка Ондреев б. я., Малашко Парфенов б. я., Митка Микитин б. я., Софонко Тимофеев б. я., Ивашко Офонасьев Зырян б. я., Олешка Матвеев б. я., Федька Кузьмин б. я., Трофимко Васильев б. я., Евсийко Фотиев Гурылев б. я., Якунка Григорьев Южак б. я., на том бою ис пушки ранен в левую лопат-

ку. Ортюшка Вахромеев Сажин б. я., Ивашко Иванов Рудаков б. я., Дмитрейко Фотиев б. я., Гришка Мартынов б. я., Лучка Семенов б. я., Ларка Стефанов б. я., Трофимко Онтропов б. я., Филка Карпов б. я., Васка Дмитриев Колмогор б. я., Васка Дементьев Бычек б. я., Никитка Григорьев б. я., Парфенко Прохоров б. я.

Тобольские служилые люди, которые пришли с Дмитрием Зиновьевым в прошлое во 161 году: Мишка Сидоров Рагозин б. я., Ивашко Сидоров Рагозиных б. я., Ивашко Иванов Круглой б. я., Артюшка Юрьев б. я., Васка Иванов Новопашенной б. я., Лучка Васильев б. я., Логинко Кондратьев б. я., Микулко Иванов б. я., Трошка Ондреев б. я., Федка Иванов Желиборской б. я., Митка Иванов Щербак б. я., Нестерко Васильев б. я., Олешка Игнатъев б. я., Ивашко Яковлев Юрга б. я., Тимошка Стефанов б. я., Левка Матвеев б. я., Ивашко Чурка б. я., Тихонко Колупаев б. я., Никитка Михайлов б. я., Оска Ондреев б. я., Симанко Захаров б. я., Ивашко Дмитриев Чолпановской б. я., Пятунка Петров б. я., Кирилко Онтонов Кособоров б. я., Фетка Осипов б. я., Ивашко Онтропов Кубышкин б. я., Ивашко Олексеев Зай б. я., Ивашко Петров б. я., Мишка Иванов Серебренник б. я., Ивашко Миронов Серебренник б. я., Гришка Олексеев б. я., Федка Александров б. я., Ивашко Харитонов Широкой б. я., Ермолка Ортемьев б. я., Сергушка Титов б. я., Данилко Спиридонов б. я., Бориско Епифанов б. я., Оничка Иванов Крапивин б. я., Васка Спириянов б. я., Левка Матвеев Талыга б. я., Филка Степанов Лопатка б. я., Дениско Вахромеев б. я., Ларка Григорьев Сорокин б. я., Макарко Софронов б. я., Фролко Акилов б. я., Онтонко Никифоров б. я., Митка Сергеев Шигунин б. я., Олешка Пантелеев б. я., Ивашко Гаврилов Москва б. я., Огафонко Самойлов б. я., Васка Микитин б. я., Оничка Федотов б. я., Кондрашко Филипов б. я., Петрушка Родионов б. я.

Тюменские служилые люди: Митка Михайлов Чухачов б. я., Ондрюшка Костянтинов б. я., Ивашко Шелляков б. я., Тимошка Иванов Май б. я., Сергушка Никифоров б. я., Сергушка Иванов б. я., Митка Самойлов Гурьев б. я., Потапка Клементьев б. я., Гришка Фомин б. я., Васка Дмитриев б. я., Сенка Иванов Кузнец б. я., Сенка Григорьев Голой б. я., Первушка Мякинин б. я., Нехорошко Турнос б. я., Ивашко Васильев б. я., Филка Орефьев б. я., Онисимко Кондратьев б. я.

Сургутские служилые люди: Федка Дмитриев Козел б. я., Якунка Ортемьев б. я., Федка Иванов Попов б. я., Якимко Иванов Челыщев б. я., Никитка Нифантьев б. я., Гришка Мокеев б. я., Ондрюшка Офонасьев б. я., Ондрюшка Перфирьев б. я., Гришка Федотов б. я., Парфенко Иванов б. я., Ивашко Степанов б. я., Ондрюшка Федоров Парунин б. я., Федотко Насонов б. я., Стенка Романов б. я., Левка Иванов Остяк б. я., Ондрюшка Воинов Шелех б. я., Сидорко Ортемьев б. я., Пашко Исаков б. я., Федка Карпов б. я., Силка Парфенов б. я., Васка Сидоров б. я., Ивашко Игнатъев Кудря б. я.

Верхотурские служилые люди: Мишка Леонтьев б. я., Якунка Степанов б. я., Елеска Онтропов б. я., Васка Родионов б. я., Кузька Иванов б. я., Ивашко Яковлев б. я.

Туринаского острожку служилые люди: Мишка Никифоров б. я., Кирилко Пиминов б. я., Ивашко Онисимов б. я., Гаврилко Петров б. я., Меркушка Степанов б. я., Мишка Иевлев б. я., Данилко Олексеев б. я., Гаврилко Степанов б. я.

Охочие служилые люди: Савка Микитин б. я., Лучка Иванов б. я., Ивашко Пиминов б. я., Федка Михайлов б. я., Кузька Яковлев б. я., Пятунка Панкратьев б. я., Фетка Григорьев б. я., Гаврилко Нестеров б. я., Тимошка Михиев б. я., Тимошка Устинов б. я.

Верхоленского острожку служилые люди: Пронка Кислов б. я., Мелешка

Архипов б. я., Федка Львов б. я., Тимошка Федотов Муха б. я., Семейка Иванов б. я., Офонка Данилов б. я., Захарка Леонтьев б. я., Офонка Гаврилов б. я., Фомка Васильев Постоев б. я., Семейка Иванов Зырян б. я., Гришка Павлов б. я., Левка Ярофеев б. я., Мартышко Киприянов б. я.

Охочие амурские служилые люди: Миронко Федотов б. я., Силка Федотов б. я., Евтюшка Матвеев б. я., Ивашко Ярофеев б. я., Клишко Иванов Городец б. я., Федка Иванов Леденцов б. я., Стенка Стефанов б. я., Офонко Осипов б. я., Ивашко Уваров б. я., Богдашко Павлов б. я., Мишка Федоров б. я., Фалка Иванов б. я., Клишко Созонов б. я., Харка Исаев б. я., Ермолка Прокопьев б. я., Сидорко Деметьев б. я., Семейка Иванов Шило б. я., Филка Григорьев б. я., Федка Аврамов б. я., Ивашко Федоров Оглоблин б. я., Лучка Федоров б. я., Тихонко Федоров б. я., Васка Федоров б. я., Матюшка Лазарев б. я., Кирилко Семенов б. я., Ивашко Офонасьев б. я., Ивашко Филипов б. я., Васка Кирилов б. я., Гаранка Федоров б. я., Ивашко Пиминов б. я.

Охочие служилые люди, которые приплыли с служилым человеком с Мишкою Ортемьевым Кашинцом во 162-м году: Якунко Микитин б. я., Матюшка Хворостинин б. я., Клишко Семенов б. я., Семейка Никонов б. я., Трошка Черепан б. я., Онтонко Емельянов б. я., Юшко Иванов б. я., Нестерко Григорьев б. я., Ивашко Карпов б. я., Левка Михайлов б. я., Илюшка Терентьев б. я., Микитка Елфимов б. я., Федка Антипин б. я., Давышко Андреев б. я., Кузька Денисов б. я., Гришка Микитин б. я., Евдокимко Филатов б. я., Ондрюшка Елфимов б. я., Мишка Аврамов б. я., Ивашко Костянтинов б. я., Игнашко Григорьев б. я., Пашко Киприянов б. я., Митка Андреев б. я., Филка Конанов б. я. Пашко Петров б. я., Матюшка Васильев б. я., Федка Мойсеев б. я., Кузька Иванов б. я., Огафонко Яковлев б. я., Патрушка Иванов б. я., Максимко Иванов б. я., Тренка Семенов б. я., Митка Ортемьев б. я., Оксенко Самсонов б. я., Марчко Семенов б. я., Якунка Клементьев б. я., Оска Гаврилов б. я., Федка Ларионов б. я., Васка Иевлев б. я., Гаврилко Максимов б. я., Васка Лаврентьев б. я., Терешка Васильев б. я., Урлапко Агиев б. я., Пронка Тимофеев б. я., Ивашко Юрьев б. я.

Енисейские служилые люди, которые приплыли от енисейского сына боярского Петрушки Бекетова в том же во 162-м году: Онтипка Черкашенин б. я., Васка Кирилов б. я., Сидорко Тимофеев б. я., Олешка Семенов б. я., Сергушка Петров б. я., Гаврилко Фефилатев б. я., Дорошка Елфимов б. я., Ивашко Иванов б. я., Савка Кочин б. я., Матюшка Кочин б. я., Фомка Спиридонов б. я., Гришка Олексеев Олень б. я., Оска Иванов б. я., Офонка Григорьев б. я., Петрушка Иванов б. я., Омелька Савин б. я., Васка Леонтьев б. я., Елизарко Волынкин б. я., Ивашко Емельянов б. я., Митка Ефимов б. я., Ивашко Титов б. я., Оска Насонов б. я., Лаврушка Осипов б. я., Гаврилко Ефимов б. я., Волотка Омельянов б. я., Ондрюшка Осипов б. я., Ивашко Леонтьев б. я., Гришка Лукьянов б. я., Ивашко Тимофеев Кузнец б. я., Мишка Давыдов б. я.

Енисейские служилые люди, которые приплыли с енисейским сыном боярским с Петрушкою Бекетовым в том же во 162-м году в другом приезде: енисейской сын боярской Петрушка Бекетов б. я., десятник Ивашко Гарасимов Чабучаков б. я., Нифантейко Смольянинов б. я., Любимко Павлов б. я., Федоско Васильев б. я., Васка Лукин Оленев б. я., Митка Яковлев Бархат б. я., Парфенко Домощекин б. я., Федка Семенов Мангуров б. я., Ивашко Фомин б. я., Ивашко Ощепков б. я., Осташко Хиценков б. я., Ивашко Петровской б. я., Семейка Бермятин б. я., Якимка Мергень б. я., Давыдка Остафьев Дуброва б. я.

Охочие служилые люди: Офонко Мангуров б. я., Федка Данилов б. я., Мишка

Костянтинов б. я., Терешка Григорьев б. я., Ивашко Иевлев б. я., Ивашко Семёнов б. я., Логинко Никитин Колмак б. я., Поздейко Яковлев б. я., Ивашко Михайлов б. я., Левка Петров б. я., Гришка Иванов б. я., Пятунка Ульянов б. я.

И все служилые люди розных сибирских городов и охочие служилые амурские казаки, которые писаны в сем послужном списке, служили государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии и билися явственно, оприч приезде енисейского сына боярского Петрушки Бекетова з двадцатью с осмью человеки в прошлом во 162-м году на Усть-Шингалу-реки. И в Шингале-реке з богдойскими воинскими людьми струговым боем и божию милостью, а государским счастьем на том бою многих богдойских людей побили. И в нынешнем во 162-м году в Усть-Комарском острожке богдойские воинские люди — собранье розных земель, которые под ево, богдойскою областью, приехав, обсадили и снаряд ис пушек били по всякой день и ночь по острожку. И служилых людей и охочих амурских казаков от пушечного бою бог помиловал, острог отседели. И на выласку те служилые и охочие амурские казаки выходили и много богдойские силы побили, и порох, и ядра, и оружие отбили и языков на той выласке поймали раненых. И после их отъезда служилые и охочие амурские казаки ходили в их таборы богдойские. И которых богдойских людей побили под стеною, и тех убитых людей ис под стены волочили, и по своей оне вере тех убитых богдойских людей жгли на своих оне куренях много. А иных многих убитых богдойских людей от острогу в приступное время волочить не успели.

А сидело в осаде в Усть-Комарском острожке от богдойских воинских людей всех розных городов тобольские и тюменские и сургутские и верхотурские и Туринского острожку и Верхоленского Братцкого острожку и Енисейского острогу пятьсот тритцать человек служилых людей и охочие все амурские казаки, которые служат государю царю на Великой реке Амуре своими подъемами, да Енисейского острогу сын боярской Петрушка Бекетов з двадцатью с осмью человек. И те все служивые и охочие амурские казаки написаны поименно в сем послужном списке выше сего.

На обороте послужного списка имеются рукоприкладства:

К сему послужному списку енисейской казак Васка Кирилов Горбун вместо ясаулов Тимофея Федотова да Олексея Кирилова по их велению руку приложил. К сему послужному списку Митка Микитин руку приложил. К сему послужному списку Захарко Козьмин руку приложил. К сему послужному списку Семейка Федотов руку приложил. К сей послужной челобитной вместо служилых людей, кои имяны писаны, Михайла Артемьева с товарищи, по их велению амурской охочей казак Алешка Яковлев руку приложил. К сей послужной челобитной вместо охочих казаков Нефедка Ермолина и в его место десятка и за собя Ивашко Иванов Южак руку приложил. К сему послужному списку вместо Козьмы Никитина и десятчан ево Васка Кирилов руку приложил. К сему послужному списку вместо Гаврила Гарасимова по его вельню Митка Микитин руку приложил. К послужному списку вместо Федота Левотьева и десенчан ево по его велению Сергейко Титов руку приложил. К сему послужному списку Митка Селифанов руку приложил. К сему послужному списку и челобитной вместо служилых людей Ивашка Молокова с товарищи семнадцати человек по их вельню Алешка Яковлев охочей казак руку приложил. К сему послужному списку и челобитной вместо служилых людей Ивашка Васильева Пана с товарищи за двадцать человек по их велению и за соба Мишка Агафонов руку приложил. К сей челобитной и вме-

сто Онофрейка Дмитриева по его вельню и вместо себя Мишка Яковлев руку приложил. К сему послужному списку и к челобитной вместо амурских охочих казаков Дениска Яковлева двадцати человек с товарищи дватцати человек Алешка Яковлев и за себя руку приложил. К сей челобитной и послужному списку вместо двадцети человек, кои в сем послужном списке имяны написаны, и за себя Ивашко Евсевьев руку приложил. К сей послужной челобитной вместо четырнадцати человек Евсийка Фотиева Гурылева с товарищи Ивашко Иванов и за себя по их вельню руку приложил. К сему послужному списку десятника Левки и десятчан ево Гаврилко Петров сын руку приложил. К сему послужному списку вместо Михайла Сидорова и десетчан ево по их вельню Сергушка Титов руку приложил. К сему послужному списку десетник Сергушка Титов и вместо десетчан по их вельню Сергуша Титов руку приложил. К сему послужному списку вместо тюменских служилых людей семинатцети человек по их вельню Ивашко Костентинов Колоколник руку приложил. К сему послужному списку вместо сургуцких служилых людей и за себя Ондрюшка Офонасьев руку приложил. К сему послужному списку вместо верхотурских служилых людей, которые в сем списке писаны, по их вельню Ивашко Яковлев руку приложил. К сему послужному списку вместо десяти человек служилых людей и за себя Гаврилко Петров руку приложил. К сему послужному списку вместо десяти человек Захарко Козьмин руку приложил. К сему послужному списку вместо верхоленских служилых людей Пронки Дементиева, Омелки Архипова, Тимошки Федотова и за себя служилой человек Федка Семенов Лвовых руку приложил. К сему послужному списку верхоленских служилых десети человек велинию Митька Селифанов руку приложил. К сему послужному списку вместо десяти человек и за себя Фетка Иванов руку приложил. К сему послужному списку охочей амурской казак Ивашко Костентинов и вместо охочих же амурских казаков, которые пришли с Михайлом Кашинцом пятидесяти человек, и в свое место Колоколник руку приложил. К сему послужному списку вместо енисейских служилых людей и казачьих наемщиков охочих казаков тридцати трех человек и за себя Васька Кирилов Горбун руку приложил. К сему послужному списку вместо енисейских служилых людей казачьих наемщиков пятинатцети человек и за себя енисейской казачий десятник Ивашко Герасимов Чебучаков руку приложил. К сему послужному списку за четыри человека Офонка Семенов за себа руку приложил.

1664 г., июня 21. Память отводная Ерофею Хабарову на деревню, пашенные земли и сенные покосы (ЦГАДА: Грамоты Коллегии Экономии. — Ф. 281. — Ед. хр. 4898. — Л. 1—5).

Лета 7172 июня в 21 день бил челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малые и Белые Росии самодержцу, а на Усть-Киренги-реки на Илимском погосте в съезжей избе воеводе Лаврентью Овдеевичу Обухову подал челобитную Илимского острогу сына боярского Ярафея Хабарова kwasной и банной откупщик Емелка Билибин, а в челобитной ево, Ярафее, написано: в прошлых де годех был он, Ярафей, великого государя на службе в Даурской земле. И после себя приказывал он, Ярафей, деревни свои и мельницу и пашенные земли и сенные покосы пашенному крестьянину Панфилку Яковлеву.

В прошлом де во 158-м году бил челом великому государю, а в Илимском остроге в съезжей избе прежнему воеводе Тимофею Шушерину подал челобитную пашенной крестьянин Кузьма Воронин, а в челобитье де ево, Кузькине, написано,

чтоб великий государь пожаловал, велел ему, Кузьке, на Лене-реке против Никольского погосту заречной луг отвести под пашню и под сенные покосы с Нижнего конца по Мелничную речку.

И по ево де Кузькину челобитью велено ему, Кузьке, тою землею и сенными покосами владеть.

В прошлом же во 158 году вместо ево, Ярафея, бил челом великому государю пашенной крестьянин Панфилко Яковлев, чтоб великий государь пожаловал, велел дать для скотинного выпуска и для сенных покосов и для мелничного укрепления на той же заречной стороне от Мелнишной речки в верх по проезжую дорогу, а с проезжие дороги впрямь на средней тал (ивняк. — Г. Л.) и на большую лиственницу межи учинить и за таловыми колками пашенною землею и сенными покосы велел бы великий государь ему ж, Панфилку, владеть.

И по указу великого государя против ево, Панфилкова, челобитья илимской служилой человек пятидесятник казачей Кирилко Лебедев да таможенной целовальник Мартышко Пахорук той земле и сенным покосам межи учинили от Мелничной речки по проезжую дорогу, а с проезжие дороги впрямь на средней тал, а с талу на болшую лиственницу, а за Лену-реку впрямь на болшую сосну. А то де межевое дерево ныне посечено.

А за таловыми де колками велено пашенною землею и сенными покосы владеть ему, Панфилку.

И в прошлом де во 171 году бил челом великому государю, а на Усть-Киренги-реки на Николском погосте в съезжей избе воеводе Лаврентью Овдеевичу Обухову подал челобитную пашенной крестьянин Кузька Воронин на тое межевую отводную землю.

И по его де Кузькину по ложной по подписной челобитной челобитью велено ему, Кузьке, тою распашною землею владеть по Мелничную речку. И он де, Кузька, на той ево Ярафееве распашной земле к нынешнему ко 172 году хлеб насеял вплоть о двор и тем де ево, Ярафея, он, Кузька, истеснил напрасно. И чтоб великий государь ево, Ярафея, пожаловал, велел по допросу отводчиков и по сыску старожилцы тое заречную межевую распашную землю и которая земля за таловыми колками и сенные покосы по отводным старым межам и с насеяным хлебом, которой хлеб посеян к нынешнему ко 172 году, отдать ему, Ярафею, по прежнему. . .

Да в сыску ж отводчик прошлой таможенной целовальник Мартышко Пахорук сказал по государеву крестному целованью: «В прошлом де во 158-м году против челобитья Панфилка Яковлева он, Мартышко, с пятидесятником казачьим с Кирилкой Лебедем ему, Панфилку, к мельнице пашенную землю и сенные покосы отводили по межу пашенного крестьянина Кузьки Воронина, по его, Кузькину, пашенную землю. А по которым де местам пашенная земля и сенные покосы от Кузькиной пахоты Панфилку Яковлеву отмежовано, и тому де следует их Мартышкова и Кирилки Лебеда заручная отводная межевая роспись. Да и в данной де у Кузьки Воронина ево Кузькиной пашенной земле и сенным покосам нижнему и верхнему концу описаны. А в отводной данной памяти Кузьки Воронина написано дачи прошлого 158 году преждево воеводы Тимофея Шушерина по отводу пятидесятника казачья Кирилка Лебеда той ево Кузькине пашенной земле с нижнево конца наволока за Леною-рекою пониже Николы, где часовня стоит.

И по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца воевода Лаврентей Овдеевич Обухов по скаске отводчика прошлого таможенного целовальника Мартышка

Похорука и Панфилка Яковлева и по данной Кузьки Воронина от ево Кузькины пашенной земли и сенных покосов по проезжую дорогу на нижней конец по Мелничную речку, а з дороги впрямь на средней тал, а с талу на большую лиственицу и за колками пашенную землю и сенные покосы велел тою пашенною землею и сенными покосами владеть Ярафею Хабарову для приезду к мелнице и для укрепления мелницы. А Кузьке Воронину от тое земли отказать потому, что в прошлом во 171 году бил челом великому государю он, Кузька, на тое Ярафееву распашную землю ложно и называл своею отводною землею. А в данной ево, Кузькине, написано межа ево, Кузькина, отводной земле с нижново конца наволока за Леною-рекою пониже Николы, где часовня стоит, а не по Мелничную речку и не по дороге. А которой хлеб он, Кузька, на той Ярафееву распашной земле по ложному своему челобитию к нынешнему ко 172 году насеял, и тот насеяной хлеб велено Ярафею Хабарову жать ему, Ярафею, своими работники и скласть на той земле в скирды и в копны и беречь велеть до указу великого государя и до подлинново сыску. А возить и молоть ему, Ярафею, к себе не велено до отдачи. А буде он, Ярафей, на той земле учнет пашню пахать и хлеб сеять, и с тое пахоты платить ему, Ярафею, великому государю в казну по выделу молоченым хлебом десята.

К сей отводной памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца печать Земли Сибирские Ленского волоку Илимского острогу Лаврентей Овдеевич Обухов приложил.

1665 год, ноябрь 11. Прикладная память Ерофея Хабарова в Киренский Троицкий монастырь на мельницу Панфиловскую (ЦГАДА: Грамоты Коллегии Экономии. — Ф. 281. — Ед. хр. 4901. — Л. 1, 2 об.).

Из Илимского острогу сын боярской Ярафей Павлов сын Хабаров дал ес ми свою прикладную память на Великой реке Лене в Усть-Киренской в Троицкой монастырь в казну строителю старцу Варламу з братьею в том, что приложил я, Ярафей, свою мельницу Панфиловскую и з землею, чем я владел и со всем заводом. А взял я, Ярафей, ис того Троицкого монастыря сто рублей денег да пять вкладных, а цена той моей мельнице тысяча рублей. А мельница против Усть-Киренского Никольского погоста за Леною-рекою на речке Тихтилячихе: два анбара, двои жерновы, два веретена, две жапки, восемь кругов, четыре шипа, два подпятника — все железное, две избы и земля, что отведена к той мельнице для мелнишного крепления. И во всем без вывода. А владеть им строителю з братьею тою моею мельницею по сей прикладной памяти с нынешняго 174-го году с Николина дни вешняго и молотить. А помолные деньги брать Троице в казну. А меня, Ярафея, поминать вечным поминанием, по смертию мою записать в литию и в синодик. А мне, Ярафею, на той мельнице молоть по смерть свою запас своей пахоты. А сторонно хлеба никакого не привозить. А свой хлеб молоть мне, Ярафею, на той мельнице до смерти моей безденежно. И им, строителю з братьею, в том Троицком монастыре тою мельницею владеть с Николина дни, кой срок в сей прикладной памяти писан со всем без вывода. А мне Ярафею, после срока до той мельницы, опроче своево молотья, дела нет никоторыми делы, ни детям моим, ни внучатам, ни племянникам, ни роду моему, ни племяни. А та моя мельница преж сей прикладной памяти ни в закупи, ни в закладе и ни в каких письменных крепостях. А буде преж сей прикладной та моя мельница в закупе или в закладе или в каких ни есть

письмянных крепостях, и мне, Ярафею, та своя мельница выкупать и очищать своими денгами, а выкупа и очистя, отдать в дом живоначальной Троице с чиста пути. И в том им строителю з братьею убытка не привести. А что у меня, Ярафея, у той мельницы на мелнишной земле насаено хлеба к нынешнему ко 174 году, и тот хлеб мне, Ярафею, снять и измолотить себе, а строителю з братьею до того хлеба дела нет. А хлеб сняв, и впредь мне, Ярафею, до той земли и мельницы, чем я владел, впредь дела нет. И отводную память на ту мелнишную землю отдал им, строителю з братьею. И впредь мне, Ярафею, и детям и внучатам моим за те мельницы болше того цены не спрашивать ни которыми делы. В том Ярафей за свою мельницу в дом живоначальной Троице и прикладную дал.

На то послуши (свидетели. — Г. Л.): торговые люди Омельян Фролов сын Билибин, Семен Никифоров сын Поповцов, Стефан Володимеров сын. А прикладную память писал по ево, Ярафиеву, веленью Усть-Киренской таможенной подьячей Ивашко Максимов. Лета 174-го ноября в 11 день.

На обороте рукоприкладства: Ярофийко Хабаров руку приложил. Послук Емелка Билибин руку приложил. Послук Семенка Поповцев руку приложил. В послук Степанка Володимеров руку приложил.

1667 год, июнь 25. Поступная память Ерофея Павловича Хабарова в Киренский Троицкий монастырь на деревню Хабаровку (ЦГАДА: Грамоты Коллегии Экономии. — Ф. 281. — Ед. хр. 4902. — Л. 1—1 об).

Се аз Илимского острогу сын боярской Ярофей Павлов сын Хабаров дал еси мою память на Усть-Киренги живоначальные Троицы в монастырь старцу Саватею да старцу Ионе з братьею да казначею Нехорошему Павлову в том, что в нынешнем во 175 году поезжаю я, Ярофей, с Усть-Киренги к Москве великих государей за казною. А остаетца у меня, Ярофея, на Усть-Киренги прежняя моя розпахая земля и половников моих розпаш на Киренском лугу Байдановская и Русковская заимка и мое поставление двор и хоромы и всякое строение и сенные покосы и рыбные ловли.

А в межах та земля и сенные покосы с верхнево конца от пашенного от Григорья Яковлева от Лены-реки по ложку конец покотины, да вверх по сенному лугу на озеро к бору по Полоротовской дороге, а с нижнего конца от Балахонские пахоты от Лены же реки на нижней тал с нижнево конца, а с талу впрямь на озеро, на увал, а по увалу впрямь на конец Полоротовского бору. А буде мне, Ярофею, судом божим смерть случитца, и им, старца[м], и всей братии того монастыря тою моею заимкою и сенными покосы и двором и хоромами и рыбными ловлями владеть. И душу мою, Ярофееву, и жены моей Василисты и родителей моих поминать.

Опричь насаеного хлеба и медной посуды и железного заводу и скота, лошадей и коров. Да им же, старцым, за ту мою заимку постричь у себя в монастыре пять человек нищих убогих людей, в том числе постричь Васюгу Микулина. Да с той же заим[ка] давать по вся годы старицам на корм по пятидесяти пуд ржаные муки. В том им сию и поступную память дал. А у сей памяти седили торговые люди Емельян Фролов Билибин, да Ондрей Иванов сын Балдаков, да Сава Иванов сын Костелин. А поступную память писал Лучка Лвов Новгородец. Лета 7175-го году июня в 25 день.

На обороте имеются рукоприкладства: Ярофико Хабаров руку приложил. . .

ОГЛАВЛЕНИЕ

Маящие слухи о богатствах неведомой реки	3
Начало проникновения русских на Амур	5
Откуда мы знаем о Хабарове	18
В Устье Великом и Мангазее	24
На великой реке Лене	32
Организация экспедиции	42
Амурская земля	50
Начало похода	53
В Якутск — за помощью	57
Возвращение в Даурию. Зимовка в Албазине	62
Продолжение амурской экспедиции	67
Зимовка в Ачанском остроге	73
Снова в Даурской и Дючерской земле	78
Раскол в отряде Хабарова	80
Попытка попасть на Амур со стороны Байкала	86
Донос дьяка и распоряжения Сибирского приказа	88
Государевы сыщики	93
Поездка Хабарова в Москву	100
Судьба хабаровского войска	106
Возвращение Хабарова на Лену	115
Попытка вернуться на Амур	122
Эпилог	127
Примечания	129
Документы	131

1 р. 30 к.

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ